

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Санташов А.Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Селиверстов В.И. — начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Немченков В.Ф. — и.о. начальника правового управления ФСИН России;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Жалбуров Е.Т. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛЬ: Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 10
Вологда 2010

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

И.Я. КОЗАЧЕНКО, Е.Б. КОЗАЧЕНКО

Уголовно-правовая калькуляция цели уголовного наказания. 4

В.Ф. ЛАПШИН

Совершенствование уголовного законодательства в условиях либерализации уголовной политики. 8

С.О. СОБЧУК

Некоторые теоретические аспекты противодействия легализации (отмыванию) незаконных доходов, полученных преступным путем. 12

М.В. ИСТОМИНА

Вина как признак субъективной стороны рейдерского захвата: уголовно-правовые и гражданско-правовые аспекты. 15

Я.О. НОВИКОВ

Некоторые вопросы квалификации использования рабского труда в уголовном праве России. 17

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

В.Б. МАЛИНИН, Л.Б. СМЕРНОВ

Пенитенциарная система России в контексте предстоящих реформ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. 21

В.В. ПОПОВ

Воспитательный центр как новый вид исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных. 27

А.Л. САНТАШОВ, И.А. ЯНЧУК

О совершенствовании ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. 36

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Б.Я. ГАВРИЛОВ

Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения. 38

С.В. КОСОНОВА

Государственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе: проблемы правового регулирования. 40

Т.В. ШАТАЛОВА

Процессуальные полномочия мирового судьи по рассмотрению уголовных дел частного обвинения. 42

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ .. 46

Т.Н. ДЕНИСОВА

Отношение ко времени у благополучных и девиантных подростков. 46

А.А. БАБКИН, Д.Ю. КРЮКОВА

Применение образовательных, в том числе дистанционных, технологий в учреждениях УИС. 50

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ 53

П.В. ГОЛОДОВ, Л.Л. МАЛКОВА

Механизм управления трудовой адаптацией осужденных в исправительных учреждениях. 53

Д.А. СЫСОЕВ, О.В. КОШКО

Финансовые ковенанты как инновационный механизм обеспечения исполнения кредитного обязательства в российской практике. 57

М.М. АНДРОНОВА, В.А. САВЕЛЬЕВА

К вопросу об оценке экологической эффективности специальных учреждений. 60

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 62

Е.О. АЛАУХАНОВ

Проблемы соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом. 62

Н.Г. КАЛАШНИК

Некоторые аспекты реформирования пенитенциарной системы Украины. 65

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 68

Е.В. СВИНИН

Правовой порядок как социальное явление и общеправовая категория. 68

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 71

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Эволюция системы НКВД–МВД СССР (1934–1956 гг.). 71

В.А. ГУСАК

Основные направления преобразования системы органов милиции в период Великой Отечественной войны (1941–1945). 79

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ 83

С.А. СОФРОНОВА

Проблемы реализации конституционных прав и свобод осужденных к различным видам наказаний. 83

А.М. ПОТАПОВ

Проблемы развития и совершенствования альтернативных лишению свобод видов наказаний. 84

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 86

НАШИ АВТОРЫ 87

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 88

РЕЦЕНЗИИ 88

С.В. ИЗОСИМОВ

Рецензия на учебное пособие «Уголовно-исполнительное право. Особенная часть». 88

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 89

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 91

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 94

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION4

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

I.YA. KOZACHENKO, E.B. KOZACHENKO

The criminal – legal calculation of the aim of criminal punishment.4

V.F. LAPSHIN

The improvement of the criminal law in terms of liberalization of the russian criminal policy. 8

S.O. SOBCHUK

Some theoretical aspects of antimoney laundering . . .12

M.V. ISTOMINA

Guilt as the attribute of the subjective aspect of forcible takeover: criminal – legal and civil – legal aspects. . .15

YA.O. NOVIKOV

Some qualification issues of slave labour in the Criminal law of Russia. 17

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

V.B. MALININ, L.B. SMIRNOV

Penitentiary System of Russia in the context of coming reforms in the criminal and criminal executive legislature21

V.V. POPOV

Educational centre as a new type of correctional institution for juvenile offenders.27

A.L. SANTASHOV, I.A. YANCHUK

About the development of the article 113 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation36

CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

AB.YA. GAVRILOV

The arraignment: current status and law enforcement problems.38

S.V. KOSONOGOVA

The state financial control in the penal system: the problems of legal regulation.40

AT.V. SHATALOVA

The procedural authorities of a magistrate in a criminal case of private prosecution.42

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK46

T.N. DENISOVA

Secured and deviant juveniles' time concept46

A. A. BABKIN, D. Y. KRYUKOVA

Using of educational, particularly, remote technologies in correctional institutions50

TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY.53

P.V. GOLODOV, L.L. MALKOVA

Controlling mechanisms for prisoners' labor adaptation in correctional institutions. 53

D.A. SYSOEV, O.V. KOSHKO

The financial covenants as an innovation mechanism of discharge of credit obligation in Russia.57

M.M. ANDRONOVA, V.A. SAVELYEVA

On the issue of the estimate of ecological efficiency of special establishments60

FOREIGN EXPERIENCE62

EY.O. ALAUHANOV

The problems of national criminal law of correlation with international criminal law. 62

V.G. KALASHNIK

Some aspects of the Ukraine penitentiary system reformation.65

DISCUSSION IS WELCOME68

E.V. SVININ

Law order as a social phenomenon and common law category68

HISTORY PAGES71

A.L. KUZMINYKH

People's Commissariat of Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs of USSR (1934-1956) development.71

V.A. GUSAK

Militia in the system of agencies connected with combating child neglect and homelessness in the period of the Great Patriotic War (1941-1945).79

OUR RESEARCHES83

AS.A. SAFRONOVA

The problems of the implementation of constitutional rights and freedoms of convicted for different types of punishment (2006-2009).83

A.M. POTAPOV

The research of the problems of development and perfection of measures alternative to imprisonment84

SCIENCE AND LIFE86

OUR AUTHORS87

DISSERTATIONS REVIEW.88

REVIEWS88

S.V. IZOSIMOV

A text-book review of the manuscript "The Penal Law: Special Part".88

NOVELTIES OF LITERATURE89

INFORMATION, ADVERTISEMENTS.91

ANNOTATIONS OF ARTICLES

AND MATERIALS94

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Уголовно-правовая «калькуляция» цели уголовного наказания

И.Я. КОЗАЧЕНКО – заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Е.Б. КОЗАЧЕНКО – судья судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы достижения целей уголовного наказания. Отдельные цели, заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, фактически не могут быть достигнуты при применении любого вида наказания. Более того, в некоторых случаях применение наказания, наоборот, провоцирует осужденного на совершение новых преступлений, характеризующихся, как правило, большей общественной опасностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мера уголовной ответственности; принудительные и стимулирующие компоненты; цели наказания; общее и специальное предупреждение; исправление осужденного; восстановление нарушенных прав потерпевшего; справедливость наказания.

Фактом совершения преступления виновный неизбежно, то есть во всех без исключения случаях, приводит в действие сложный социально-правовой комплекс отношений, в упрощенном виде функционирующий в рамках известной триады: преступник, совершивший преступление – потерпевший от данного преступления – государство, обязанное соответствующим образом отреагировать на произошедшее путем принятия обоснованного решения.

За кажущейся простотой постановки проблемы кроется исключительно сложный и предельно противоречивый процесс ее разрешения. Сложность заключается в том, что у каждой из сторон названной нами триады свои собственные, чаще всего взаимоисключающие, приоритетные интересы. Данные интересы обусловлены различными объективно-субъективными, субъективно-объективными, а в ряде случаев просто субъективными причинами. Государство заинтересовано в том, чтобы никто из его граждан не совершал преступлений; преступник

преследует цель путем совершения преступления удовлетворить свои потребности; потенциальный потерпевший мечтает о своей личной безопасности. Что же происходит после совершения преступления? Можно предположить: государство получило право на привлечение виновного в совершении преступления к уголовной ответственности; преступник использует свои возможности для того, чтобы уйти от уголовной ответственности; потерпевший опасается получить свое «звание» пожизненно, поскольку государство, заботясь в первую очередь о поимке преступника, еще о нем (потерпевшем) не вспомнило, а преступник забыл о нем навсегда.

Оставим на время потерпевшего в покое. Нас в первую очередь интересует дальнейший уголовно-правовой диалог между государством и преступником при условии, что государству удалось изобличить преступника, а последнему не удалось избежать разоблачения и задержания. Фактом совершения преступления виновный создает ситуацию, когда: а) государство обяза-

но привлечь его к уголовной ответственности за совершенное им преступление и б) сам преступник обязан принять как должное привлечение его к уголовной ответственности. Все остальные обязанности сторон имеют второстепенную, обслуживающую роль. Естественно, что преступник, совершив преступление, обрел и специфическое право требовать от государства, чтобы привлечение его к уголовной ответственности осуществлялось в пределах уголовного закона, который им были нарушен. Правда, уголовным законом и государству делегировано право при наличии законных оснований освободить преступника от уголовной ответственности.

Итак, человек, совершивший преступление, привлечен на законных основаниях к уголовной ответственности. В этой связи закономерен вопрос: какие цели должны и могут преследовать обе стороны теперь уже уголовно-процессуального процесса? Рискнем предположить, что государство, решив задачу привлечения виновного в совершении преступления к уголовной ответственности, должно назначить ему оптимальное наказание, памятуя о принципе справедливости. В этом и заключается основная цель привлечения к уголовной ответственности. Все другие возможные и допустимые цели привлечения к уголовной ответственности являются сопутствующими, вспомогательными, второстепенными. В свою очередь привлеченный к уголовной ответственности главным образом ставит целью с помощью доступных ему средств либо избежать наказания, либо быть наказанным по минимальной шкале уголовно-правовых координат. В таком формате цели сторон диаметрально противоположны: одна сторона (преступник) искренне убеждена, что предполагаемое наказание является несправедливым по сути и бессмысленным в плане позитивного влияния; другая сторона – государство – полагает, что назначаемое наказание является исключительно справедливым и достаточно эффективным для исправления осужденного. К сожалению, вера в целительные свойства наказания со времен царя Хаммурапи и до наших дней с поразительным постоянством не оправдывается, но, несмотря на это, она остается чрезвычайно живучей. Между тем официальная власть должна понять, что любые социальные преобразования, тем более в сфере противодействия преступности, нужно начинать не с устранения негативных последствий (хотя это является важным направлением социальной политики государства), а с локализации и устранения причин, порождающих преступность на макроуровне. Это позволит безошибочно определиться с постановкой целей перед карательными органами на микроуровне, то есть в каждом конкретном случае.

Среди великого множества деструктивных факторов, влияющих на выбор человеком поведенческой модели, наиболее значимыми, на наш взгляд, являются нравственный кризис общества, социальное неравенство и социальная несправедливость.

Суть первого деструктивного фактора заключается в масштабном и, как показывает социальная практика, небезрезультатном тотальном втягивании огромной массы людей в алкоголизм, наркоманию, проституцию и другие виды негативного поведения. К сожалению, немалую роль в этом играют средства массовой информации, среди которых с большим отрывом лидируют телевидение и Интернет, за ними идут газеты и журналы. Однако, каким бы сильным ни было воздействие средств массовой информации, самым развращающим фактором является сама социальная действительность, или среда, в которой нормальный человек постоянно боится быть втянутым в ту или иную роковую бездну. Многочисленная армия людей, опустившихся (или опущенных) на самое дно социальной жизни, становится источником для воспроизводства преступности и различных негативных явлений.

Содержание второго упомянутого нами деструктивного фактора составляет полярное имущественное расслоение российского общества. К сожалению, к социальному неравенству российские граждане уже привыкли, его возвели чуть ли не в социальную норму. Опасно другое. Сегодня необходимо вести серьезный разговор о наметившемся социальном разломе между бедными и нищими, низведенными до уровня рабов. Рудименты далекого прошлого реанимируются устрашающими темпами. Опасность социального неравенства более ощутима, на наш взгляд, в нравственной сфере. Люди из разных социальных слоев с самого своего рождения, будучи равноправными по конституции, имеют далеко не одинаковый доступ к социальным благам, разные возможности для самореализации. Наивно полагать, что люди, живущие в богатых, бедных и нищих семьях, будут в равной степени чтить уголовно-правовые нормы. Отсутствие возможности достичь социального успеха легально многих из них подталкивает к реализации своих способностей в обход закона.

Третий деструктивный фактор находит свое выражение, на наш взгляд, в том, что государство и общество, ожидая (требуя) послушания со стороны своих граждан, не вкладывает в них необходимый инвестиционный социально-нравственный капитал. Уделять внимание обездоленным людям по остаточному принципу и ожидать от них правопослушного поведения – несбыточная утопия. К сожалению, многое из опыта, накопленного в прошлом, мы растеряли, а то и предали анафеме. А жаль!

Естественно, что факторов, отрицательно влияющих на состояние преступности, значительно больше, но именно названные представляются нам наиболее существенными.

На фоне столь мощных негативных социальных процессов достаточно проблематично достичь целей, которые ставит перед уголовным наказанием государство. Как известно, УК РФ 1996 г. впервые в истории отечественного уго-

ловного законодательства закрепил понятие наказания и определил цели его применения. При серьезном анализе понятий наказания, его функций и целей становится очевидной их нестыковка, а если быть предельно точным, то их противоречивость. Методологически данное противоречие заложено в определении понятия наказания. Составители ст. 43 УК РФ взяли его из доктринальной модели определения наказания, которое к тому времени сформировалось в юридической литературе. Однако вольные формулировки ученых, пусть даже обладающих научным авторитетом, вряд ли употребимы в тексте закона, который должен быть логически и терминологически выверенным. Постараемся обосновать данный тезис.

В Уголовном кодексе наказание трактуется как «мера государственного принуждения». Это означает, что закрепленные в ст. 43 УК РФ цели наказания могут и должны достигаться исключительно с помощью принуждения, так как закон ничего другого не предусматривает. Если применительно к целям восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений устрашение принуждением в какой-то мере допустимо и, может быть, оправданно, то идея об исправлении осужденного только принудительным воздействием порочна в своей основе. Исправлять только принуждением можно лишь невменяемого человека. Резонно поставить только один вопрос, на который в данном случае нет ответа: в каком соотношении с наказанием находятся многочисленные меры поощрительного, стимулирующего характера? Нам с трудом представляется, что осужденный, будучи психически здоровым, при применении к нему мер принуждения вдруг начнет испытывать сильное желание исправиться. Да и трудно себе представить поощрение осужденного принудительными мерами.

Вывод первый. Содержание наказания помимо принуждения (своего приоритетного компонента) содержит (должно содержать) стимулирующие, а значит, не принудительные компоненты. В этой связи наказание предпочтительнее рассматривать как одну из мер уголовной ответственности, включающей и принудительные, и стимулирующие компоненты.

Как уже отмечалось, определение наказания содержит указание на меру государственного принуждения. Понятие «мера» может толковаться как нечто достаточное, другими словами, наказание есть мера ответственности. Вместе с тем «мера» подразумевает и единицу счета, она может исчисляться в единицах времени (годы, месяцы, часы) или в материальных единицах (рублях) в случае назначения штрафа. Вместе с тем в УК РФ имеют место «безмерные» наказания, к которым, в частности, относятся: а) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; б) пожизненное лишение свободы; в) смертная казнь.

Указанные наказания обладают характерной особенностью, которая выражается в том, что государственное принуждение по объему содержания не совпадает с объемом содержания самого наказания. Так, в случае лишения (отобрания) специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград «государственное принуждение» воздействует на осужденного всю его оставшуюся жизнь, то есть пожизненно, так как, лишившись звания, чина или награды (моральные страдания), человек может потерять стабильный заработок, иногда единственный источник его материального благополучия. Парадокс заключается в том, что в случае назначения лишения свободы в качестве основной меры наказания судимость будет погашена, а при дополнительном наказании человек признается несудимым, но, по существу, бремя наказания он несет пожизненно. В другом случае, при назначении пожизненного лишения свободы, государственное принуждение безмерно и растягивается, как и в предыдущем варианте, на всю оставшуюся жизнь осужденного. Еще больше вопросов о мере государственного принуждения возникает при анализе такого вида наказания, как смертная казнь. Оно, то есть государственное принуждение, имеет место лишь до момента приведения приговора к исполнению.

Вывод второй. Категория меры не может претендовать на роль универсального признака наказания, так как она применима не ко всем видам наказания. Можно предположить, что само наказание в целом выступает мерой – мерой уголовной ответственности.

Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание – это мера государственного принуждения, «назначаемая по приговору суда». Приведенная терминологическая конструкция требует своего рассмотрения. Во-первых, наказание может быть назначено как судом (то есть коллективно), так и судьей (то есть единолично). Во-вторых, «мера» по законам логики не назначается (назначаться может только наказание), она должна устанавливаться уголовным законом и в каждом конкретном случае определяться судом (судьей). В-третьих, наказание назначается не «по приговору суда», а приговором (и не только) суда или судьи. В противном случае получается, что сначала должен быть оформлен приговор, а уже по этому приговору должно быть назначено наказание.

Вывод третий. Мера уголовной ответственности определяется на основе уголовного закона только судом или судьей единолично.

Уголовный закон говорит о том, что наказание «применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Постараемся осуществить логическую «калькуляцию» приведенного текста закона. Нам представляется, что наказание, во-первых, логично

назначать, а не применять (применять можно свои знания, опыт и т.п.), во-вторых, в силу многозначности слова «лицо» наказание назначается человеку, а не лицу. По смыслу отечественного Уголовного кодекса получается, что преступление совершает «лицо», а наказывается «деяние» – кража, убийство и т.д. (см. ст. 158, 105 и др.). Так уж повелось у нас, что процессы совершения преступления, наказания и его отбывания обходятся без человека. Итак, объяснив, к кому должно «применяться» наказание, закон как бы вскользь замечает, что наказание «заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица», хотя о сущности наказания следовало бы вести речь в первом предложении ч. 1 ст. 43 УК РФ.

Вывод четвертый. Указание о том, кого следует наказывать, целесообразно перенести в раздел УК РФ о назначении наказания (например, в общие начала назначения наказания), а определение сущности уголовного наказания включить в определение понятия наказания, текст которого можно изложить в следующей редакции: «Наказание есть мера уголовной ответственности, определяемая судом или судьей единолично, включающая в свое содержание принудительные и стимулирующие компоненты, предусмотренные настоящим Кодексом, соотношение которых позволяет регулировать поведение осужденного в период отбывания им соответствующего наказания».

В ч. 2 ст. 43 УК РФ, судя по названию статьи, речь идет о целях наказания. Если цель понимать как то, к чему стремятся, чего хотят достигнуть, то наказание, даже уголовное, может преследовать только одну цель, указанную в названной статье, – устроить читателя (в первую очередь склонного к правонарушению) возможностью подвергнуться каре в случае совершения им преступления. Иными словами, речь можно вести лишь о цели общего предупреждения. Мы склонны считать, что перед наказанием как уголовно-правовой категорией ставить какие-либо цели, мягко говоря, некорректно, так как в своем статическом состоянии наказание, даже самое жуткое, практически никакой (кроме информационной) цели достичь не может. Законодатель ближе к истине, когда указывает в тексте ч. 2 ст. 43 УК РФ, что «наказание применяется в целях...». Конечно, лишь при назначении наказания естественен вопрос: с какой целью назначается наказание? Однако и в этом случае ответ один: для того, чтобы назначенное наказание было отбыто осужденным, причем с положительным результатом. Если это так (а мы убеждены, что это так), то закономерен другой вопрос: зачем говорить о целях назначения наказания в ст. 43 УК РФ? Логично было бы вести о них речь в главе УК РФ, которая так и называется – «Назначение наказания». Но при соблюдении элементарной последовательности определенные цели можно ставить перед исполнением наказания, что является предметом регулирования Уголовно-ис-

полнительного кодекса. Действительно, о целях можно говорить лишь применительно к целям исполнения наказания. Мы сознательно выделили слово «исполнение», так как цели отбывающего наказание и цели исполняющих наказание чаще всего не только не совпадают, но и взаимно исключают друг друга.

В качестве приоритетной цели «применения» наказания закон называет «восстановление социальной справедливости». Наверное, вряд ли можно найти в УК РФ более аморфное, а потому и лицемерное понятие. Прежде всего речь идет о восстановлении того, что разрушено, повреждено, наконец, попорно. Кто же, по мнению составителей закона, тот мудрец, который может утвердительно сказать: восстановлена или не восстановлена справедливость, да еще социальная, скажем, при осуждении вора за карманную кражу. Что ему нужно сделать, чтобы социальная справедливость была восстановлена – просить извинения у общества, социума? Логично – у потерпевшего. Вернуть ворованное имущество государству? Логично – потерпевшему.

Далее в законе речь идет о восстановлении «справедливости». Тысячи страниц посвящены раскрытию сущности справедливости, и все же до сих пор по этому вопросу нет единого мнения. Да его и не должно быть, так как понятие справедливости настолько объективно, насколько и субъективно. Убийство одним человеком другого несправедливо объективно, и в то же время убийство солдатом нескольких противников (чем больше, тем лучше) – справедливо, но субъективно. При назначении, а вернее, при исполнении наказания о справедливости можно будет говорить, если: а) будут восстановлены в полном объеме (если это возможно) нарушенные права потерпевшего; б) осужденным будет отбыто справедливо назначенное наказание. Вместе с тем закон говорит о восстановлении социальной справедливости. Прилагательное «социальная» применительно к справедливости означает, что есть просто справедливость. В этом можно убедиться, ознакомившись с содержанием ст. 6 УК РФ, где речь идет о принципе справедливости, без указания на то, что она должна быть социальной. Возникает вопрос: чем просто справедливость отличается от социальной справедливости?

Вывод пятый. При перечислении целей исполнения наказания первую из них следует изложить в следующей редакции: «восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего либо его близких людей».

Второй указанной в ч. 2 ст. 43 УК РФ целью является исправление осужденного. В данном случае предполагается, что в процессе исполнения назначенного осужденному наказания он меняется, прежде всего нравственно, настолько, что на момент освобождения от наказания его можно считать исправленным. Как нам представляется, исправленным можно считать того осво-

божденного от наказания осужденного, который после отбытия наказания: а) не совершает больше преступлений; б) соблюдает элементарные правила социального общежития; в) включился в полезную для общества деятельность. К сожалению, уровень рецидива свидетельствует об обратном. В то же время, как известно, на практике широко применяется статья о досрочном освобождении осужденных. Значит, позитивный процесс исправления все же имеет место. Если осужденных освобождают, значит, исправленные осужденные есть и будут впредь, а если поинтересоваться, кого освобождают досрочно и почему среди них высок уровень рецидива, то ответ нужно будет искать в другой плоскости, когда речь идет об освобождении из мест лишения свободы по причине их переполненности. Рассматриваемая нами цель лукавая, так как юридически она возложена на исполнителя наказания, а фактически переложена на плечи осужденного и имеет для него статус обязанности, хотя прежде всего это желание (как равно и нежелание) осужденного.

Вывод шестой. Нам представляется уместным данную цель изложить в следующей редакции: «...создание необходимых условий исполнения наказания, стимулирующих исправление осужденного».

Наконец, закон говорит о предупреждении совершения новых преступлений, то есть, иными словами, речь идет о специальном предупреждении рецидивной преступности со сторо-

ны тех, кто уже отбыл или отбывает наказание за совершенное ранее преступление. Лучшим средством предупреждения совершения новых преступлений является исправление осужденного. Но, увы! Наличие рецидивной, в том числе и пенитенциарной преступности, свидетельствует о том, что в наших отечественных условиях исполнения наказаний отсутствует надлежащий позитивный потенциал, что не позволяет говорить о массовом исправлении осужденных.

Вывод седьмой. Трудно объяснить, почему действующий уголовный закон отказался от такой цели, как общее предупреждение, хотя оно существует. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что не все граждане совершают преступления. Правда и в том, что никто не скажет, какой процент из них не совершил преступления из страха перед наказанием и для скольких граждан законопослушное поведение является естественным независимо от обстоятельств. В связи с этим рассматриваемую цель предлагаем сформулировать как «предупреждение совершения преступления». Данная формулировка охватывает общее и не исключает специальное предупреждение. Это тем более обоснованно, если учесть, что в процессе исполнения наказания преступление может совершать не только осужденный, отбывающий наказание, но и тот, кто призван исполнять данное наказание, да и любой другой человек, который при отсутствии общего предупреждения ничего и никого не боится.

Совершенствование уголовного законодательства в условиях либерализации уголовной политики России

В.Ф. ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права и криминологии
ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Либерализация уголовной политики имеет различные аспекты реализации: от декриминализации преступного поведения до незначительного сокращения сроков (размеров) наказания за совершение определенного преступления. В статье анализируются различные пути либерализации современной российской уголовной политики, зарубежный опыт предупреждения преступности и сокращения числа лиц, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях. С учетом социальных и юридических факторов формулируются предложения по изменению действующего уголовного законодательства России.

Ключевые слова: наказание; уголовная политика; гуманизация; либерализация; концепция реформирования УИС; санкция; декриминализация; осуждение.

Говорить о гуманизации уголовной политики, уголовной ответственности и (или) уголовного наказания, думается, не совсем верно. Содержание закрепленного в ст. 7 УК РФ принципа

гуманизма сводится к недопущению физического насилия, унижения личности и человеческого достоинства на любом этапе реализации уголовной ответственности, в том числе и при

исполнении назначенного судом наказания за совершенное преступление. Давно уже прошло то время, когда уголовная ответственность не только не исключала, но и предполагала претерпевание осужденным физических страданий и умаление достоинства личности в процессе исполнения наказания (гражданская казнь, помещение в долговую яму, публичные экзекуции и пр.). Современное законодательство в этой части гарантирует любому осужденному неприкосновенность личности. Лица, нарушающие данное правило, сами подлежат уголовной ответственности¹.

По этой причине в настоящее время правильнее вести речь не о гуманизации, а о либерализации уголовной политики, которая направлена в том числе на изменение действующего уголовного законодательства в части улучшения положения лица, совершившего общественно опасное посягательство. В этой области либерализация может реализовываться в следующих направлениях: 1) декриминализация деяний, закрепленных в Особенной части; 2) снижение верхних и нижних пределов санкций статей Особенной части; 3) замена наказаний, предусмотренных санкциями Особенной части, более мягкими или исключение из санкций дополнительных видов наказаний; 4) увеличение числа оснований освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания лиц, совершивших преступления.

Следует отметить, что соответствующие предложения по изменению уголовного законодательства вносились и вносятся органами государственной власти, обладающими правом законодательной инициативы, применительно ко всем указанным вариантам либерализации уголовной ответственности. В основном предложения сводятся к уменьшению сроков наказания за совершенное преступление и замене наказаний, предполагающих изоляцию от общества, более мягкими видами – штрафом, обязательными и исправительными работами и т.п. Стоит также отметить, что снижение максимальных пределов наказания в виде лишения свободы на определенный срок может повлечь за собой и изменение категории преступления. Это обстоятельство расширяет возможности применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания без корректировки положений норм гл. 11 и 12 УК РФ.

Концепция реформирования уголовно-исполнительной системы до 2020 г. также указывает на необходимость сокращения числа лиц, приговоренных к тем видам наказаний, исполнение которых возможно только в условиях изоляции от общества². В этой связи должно пройти сокращение исправительных учреждений, предназначенных для отбывания лишения свободы. Но насколько оправдано такое направление уголовной политики, особенно если задуматься о достижении превентивных целей наказания за совершенное преступление?

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ целями наказания являются: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений. Разумеется, что первые две цели носят исключительно декларативный характер, поскольку ни восстановить справедливость (*status quo*), ни исправить осужденного, применив к нему тот или иной вид наказания, невозможно в принципе³. Поэтому, как отмечается в юридической литературе, единственной целью уголовного наказания является предупреждение совершения новых преступлений как лицами, уже совершившими уголовно наказуемое деяние (частная превенция), так и лицами, которые не совершали запрещенных УК РФ посягательств, но потенциально готовы к их совершению (общая превенция)⁴. В то же время одним из принципов назначения наказания является соразмерность мер воздействия характеру и степени общественной опасности совершенного деяния и личности виновного. В соответствии с положениями ст. 60 УК РФ это означает возможность назначения более строгого наказания только в тех случаях, когда менее строгое наказание не способно обеспечить достижения перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: чем строже наказание, тем быстрее достигаются его цели. Данное положение подтверждается историей развития уголовного законодательства в кризисные времена. Так, существование категории «законодательство военного времени» даже в действующем УК РФ (ст. 331) предполагает в том числе и значительное увеличение сроков или размеров наказаний, назначаемых за совершение преступлений в период ведения боевых действий, введения осадного положения, комендантского часа и прочих мероприятий, вызванных чрезвычайными условиями жизни населения. Кроме того, «закон военного времени» существенно облегчает процедуру сбора и оценки доказательств виновности лица, совершившего преступление, а также в разы сокращает время предварительного расследования и судебного разбирательства⁵.

Вряд ли имеет смысл указывать на то, что оправдательные приговоры, вынесенные в условиях военного времени, представляют собой большую редкость. Так, в годы Великой Отечественной войны нарушение трудовой дисциплины признавалось уголовно наказуемым деянием, подрывающим обороноспособность страны. Рядовое опоздание на работу могло обернуться для нерадивого работника привлечением к уголовной ответственности, а невыход на работу без уважительных причин и вовсе приравнивался к дезертирству. Аналогичный подход, не имеющий ничего общего с современным принципом гуманизма, имел место в отношении военнослужащих, которые нарушали правила несения службы в период ведения боевых действий.

Современная уголовно-правовая доктрина отстаивает положение о том, что наказание не должно быть чрезмерно суровым, поскольку длительные сроки лишения свободы фактически способствуют росту рецидивной преступности. Кроме того, наказания, не связанные с настоящим временем (или в самом ближайшем будущем) стать полноценной альтернативой лишению свободы⁶. Но это пока только декларативные заявления представителей высших органов государственной власти и общественно-политических объединений. Последние изменения в УК РФ свидетельствуют о том, что законодатель как раз стремится сократить количество совершаемых преступлений путем предоставления возможности назначения за их совершение более строгого наказания. Например, за совершение развратных действий изначально санкция ст. 135 УК РФ в качестве наиболее сурового вида наказания называла лишение свободы сроком до трех лет. После внесения соответствующих изменений максимальный срок лишения свободы за данное преступление был увеличен до пятнадцати лет⁷.

Думается, что главную (единственную) цель наказания – недопущение совершения новых преступлений – можно достичь различными способами. Наиболее простой из них – это увеличение сроков лишения свободы и расширение возможности назначения лишения свободы за преступления различной степени тяжести. Находясь в местах лишения свободы, совершить новое преступление осужденному весьма затруднительно.

В то же время изоляция человека не устраняет угрозы рецидива в будущем после освобождения. И как уже отмечалось, длительное нахождение в местах лишения свободы порождает безразличие к условиям изоляции от общества и уголовное наказание, в принципе, теряет свое воспитательно-превентивное значение⁸. А потому совершение лицом новых преступлений после длительного нахождения в исправительной колонии является, скорее, правилом, нежели исключением. Разумеется, что подобное «временное изгнание» преступника не может обезопасить общество от новых уголовно наказуемых деяний.

Иной вариант достижения превентивной цели наказания был предложен во второй половине прошлого столетия отдельными странами Скандинавии. К примеру, в начале XX в. Финляндия негласно называлась страной-тюрьмой, поскольку она занимала первое место среди государств Западной Европы по количеству лиц, отбывающих лишение свободы, в соотношении с общим количеством населения страны⁹. Прежде всего это было вызвано тем, что чуть ли не единственным методом борьбы с преступностью, применяемым тогда в Финляндии, являлась изоляция правонарушителей от общества.

Приблизительно с 60-х гг. прошлого столетия пенитенциарная политика властями страны была кардинально пересмотрена. В основу ныне действующей финской исправительной системы положен принцип гуманного отношения к лицам, совершившим преступление, что предполагает изоляцию от общества только в самых крайних случаях. И, как бы это ни казалось парадоксальным, именно с этого времени стал отмечаться стабильный спад количественных показателей преступности. В результате проведенных пенитенциарных реформ Финляндия на сегодняшний день является самой благополучной западно-европейской страной с точки зрения количества ежегодно совершаемых преступлений.

Залогом такого успеха в противодействии преступности стали высокие макро- и микро-экономические показатели, а также более частое применение условных наказаний и штрафов. Кроме того, само содержание лишения свободы было пересмотрено: финским правительством была разработана дифференцированная система условий пребывания в местах лишения свободы для различных категорий осужденных. Так, если лицо во время отбывания наказания не нарушало дисциплину и установленный режим, то ему уже в течение первых шести месяцев могли быть предоставлены существенные льготы, вплоть до предоставления возможности провести выходные и праздничные дни вне пределов исправительного учреждения.

Финские заключенные в настоящее время получают зарплату, часть которой направляется на оплату питания и жилья. Для защиты их прав и законных интересов в государстве создана Ассоциация по делам испытания и последующего ухода при Министерстве юстиции по исполнению альтернативных лишению свободы наказаний. Эта организация является официальной и осуществляет надзор за поведением осужденных, оказывает им помощь в предоставлении жилья¹⁰.

Ассоциация активно принимает участие в реализации и распространении опыта применения наказаний, альтернативных лишению свободы. В частности, в Министерстве юстиции по предложению ассоциации утверждается список предприятий и учреждений, где будут работать осужденные. За их поведением и трудовой дисциплиной следит администрация предприятия, а также учреждения и представители ассоциации. В случае нарушения осужденным дисциплины (опоздание, прогул, недобросовестное отношение к работе и т.п.) общественная служба может быть заменена лишением свободы.

Руководители пенитенциарной системы Финляндии придают большое значение обучению лиц, отбывающих наказание, изыскивая на это средства, ищут различные формы и методы, разрабатывают оригинальные спецкурсы. Законодательство Финляндии предоставляет заключенным право на выбор трудовой или учебной

деятельности. При этом тюрьмы не имеют своих собственных учебных заведений и преподавателей, обучение организуется в сотрудничестве с внешними образовательными учреждениями. Общее и особенно профессиональное обучение, по мнению финских специалистов, позволяет отбывшим наказание быстрее адаптироваться к условиям жизни на свободе. Стимулом для получения осужденными образования является также денежное вознаграждение, поскольку обучающиеся заключенные получают пособие, как и работающие граждане¹¹.

Таким образом, финский опыт свидетельствует не о простом отказе от применения лишения свободы к преступнику и не только о сокращении сроков пребывания осужденного в условиях изоляции от общества, а о компенсации сокращения срока наказания весьма интенсивной социально-профилактической работой с осужденным. Последнее обстоятельство не позволяет утрачивать связь осужденного с обществом, что в свою очередь не допускает развитие тюремного мировоззрения и осознание осужденным себя в качестве составляющей криминального социума. Материальная поддержка лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, стимулирование их к получению профессионального образования и последующему трудоустройству сводят к минимуму возможность совершения данными лицами новых преступлений.

В этой связи можно утверждать следующее. Во-первых, либерализация уголовной политики характерна для любого общества на определенной стадии его развития. Во-вторых, эта либерализация не может рассматриваться как самоцель. Ее реализация в виде изменения действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также смены принципов и методов деятельности уголовно-исполнительной системы в итоге должна привести к минимизации преступных проявлений в обществе. В-третьих, тюремное заключение уступает по эффективности достижения превентивных целей наказания комплексной социальной работе с осужденным, которая проводится без изоляции от общества либо в условиях ограниченной изоляции. Анализ деятельности отдельных зарубежных пенитенциарных систем подтверждает правильность данного вывода. Страны Западной Европы в подавляющем большинстве случаев отказываются от традиционных для уголовного права видов наказаний: ареста, лишения свободы. В то же время для многих пенитенциарных систем зарубежных стран характерно расширение практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также замена для осужденного наказания, определенного в судебном приговоре, иными мерами социально-го ограничения.

Закономерно возникает вопрос: какими должны быть пределы либерализации уголовной политики в России? Полностью пере-

нять положительный скандинавский опыт в настоящее время представляется маловероятным. Современная российская экономика не в состоянии оказывать масштабную материальную поддержку осужденным, равно как и обеспечить повсеместное получение ими профессионального образования. Общество также вряд ли готово к резкой либерализации уголовной ответственности, которая предполагает сведение к минимуму назначения лишения свободы за совершение преступлений¹². Складывавшееся годами мнение о необходимости лишения свободы на срок, исчисляемый прямо пропорционально тяжести совершенного преступления, в течение двух-трех лет не изменить. По этой причине либерализация российской уголовной политики, как представляется, должна осуществляться в следующих направлениях:

- оказание финансово-экономической поддержки (кредитование, льготы по налогообложению, размещение государственного заказа и пр.) предприятиям и организациям, которые гарантированно предоставляют рабочие и учебные места лицам, осужденным за совершение уголовно наказуемых деяний;

- декриминализация большей части преступлений, которые отнесены к категории небольшой тяжести, а также некоторых преступлений средней категории тяжести;

- сужение границ санкций статей УК РФ таким образом, чтобы минимальный и максимальный сроки лишения свободы различались не более чем на пять лет. При этом предпочтительнее понижать верхний предел санкции, то есть максимальные сроки (размеры) наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. Ст. 747; Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2007. № 4. С. 16–17 и др.

² См. подр.: Доклад директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы А.А. Реймера на коллегии ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 4. С. 8–9.

³ Данное мнение разделяется не всеми учеными (см., напр.: Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб., 2006. С. 50–51).

⁴ См.: Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 33; Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. Ульяновск, 2002. С. 109; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 350 и др.

⁵ См.: Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2006. 1 дек.

⁶ См., напр.: Доклад директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы А.А. Реймера на коллегии ФСИН России. С. 9–10; Васильева Т.В. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа (социально-правовые проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 7–8 и др.

⁷ См.: Пункт 10 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 30 июля.

⁸ См.: Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: Учеб. М., 2006. С. 216 и далее.

⁹ См.: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. М., 2001. С. 46–47.

¹⁰ См.: Ресоциализация лиц, отбывающих наказания, и их социальная адаптация после освобождения (Венгрия, Вели-

кобритания, Швеция, Финляндия, ФРГ): Обзорная информация ГИЦ МВД СССР. М., 1991. Вып. 5. С. 14–17.

¹¹ См.: Там же. С. 17.

¹² См. об этом: Побегалло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. С. 133–135.

Некоторые теоретические аспекты противодействия легализации (отмыванию) незаконных доходов, полученных преступным путем

С.О. СОБЧУК – аспирант Московского нового юридического института

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся происхождения и современного понимания термина «легализация (отмывание) незаконных доходов, полученных преступным путем». Сопоставляются мнения различных ученых на содержание данного понятия. Анализируются нормы международных правовых документов и российских нормативно-правовых актов, содержащие определение легализации (отмывания) незаконных доходов, полученных преступным путем, и устанавливающие юридическую, в первую очередь уголовную, ответственность за данное деяние. На основе проведенного анализа автором формулируется собственное определение рассматриваемого понятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : преступные доходы; незаконные средства; легализация незаконных доходов; преступная деятельность; противодействие легализации; процесс легализации; уголовная ответственность.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, представляет собой заключительный этап преобразования преступной деятельности в высокодоходный и эффективный вид незаконного предпринимательства.

Процесс легализации (отмывания) доходов сопровождается противоправной и в наивысшей степени опасной для общества концентрацией экономической и политической власти в руках преступной группы лиц, а также рядом других преступлений (например, уклонение от уплаты налогов, масштабное распространение незаконного оборота наркотических и психотропных средств, поддержка терроризма и др.)¹, что и обуславливает общественную опасность указанного социального явления и актуализирует задачу противодействия ему.

Социальная опасность отмывания незаконных доходов определяется тем, что оно усложняет выявление и преследование корыстных преступлений, а также изъятие прибыли от преступной деятельности.

Бесспорно, научное исследование различных аспектов легализации (отмывания) незаконных доходов, полученных преступным путем, необходимо для эффективного предупреждения

рассматриваемого негативного явления и противодействия ему.

Термин «отмывание» появился в 20-х гг. XX в. в Чикаго, где главари преступных формирований «смешивали» криминальные доходы с доходами, получаемыми ими от специально созданной для этого сети прачечных, и декларировали их как легальные². Существует и другая точка зрения на происхождение данного термина: по мнению Джеффри Робинсона, «процесс отмывания доходов называется так потому, что такова его суть, а не потому, что Аль Капоне имел сеть прачечных, которые использовал для сокрытия своего дохода, – это всего лишь легенда. Этот глагол (отмывать) очень точно описывает процесс. Грязные деньги, вырученные от незаконной деятельности, “впрыскиваются” в легальные предприятия и через них – в легальную финансовую систему, где они отмываются с помощью стратегии “заметания следов”: перемещаются между подставными компаниями, секретными банковскими счетами и множеством юрисдикций так, чтобы правоохранительные органы не могли отследить их, а потом появляются на противоположном конце, чистые и сияющие, производя впечатление законно заработанной прибыли».

ли»³. Первым идеологом отмыывания преступных доходов считается Майер Лански⁴.

Позже интерес к легализации возник в связи с нарастающим распространением преступными группировками наркотических средств, получением огромных доходов от этой деятельности и дальнейшим направлением полученных денег как на расширение преступной деятельности, так и в легальные сферы экономики. Осуществляя свою противоправную деятельность, преступные организации имели и имеют основной целью получение сверхдоходов. Хотя значительная часть таких доходов поступает от незаконной торговли наркотиками, на другие формы организованной преступности, возможно, приходится большая доля всех средств.

В 1970-е гг. президентской комиссией США по организованной преступности было впервые сформулировано определение отмыывания, которое стало означать существование, незаконное происхождение или незаконное использование доходов, а также попытки представить эти доходы как имеющие законное происхождение.

Фактическое же закрепление легализации (отмыывания) доходов, приобретенных преступным путем, в качестве противоправной деятельности в нормах отечественного уголовного законодательства произошло гораздо позже. Рыночные реформы повлекли за собой появление значительного нелегального наличного оборота, источниками которого стали средства, полученные в результате совершения преступлений (торговли наркотиками и оружием, незаконного игорного бизнеса, контрабанды, хищений и др.). Отмыывание основной части полученных таким способом доходов проводилось путем вложения инвестиций в легальные коммерческие структуры и приватизированные государственные предприятия, перевода в офшорные зоны. В результате запрет на легализацию (отмыывание) доходов на законодательном уровне был введен, когда этот вид деятельности был уже достаточно распространенным.

Проблема борьбы с легализацией денежных средств и иного имущества, имеющих незаконное происхождение, в последнее время приобрела особую актуальность во всем мире. В России она была и остается темой, привлекающей внимание достаточно широкого круга специалистов в сфере уголовного права, теории оперативно-розыскной деятельности, криминологии и др.

Так, И.В. Козлов рассматривает легализацию преступных доходов как сложный процесс, включающий в себя множество разнообразных элементов. Автор, проанализировав предложенные учеными модели, описывающие структуру процесса легализации преступных доходов, предложил соответствующую классификацию⁵.

В.И. Михайлов подчеркивает многогранность данного вида преступлений⁶. И.Д. Камынин рассматривает легализацию преступно нажитого имущества через институт наследования, от-

мечая, что данный вид легализации преступных доходов встречается в судебно-следственной практике довольно редко по причине недостаточной теоретической разработанности указанной проблемы и в связи с трудностями, возникающими в процессе доказывания⁷.

По мнению ряда авторов, в современной юридической науке не существует общепринятого определения рассматриваемого социального явления⁸. Это обусловлено тем, что сущность его практически не поддается комплексному и всестороннему исследованию из-за своей сложности и многоплановости. Вместе с тем неодинаковые, но очень схожие определения термина «отмыывание» встречаются в разных источниках.

Таким образом, мы наблюдаем различные подходы к определению легализации (отмыывания)⁹.

Как уже отмечалось, термин «легализация», или «отмыывание», встречается в большинстве случаев в законодательных актах иностранных государств. В международном праве содержание его было определено 19 декабря 1988 г. в Венской конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Согласно ст. 3 данного документа под легализацией (отмыыванием) доходов от преступной деятельности понимается «конверсия или передача имущества, если известно, что такое имущество получено в результате правонарушения или правонарушений или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях в целях сокрытия или утаивания незаконного источника имущества или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем чтобы оно могло уклониться от ответственности за свои действия»¹⁰.

Страсбургская конвенция расширила понятие «отмыывание денег», признав предметом преступления доходы, полученные не только от торговли наркотиками, но и от другой преступной деятельности. Сами же деяния, обозначенные в Страсбургской конвенции как преступления, практически не отличаются от деяний, отнесенных к преступным Венской конвенцией. В большинстве стран отмыывание «грязных» денег также понимается в соответствии с определением, данным Венской конвенцией ООН. Российская Федерация присоединилась к Страсбургской конвенции 1 декабря 2001 г.

Термин «легализация» применяется достаточно широко не только в международных актах, но и в национальном законодательстве. Само понятие легализации (отмыывания) было введено в российский юридический оборот Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. (ст. 174).

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит две законодательные нормы, направленные на борьбу с легализацией (отмыыванием) денежных средств или иного иму-

щества, приобретенных преступным путем, – ст. 174 и 174.1. Статья 174 была введена в действие с 1 января 1997 г., 1 февраля 2002 г. редакция ее была изменена, с этого же времени вступила в силу новая статья – 174.1. Сферой применения данных норм является легальная и нелегальная предпринимательская деятельность различных видов, в рамках которой в силу ее характера, наличия объективных и субъективных трудностей осуществления контроля возможно получение правонарушителем имущественных результатов заведомо незаконных действий путем придания денежным средствам или (и) иному имуществу действительного или мнимого статуса легитимности (легализация). Статьи распространяются также на действия, связанные с использованием незаконно полученных средств от банковской деятельности.

Итак, в России существует законодательно закрепленное определение понятия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: это придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления¹¹.

Однако данное толкование рассматриваемого термина, на наш взгляд, является не совсем полным, так как в нем не отражен сам процесс легализации. Анализ современной юридической литературы показывает, что существуют различные подходы к установлению процесса легализации криминальных доходов. Так, Г.А. Матусовский выделяет два этапа легализации: начальный и последующий. На начальном этапе обычно происходит отделение денежных средств от преступного источника и их интеграция через банки и иные кредитные учреждения в финансовую систему внутри государства или помещение на счета иностранных банков. Следующий этап, по мнению автора, – это легализация денежных средств, имеющая целью придание им видимости законности приобретения и дальнейшее внедрение в гражданский оборот¹².

Другие ученые называют пять этапов легализации незаконных денежных средств:

- 1) получение денег в результате противоправной деятельности;
- 2) размещение преступно нажитых наличных средств в финансовой системе некоторых стран путем их депонирования на банковских счетах;
- 3) раздробление указанных средств с целью их маскировки (например, путем проведения множества единичных банковских операций под прикрытием различных псевдосделок);
- 4) обратная конвертация денег путем продажи приобретенного имущества и концентрация «отмытых» денег;
- 5) расходование денег на жизненные повседневные потребности и подыскание законных путей для их прибыльного использования¹³.

Большинство исследователей процесс легализации доходов, полученных преступным путем, рассматривают как введение криминальных денег в легальный оборот через банковско-финансовые учреждения, предпринимательскую и иную экономическую деятельность¹⁴.

Исходя из необходимости уточнения категориально-понятийного аппарата как необходимой основы любой научной теории, мы должны заметить, что многие используемые понятия находятся в предметных областях нескольких отраслей знаний (уголовного права, криминологии, экономики, банковского дела и др.), в связи с чем являются многоплановыми, размытыми.

Под термином «легализация (отмывание) незаконных доходов, полученных преступным путем» мы предлагаем понимать совершение любых действий с целью предоставления правомерного вида владению, пользованию или распоряжению финансовыми поступлениями, полученными вследствие совершения преступления, или действий, направленных на сокрытие источников происхождения таких поступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Алиев В.М. Легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем: уголовно-правовое и криминологическое исследование. М., 2001. С. 3–4.

² См.: Расследование преступлений в сфере экономики: Руководство для следователей. М., 1999. С. 159.

³ Робинсон Д. Всемирная прачечная: террор, преступления и грязные деньги в офшорном мире. М., 2004. С. 40.

⁴ См.: Кузахметов Д.Р. Легализация как социальное и правовое явление и ее причины // Вестник ТИСБИ. 2003. № 3.

⁵ См.: Козлов И.В. О стадиях процесса легализации преступных доходов // Финансы и кредит. 2007. № 31 (271).

⁶ См.: Михайлов В.И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. М., 2002.

⁷ См.: Камынин И.Д. Легализация преступно нажитого имущества через институт наследования // Уголовный процесс. 2007. № 4.

⁸ См.: Орловская Н.А. Некоторые вопросы легализации (отмывания) денежных средств и другого имущества, полученных преступным путем. <http://www.inter.criminology.org.ua/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=116>

⁹ См.: Грошев А., Тхайшаов З. Понятие легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества в уголовном праве // Уголовное право. 2005. № 2. С. 24–26; Камынин И.Д. Ответственность за легализацию преступных доходов: комментарий к Постановлению пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004. № 3 // Уголовный процесс. 2005. № 5. С. 3–6; Прокофьева Т.В., Смагина А.В. Некоторые аспекты противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Российский судья. 2007. № 1. С. 38–40.

¹⁰ Бекряшев А.К., Белозеров И.П. Теневая экономика и экономическая преступность. Омск, 2000.

¹¹ См.: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ.

¹² См.: Матусовский Г.А. Экономические преступления: криминалистический анализ. Харьков, 1999.

¹³ См.: Волобуев А., Литвинов А. Криминалистические особенности легализации доходов, полученных незаконным путем // Законность. 2001. № 6.

¹⁴ См.: Корж В.П. Теоретические основы методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными образованиями в сфере экономической деятельности: Моногр. Харьков, 2002.

Вина как признак субъективной стороны рейдерского захвата: уголовно-правовые и гражданско-правовые аспекты

М.В. ИСТОМИНА – соискатель кафедры уголовного права и криминологии ВПЭ ФСИН России

Научная статья посвящена проблеме разграничения уголовно наказуемых деяний, связанных с рейдерством, и гражданско-правовых деликтов. Рассмотрен вопрос о соотношении уголовно-правового принципа вины и гражданско-правовой категории виновности в аспекте межотраслевой дифференциации ответственности за рейдерские посягательства.

Ключевые слова: рейдерство; рейдерские преступления; гражданско-правовой деликт; захват собственности; добросовестность; вина; субъективная сторона правонарушения; признаки преступления.

Обращение к уголовным и гражданско-правовым характеристикам субъективной стороны неправомерных захватов чужого имущества, прав корпоративного контроля вызвано спецификой рейдерских посягательств, которые, по мнению ряда авторов, находятся на стыке уголовного и гражданского права¹. Многие исследователи в области рейдерства указывают на трудности в разграничении рейдерских преступлений и гражданско-правовых деликтов.

В подтверждение вышесказанного приведем слова заместителя председателя комитета Госдумы по безопасности Г.В. Гудкова: «К сожалению, в настоящее время в России опаснее украсть велосипед, чем завод или совхоз, владеющий десятками тысяч гектаров. За кражу велосипеда наступает реальная уголовная ответственность, а за захват завода – нет. Милиция не желает вмешиваться в эти вопросы под тем предлогом, что это финансово-хозяйственные отношения собственников, которые сами должны разбираться друг с другом»².

Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин обращает внимание на то, что при возникновении спора о правомерном характере перехода права на имущество в первую очередь затрагиваются гражданско-правовые отношения собственников, что не позволяет сразу сделать категоричный вывод о наличии признаков преступления³.

По мнению П. Яни, сегодня «чрезвычайно важно определить те критерии, которые позволяют отделить уголовно наказуемые деяния от нарушений, влекущих только гражданско-правовую ответственность»⁴. На необходимость разграничения преступлений в сфере экономической деятельности и гражданско-правового деликта указывает А.М. Яковлев⁵.

Сложности в межотраслевой дифференциации ответственности за рейдерские посягательства приводят к распространению практики отказов в возбуждении уголовного дела правоохранительными органами, сопровождающихся уведомлением потерпевшего о разрешении по-

добного рода ситуаций в порядке гражданско-правового судопроизводства⁶.

В свете изложенного изучение субъективной стороны рейдерского захвата в целом и вины, как отдельного элемента, в частности с позиции уголовного и гражданского права приобретает особую значимость.

В науке уголовного права имеется детально разработанное учение о вине как характеристике субъективной стороны преступления. Широко используются понятия виновности и невиновности и в гражданском праве (ст. 28, 39, 105, 151, 178, 230 ГК РФ). Вместе с тем вина как характеристика субъективной стороны правонарушения имеет в гражданском праве свои особенности. Отметим наиболее существенные различия в проявлении уголовного и гражданско-правового принципов вины, имеющие значение для межотраслевого противодействия рейдерству:

1. Обязательность вины для характеристики субъективной стороны уголовного правоотношения в отличие от гражданского правоотношения.

2. Распространение понятий виновности и вины в уголовном праве только на физических лиц. В гражданском праве, напротив, данные понятия действуют в отношении не только физических, но и юридических лиц и других субъектов гражданско-правовых отношений.

3. Установление в ст. 5 УК РФ принципа презумпции невиновности. Для ГК РФ характерно провозглашение принципа презумпции виновности, что обусловлено спецификой гражданско-правового метода регулирования общественных отношений.

С точки зрения борьбы с рейдерством указанные обстоятельства проявляются в следующем:

1. При недоказанности вины в рамках уголовного судопроизводства рейдер не подлежит уголовной ответственности. В связи с тем что вина в гражданском праве не всегда имеет квалифицирующее значение, причинитель вреда (нарушитель обязательств) может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности и в случае недоказанности вины.

2. К уголовной ответственности привлекаются не юридические лица, деятельность которых связана с незаконным захватом чужого бизнеса, а отдельные физические лица, осуществляющие соответствующие действия. Что же касается гражданско-правовой ответственности, то она распространяется и на юридических лиц.

3. В уголовном судопроизводстве виновность рейдера определяет только суд. Бремя доказывания невиновности в гражданском судопроизводстве за редким исключением возлагается на причинителя вреда (нарушителя обязательств)⁷.

Следует отметить, что большинство цивилистов в аспекте категории вины рассматривают и понятие добросовестности. Так, Е. Богданов под добросовестностью участников гражданских правоотношений понимает «субъективную сторону их поведения, когда они не знали и не могли знать о правах третьих лиц на соответствующее имущество или иной своей неуправомоченности»⁸. Аналогичным образом рассматривает данную категорию и С.А. Краснова: она обращает внимание на использование в нормах, учитывающих добросовестное поведение лица, словосочетания «не знал и не должен был знать»⁹.

По мнению М.В. Аверьяновой, формулировка добросовестности «не знал и не должен был знать» включает в себя как объективный, так и субъективный критерии. «Не знал» – это субъективная сторона (то есть лицо, действительно, находилось в неведении), а «не должен был знать» включает в себя объективную сторону, которая подразумевает наличие определенного стандарта поведения, диктующего, какие конкретно меры следует принять участнику соответствующего правоотношения, чтобы иметь представление о фактических обстоятельствах, сопровождающих заключение сделки¹⁰.

С утверждением о дуализме понятия «добросовестность» следует согласиться. В объективном смысле добросовестность означает требование к поведению участников правоотношений, вытекающее из конкретных правовых норм. Субъективный элемент непосредственно связан с действиями субъекта, которые должны соответствовать таким критериям, как правдивость, уважение прав, верность обязательствам. Он свидетельствует о наличии у субъекта психологической позиции, внутреннего понимания необходимости определенного поведения¹¹.

Н. Лопашенко отмечает, что явление рейдерства во многом связано с проблемой добросовестного приобретателя и его защиты, которая существует в гражданском праве¹². «Недружественные захваты-поглощения... ставят нас перед неразрешимым в большинстве ситуаций выбором: чья защита должна быть приоритетной – собственника или добросовестного приобретателя»¹³.

Рейдер, незаконно завладев имуществом хозяйствующего субъекта и (или) правами корпоративного контроля, стремится к получению защиты, предусмотренной ст. 302 ГК РФ для добросовестного приобретателя.

Анализ данной статьи позволяет сделать вывод о том, что единственной реальной возмож-

ностью для собственника вернуть свое имущество в порядке гражданского судопроизводства является доказывание того обстоятельства, что имущество первоначально было из его владения помимо его воли (ч. 1).

Так, если имущество выбывает из владения собственника на основе судебного решения, то такое выбытие следует признать произведенным помимо воли собственника, причем независимо от того, имело ли место применение судебным приставом-исполнителем принудительных мер по исполнению судебного акта или добровольное исполнение собственником требований, содержащихся в исполнительном документе.

В случае, когда имущество выбывает в процессе исполнительного производства, отсутствие воли собственника очевидно: судебный пристав потому и осуществляет возложенные на него законом функции, что собственник добровольно не исполнил решение суда. На отсутствие воли собственника указывают и конкретные формулировки Федерального закона от 14 сентября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹⁴. В соответствии со ст. 68 данного закона одним из оснований применения мер принудительного исполнения является истечение предоставленного должнику срока на добровольное исполнение.

Действия собственника по добровольному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, следует признать совершенными под угрозой применения к нему санкций за неисполнение. Имеется в виду широкий арсенал мер государственного принуждения, правом применения которых наделен судебный пристав-исполнитель (ст. 68).

Соответственно, воля собственника на выбытие имущества из его владения отсутствует и в данном случае. Г. Чернышев пишет, что добровольность здесь примерно такая же, как если бы на вопрос грабителя «Жизнь или кошелек?» жертва предпочла бы расстаться с кошельком¹⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что возможность применения ст. 302 ГК РФ для защиты потерпевшей стороны от рейдерских посягательств ограничена указанием на субъектный состав правоотношения: право истребовать имущество предоставлено собственнику или лицу, которому имущество было передано собственником во владение. Вместе с тем остаются фактически не защищенными права других участников гражданского оборота, например лиц, которым принадлежит право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ст. 268). Как свидетельствуют многочисленные публикации в прессе, рейдерские посягательства могут быть направлены и на данные имущественные права¹⁶.

Отметим, что собственник или лицо, которому имущество было передано собственником во владение, не защищены механизмом ст. 302 ГК РФ при приобретении рейдерами предприятия как юридического лица (установления прав корпоративного контроля), поскольку здесь уже идет речь не об имуществе, а о правоспособности хозяйствующих субъектов.

В связи с изложенным гражданско-правовые нормы, содержащие принцип добросовестности, нуждаются в совершенствовании. На данное обстоятельство было указано 15 апреля 2009 г. на пленарном заседании научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации¹⁷. Представители юридического сообщества в целях совершенствования гражданского законодательства предложили закрепить в ст. 1 ГК РФ принцип добросовестности, что, по их мнению, позволит не только установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, но и более широко применить меры гражданско-правовой защиты в случае недобросовестных действий участников гражданского оборота. Представляется справедливым высказанное Е.В. Овчаровой предложение и о закреплении критериев добросовестности и недобросовестности.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что рейдерство представляет собой область межотраслевого правового регулирования, осуществляемого посредством норм гражданского, уголовного и других отраслей права. В ряде случаев деяния рейдеров могут быть квалифицированы и как преступление, и как гражданское правонарушение. В этом смысле для межотраслевой дифференциации ответственности имеет значение различие в субъективной стороне составов: преступление совершается только виновно, а правонарушение – независимо от вины. В гражданском праве, в отличие от уголовного, форма и степень вины, как правило, не влияют на размер ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Завидов Б.Д., Гусев О.Б. К экстраординарному вопросу о перерастании гражданской ответственности в уго-

ловную // Юрист. 2000. № 5. С. 49; Лопашенко Н. Рейдерство // Законность. 2007. № 4. С. 8.

² Гудков Г.В. Антирейдер // ЭЖ-Юрист. 2008. № 39. С. 5.

³ См.: Выступление председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. <http://www.sledcomproc.ru/actual/6532>

⁴ Яни П. Установление признаков хищения при неисполнении договорных обязательств // Законность. 1995. № 6. С. 41.

⁵ См.: Яковлев А.М. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Государство и право. 1999. № 11. С. 42.

⁶ На распространение данной практики указывает ряд авторов (см.: Сычев П. Уголовно-правовой анализ недружественных поглощений // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 10; Яни П. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. 2001. № 1).

⁷ В ГК РФ известны случаи, когда вина в причинении вреда не предполагается, а должна быть доказана (п. 2 ст. 178, ст. 640, 1070, 1081).

⁸ Богданов Е. Категория добросовестности в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 12.

⁹ См.: Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 66–67.

¹⁰ См.: Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 85.

¹¹ См.: Попова А.В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского союза: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12.

¹² См.: Лопашенко Н. Рейдерство // Законность. 2007. № 4. С. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

¹⁵ См.: Чернышев Г. О выбытии имущества из владения собственника помимо его воли // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См., напр.: Баландин П. Пираты 21 века // ЭЖ-Юрист. 2008. № 1; Балааян А.Р. Преступные «недружественные поглощения» предприятий в Москве // Российский следователь. 2008. № 13; Гусев В.Г. О проблеме рейдерских захватов имущества обществ с ограниченной ответственностью // Налоги. 2008. № 35.

¹⁷ См.: <http://www.arbitr.ru/-upimg/242C8EB54C432A30B169E70708A170F4-z-6-Sirotkina.pdf>

Некоторые вопросы квалификации использования рабского труда в уголовном праве России

Я.О. НОВИКОВ – аспирант Российской академии правосудия

В настоящей статье проводится анализ конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 127.2 УК РФ, а также практики ее применения. Выявлены недочеты нормативной регламентации данного преступления. Автор выделяет основные критерии, по которым можно судить о том, что труд человека является рабским.

Ключевые слова: рабский труд; согласие потерпевшего; аутсорсинг; о-пэры.

Среди основополагающих прав человека, закрепленных Конституцией Российской Федерации, а также практически во всех важнейших международных правовых докумен-

тах, указаны права на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свобода труда и иной не запре-

щенной законом деятельности. Именно об обеспечении данных прав говорит ст. 127.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за использование рабского труда человека, то есть использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, прису-

щие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Ниже считаем необходимым привести данные о зарегистрированных преступлениях, предусмотренной ст. 127.2 УК РФ¹.

Таблица 1

Год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Количество преступлений	Статьи не было						0	8	20	19	35	10

Небольшое количество возбужденных уголовных дел показывает, что потенциал данной статьи не используется в полной мере. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день рассматриваемая норма является фактически «мертвой» или редко применяемой, несмотря на распространенность указанных в ней преступлений в реальной жизни. Между тем, как известно, «мертвые» нормы не способны обеспечить достижение тех целей, которые преследовал законодатель². Однако «следует иметь в виду, что относительно небольшое число преступлений... в общей структуре преступности еще не является показателем отсутствия проблемы»³. Более того, как отмечается в научной литературе, «уголовно-правовая наука, к сожалению, не располагает реальными сведениями об общественной опасности того или иного противоправного деяния, а в ряде случаев – определенного вида преступного поведения»⁴. К примеру, по мнению экспертов-криминологов, реальное количество преступлений, предусмотренных ст. 127.2 УК РФ, в России за 2004–2006 гг. составляет 556 случаев⁵. Вышеприведенные данные позволяют говорить о необходимости более внимательного изучения практики применения указанной статьи.

Использование рабского труда возможно «под прикрытием» трудовых соглашений, фиктивных документов об оплате труда и т.п. Для квалификации преступлений по рассматриваемой статье совершенно неважно то обстоятельство, имели ли выполняемые работы или услуги законный характер или были противозаконными⁶. Так, использование труда спортсмена, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если спортсмен по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ, может происходить даже и при наличии с ним заключенного трудового договора. Трудовой кодекс Российской Федерации содержит ст. 348.4 «Временный перевод спортсмена к другому работодателю», которая гласит: «В случаях, когда работодатель не имеет возможности обеспечить участие спортсмена в спортивных соревнованиях, допускается по согласованию между работодателями временный перевод спортсмена с его письменного согласия к другому работодателю

на срок, не превышающий одного года. На период временного перевода спортсмена к другому работодателю действие первоначально заключенного трудового договора приостанавливается. При этом течение срока действия первоначально заключенного трудового договора не прерывается. По истечении срока временного перевода спортсмена к другому работодателю первоначально заключенный трудовой договор действует в полном объеме».

Как отмечают специалисты трудового права, редакция приведенной статьи не совсем удачна: ТК РФ не устанавливает гарантии обязательного возобновления трудового договора с первоначальным работодателем как для работодателя, так и для спортсмена. В связи с этим возникают следующие вопросы: имеет ли право спортсмен не возвращаться по истечении временного трудового договора к первоначальному работодателю? имеет ли право работодатель взыскать с работника компенсацию за это? можно ли побудить в судебном порядке спортивный клуб обеспечить участие работника в спортивных соревнованиях и в подготовке к ним? как действовать в этой ситуации спортсмену?⁷ Пока законодательство России на эти вопросы не отвечает. Как представляется, действия работодателя могут быть квалифицированы по ст. 127.2 УК РФ.

Обязательным признаком рассматриваемого преступления является отсутствие у потерпевшего возможности отказаться от выполнения работ и услуг, которые использует виновный. Это означает, что потерпевший находится на положении раба, у которого отсутствует возможность владеть, пользоваться и распоряжаться результатом своего труда и отказаться от его выполнения. Отсутствие возможности отказаться от работы может быть связано с нахождением потерпевшего в состоянии подчиненности, например, перед вышестоящим командиром⁸. Не будут образовывать состав рассматриваемого преступления действия администрации исправительного учреждения, направленные на привлечение осужденных к лишению свободы к выполнению работ по благоустройству исправительного учреждения и прилегающей к ней территории без оплаты труда. Данное утверждение закреплено как в международных правовых актах⁹, так и в определениях Конституционного

Суда Российской Федерации¹⁰. Однако правовая позиция Конституционного Суда, согласно которой данный труд является элементом наказания в виде лишения свободы, по меньшей мере, дискуссионна. Верной представляется позиция С.И. Курганова, который утверждает, что «средства исправительного воздействия (общественно полезный труд, обучение, воспитательная работа и т.д.) в содержание наказания в виде лишения свободы не входят... Кроме того, есть категории осужденных к лишению свободы, которые привлекаются к труду по их желанию. Наказание же не может применяться (исполняться) в зависимости от желания осужденного»¹¹.

В последнее время появилось новое развлечение для состоятельных людей – гладиаторские бои. Речь идет не о ток-шоу, транслируемых по телевидению, где участники получают за выступление гонорары. Имеется в виду криминальное использование людей на улицах, за городом, на пустырях. В России уже есть прецеденты существования данного вида бизнеса. Так, например, жертва – двадцатилетний мужчина, уроженец Республики Казахстан – сообщает, что с детства занимался рукопашным боем, тренировался, участвуя у себя на Родине в боях на улице. Как-то к нему подошел мужчина лет тридцати пяти. Узнав, что у жертвы бедная семья, неизвестный мужчина пообещал помочь родителям сына устроиться учиться. Вывезя потерпевшего в Екатеринбург без каких-либо документов, неизвестный предложил жертве выступить на ринге, где богатые люди ставили деньги на бойцов. В зависимости от ставок потерпевший должен был либо проигрывать, либо выигрывать схватку. В дальнейшем ни о каком поступлении в образовательное учреждение речь не шла. В итоге виновный, хранящий личные документы потерпевшего у себя, сообщил молодому человеку, что теперь последний должен отработать свой долг за то, что он привез его, за скудное питание, деньги, которые он отдал его родителям, и т.д.¹² В данной ситуации налицо нахождение потерпевшего в подневольном состоянии, и, следовательно, можно говорить о наличии в действиях виновного состава рассматриваемого преступления.

Важно уметь проводить отличие использования рабского труда от такого явления, как аутсорсинг. Аутсорсинг – это привлечение внешних ресурсов или ресурсов со стороны, то есть передача другой организации выполнения некоторых задач, которые не являются обычной деятельностью компании, но в то же время необходимы для ее развития¹³. От аутсорсинга необходимо отличать так называемый лизинг персонала и аутстаффинг. Лизинг персонала заключается в предоставлении персонала определенной квалификации, а также предварительном его подборе, специальной подготовке персонала, обучении и собственно сдаче персонала «в аренду» заказчику. Аутстаффинг

– выполнение работы в компании на постоянной основе лицами, не являющимися работниками данной компании¹⁴. Указанные явления существуют не только в Западной Европе, но уже начинают появляться и в России. К примеру, в Тюмени создается информационный портал «Бюро по обмену специалистами». Предполагается, что через новый интернет-ресурс малые предприятия смогут временно (на два–три месяца) арендовать узких специалистов у крупных компаний. Заработную плату им временно будут платить фирмы-арендаторы, а сами специалисты по-прежнему останутся в штате крупных предприятий¹⁵. Соответственно, состав ст. 127.2 УК РФ будет иметь место, например, при привлечении работников для выполнения оговоренных трудовых функций, но без заключения договора или без выплаты заработной платы. Данные случаи не являются редкостью для России, поскольку, как отмечается в специальной литературе, «в сфере труда наблюдается преобладание неформальных механизмов... “Теневые” механизмы трудоустройства позволяют работодателям обходить существующее законодательство...»¹⁶

Несколько иной правовой статус у так называемых о-пэров, которые представляют собой иностранных молодых людей, оказывающих услуги в домашнем хозяйстве и по уходу за детьми в обмен на проживание, питание и карманные деньги. Работа, выполняемая о-пэрами, должна быть простой и не превышать пяти часов в день. Подразумевается, что о-пэры полностью не заменяют прислугу или нянь. Мотивом, заставляющим иностранцев отправиться за границу, может служить желание выучить язык, изучить страну, в которую они приехали, и т.п. Отличие о-пэров от трудящихся-мигрантов заключается, помимо прочего, в легальности их приезда в страну. В последнее время, по некоторым данным, многие о-пэр агентства, работающие по Интернету, ориентируют торговлю молодыми людьми для их эксплуатации в качестве дешевой и хорошо контролируемой рабочей силы¹⁷. В данном случае, если такие факты будут доказаны, то можно говорить о соучастии в преступлениях, предусмотренных ст. 127.1 и 127.2 УК РФ.

Теперь рассмотрим ситуации, когда пострадавший согласен на то, чтобы использовался его труд. Можно ли здесь вести речь о наличии фигуры потерпевшего? Возможно ли будет тогда квалифицировать действия того, кто получает результат труда «потерпевшего», по ст. 127.2 УК РФ? Как справедливо отмечает профессор Н. Кристи, «порой мы виновны лишь отчасти. Эта неполная виновность, в особенности в сочетании с былыми грехами пострадавшего или его сторонников, позволяет прийти к компромиссу»¹⁸. Согласие потерпевшего – «разрешение на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, принадлежащим инициатору согласия, ад-

ресатом согласия, добровольно выраженное дееспособным лицом в установленной форме до начала совершения таких действий и влекущее уголовно-правовые последствия»¹⁹. Субъективная оценка итогового результата у лица, давшего согласие на причинение вреда собственным интересам, и потерпевшего от преступления различна: в первом случае – позитивная, во втором – негативная. Наука уголовного права выработала два основания правомерности причинения вреда при согласии потерпевшего: фактическое основание, которое включает факт объективной действительности, и правовое основание, то есть само согласие потерпевшего²⁰. Согласие в свою очередь должно отвечать ряду условий: быть добровольным, предварительным и реальным, оно не должно быть абстрактным²¹. Представляется, что в большинстве случаев действия по использованию труда потерпевшего виновным при согласии на это первое, нельзя будет квалифицировать как использование рабского труда, при условии соблюдения оснований и условий правомерности причинения вреда. Как и нельзя привлекать к ответственности самоубийцу, решившего покончить со своей жизнью, попытка которого не увенчалась успехом. Как известно, поведение любого человека определяется мотивами. В данных ситуациях можно говорить о наличии в действиях потерпевшего либо определенного психического заболевания, либо альтруизма, который и определяет его поведение. В первом случае необходимо лечение, а следовательно, это не является вопросом правоведения, во втором случае – желание самого лица, которое, распоряжаясь своей волей, принимает именно такое решение. Например, если лицо добровольно занимается так называемым «бизнесом на паперти», без принуждения со стороны третьих лиц, то, на наш взгляд, состав преступления отсутствует.

Таким образом, все вышесказанное позволяет выделить основные критерии, при наличии которых можно утверждать, что труд человека является рабским:

1) деятельность человека контролируется с помощью насилия или угрозы применения такого насилия;

2) человек находится в данном месте и занимается данным видом деятельности против своей воли;

3) за свою работу он получает минимальную оплату либо вообще ее не получает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные приведены из следующих источников: Криминальная экономика и организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой. М., 2007. С. 257; Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / Под ред. А.И. Долговой. М., 2009. С. 334.

² См.: Наумов А.В. Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1975. С. 9.

³ Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 69.

⁴ Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 8.

⁵ См.: Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006 / Под ред. С.М. Иншакова. М., 2007. С. 77.

⁶ См.: Галахова А., Акимов Ю. Актуальные вопросы квалификации использования рабского труда // Уголовное право. 2007. № 4. С. 27.

⁷ См.: Гусов К.Н., Шевченко О.А. Спортивное право. Правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта: Учеб. пособие. М., 2009. С. 17–18.

⁸ См.: Уголовный закон в практике районного суда: Науч.-практич. пособие / Под ред. А.В. Галаховой. М., 2007. С. 118–119.

⁹ См., напр.: Конвенция МОТ о принудительном или обязательном труде от 28 июня 1930 г.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

¹⁰ См., напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 152-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демко Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2006 г. № 129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лобачева Вячеслава Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями части шестой статьи 103 и статьи 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

¹¹ Курганов С.И. Комментарий к судебной практике по проблемам исполнения уголовного наказания / Под ред. С.А. Разумова. М., 2009. С. 154.

¹² См.: Принудительный труд в современной России: неуправляемая миграция и торговля людьми / Под общ. ред. Е. Тюрюкановой. Женева, 2006. С. 184–186.

¹³ См.: Царенко Ю. Современная «рабыня Изаура» // Кадровик. Кадровое делопроизводство. 2006. № 7. С. 61.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Бурдакова Т., Меньшиков А. Юрист напрокат // Российская газета. 2009. 30 янв.

¹⁶ Социальный статус работников из Таджикистана в строительной отрасли в Москве и Московской области. Женева, 2006. С. 88.

¹⁷ См.: Торговля людьми с целью принудительного труда. Регулирование найма трудящихся-мигрантов. Женева, 2006. С. 18–19.

¹⁸ Кристи Н. Удобное количество преступлений. СПб., 2006. С. 114.

¹⁹ Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 583.

²⁰ См.: Там же. С. 587.

²¹ См.: Блинные В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 374, 378.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Пенитенциарная система России в контексте предстоящих реформ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства

В.Б. МАЛИНИН – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Л.Б. СМЕРНОВ – профессор кафедры уголовного права Северо-Западной академии государственной службы (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор

В статье осуществлена попытка комплексного анализа состояния и проблем уголовной и уголовно-исполнительной политики государства и функционирования уголовно-исполнительных органов в предстоящий период радикальных реформ. Предметом анализа являются проблемы эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы в современных условиях, предполагаемые мероприятия по реформированию системы уголовных наказаний и пенитенциарной системы, возможные варианты их реализации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительные колонии; колонии-поселения; тюрьмы; отряд осужденных; исполнение наказания.

На состояние и уровень преступности значительное влияние оказывает карательная политика государства, которая в настоящее время отличается низкой эффективностью и не отвечает требованиям времени, не дает адекватного ответа вызовам преступности. Несмотря на то, что в последнее время уголовная статистика не показывает роста преступности, а по некоторым видам преступлений отмечает даже их снижение, нет оснований утверждать, что государство создало эффективное противодействие преступности, в силу того, что механизм и система учета преступлений несовершенны.

В местах лишения свободы большинство осужденных составляют лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. Около половины всех осужденных ранее отбывали наказание за насильственные преступления, а каждый четвертый ранее осужден за умышленное убийство или причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой, грабеж, изнасилование, многие осуждены – за бандитизм и участие в других преступных формированиях.

Действующая система уголовных наказаний и уголовно-исполнительных органов также не отвечает требованиям времени и нуждается в коренном реформировании. Основная идея

реформы УИС не нова и заключается в замене исправительных колоний тюрьмами, в которых должны содержаться наиболее опасные преступники. Остальные, менее опасные, осужденные будут отбывать наказание в колониях-поселениях.

Об этом давно говорили и говорят ученые и практики, занимающиеся вопросами исполнения наказаний, и не только в рамках ведомственной науки и практики. Подобные предложения высказывались и обосновывались учеными как гражданских вузов, так и вузов МВД, в составе которого в свое время находилась УИС.

В связи с указанным выше представляется актуальным обращение к проблемам современной уголовно-исполнительной системы.

Одним из способов регулирования общественных противоречий является осуществление сбалансированной, грамотной социальной и экономической политики. Однако есть и другой способ, заключающийся в злоупотреблении карательными мерами, что проявляется в создании большего количества тюрем и увеличении числа лиц, там содержащихся.

США занимают первое место в мире по количеству осужденных на душу населения, Россия – второе. Несмотря на огромный разрыв в эконо-

мических показателях, эти страны имеют много общего, в том числе высокий уровень противоречий и карательных средств.

В неблагополучном обществе судебная система, наказание и тюрьма являются основными средствами контроля над преступностью. Подобные общества отличает большое количество преступников в местах лишения свободы и большие сроки наказания.

В России больше половины преступников осуждаются к уголовным наказаниям, связанным с изоляцией от общества. По состоянию на 1 февраля 2010 г. в учреждениях УИС содержалось 862,3 тыс. чел., в том числе в 755 исправительных колониях отбывало наказание 724 тыс. чел.; в 226 следственных изоляторах и 164 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось 129,8 тыс. чел.; в 7 тюрьмах отбывало наказание 2,7 тыс. чел.; в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 5,8 тыс. чел.¹

Однако содержание УИС дорого обходится государству. И если США могут такую систему содержать, обеспечив при этом высокий уровень жизненных стандартов осужденных, то в России таких возможностей нет.

Организационно пенитенциарные учреждения входят в единую централизованную уголовно-исполнительную систему, которая в 1998 г. была переведена из МВД в Минюст России. Причины перевода обусловлены комплексом политических, социальных, международных факторов и имеют как объективный, так и субъективный характер. Переподчинение УИС связано с изменениями уголовной и уголовно-исполнительной политики, представлений о сущности пенитенциарных учреждений, ориентированием на образцы государственного аппарата западных стран.

Официально вопрос о передаче пенитенциарных учреждений из ведения МВД в ведение Минюста России был поставлен в Концепции судебной реформы, утвержденной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Следует отметить, что для этого был выбран неудачный момент: страна находилась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса.

Совет Европы увязал членство России в совете с условием передачи УИС в Министерство юстиции. Этот вопрос был решен после вступления России в Совет Европы в 1996 г., и Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин 8 октября 1997 г. подписал Указ «О реформировании уголовно-исполнительной системы МВД России»².

Перевод УИС из МВД в Министерство юстиции повлек массу проблем организационного, экономического и социального характера. Была разрушена единая материально-бытовая, социальная и медико-санитарная инфраструктура, произошел резкий отток квалифицированных кадров из УИС. Кадровый дефицит восполнился

притоком офицеров, досрочно уволенных из армии за их ненадобность. Бывшие военные усилили элементы милитаризации системы. Государство выделило из бюджета дополнительные средства на организацию и содержание новых организационных, управленческих и социальных структур.

Пенитенциарные учреждения, выполняя правоохранительную функцию, решают задачи охраны, надзора, безопасности, раздельного содержания, обеспечения прав как осужденных, так и иных лиц. Такая функция является основной для таких учреждений.

Вместе с тем на пенитенциарные учреждения возложены и другие социальные и экономические функции, в соответствии с которыми учреждения, исполняющие наказания, решают задачи обучения и образования осужденных, обеспечения их здоровья, проведения воспитательных мероприятий, привлечения осужденных к труду. Пенитенциарные учреждения, таким образом, являются многофункциональными субъектами уголовно-исполнительной деятельности, что приводит к распылению их сил и средств и, как следствие, к низкой эффективности исполнения каждой отдельно взятой функции-задачи.

Подобный универсализм достался в наследство от советской системы исполнения наказания. Его примером служит тезис «каждый сотрудник – воспитатель». Несмотря на то, что в исправительном учреждении есть различные службы, занимающиеся решением разных задач, многих сотрудников зачастую используют для выполнения других функций, отрывая от выполнения основных.

Вызывает озабоченность чрезмерная концентрация вышеперечисленных функций в одном ведомстве государственного механизма. В такой ситуации система начинает слабо развиваться, плохо реагирует на свои недостатки, стремится к закрытости.

Таким образом, за исправительными учреждениями следует оставить только одну главную родовую функцию – правоохранительную, а все остальные, за исключением экономической, передать другим ведомствам государственного механизма, частным структурам и общественным организациям. Многие функции следует передать частным субъектам на условиях государственно-частного партнерства, которое в данном случае будет представлять собой особый вид сотрудничества государственного и частного секторов с целью реализации долгосрочных инвестиционных проектов по управлению уголовно-исполнительными учреждениями и их строительству.

Для исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, целесообразно создать самостоятельную федеральную службу.

Процесс ресоциализации осужденных должен плавно переходить в процесс адаптации к

условиям жизни на свободе. Из тюрьмы осужденного нельзя сразу направлять в общество – его следует прежде переводить в колонию-поселение в порядке прогрессивной системы либо в центры адаптации. Для осуществления непрерывного процесса ресоциализации и адаптации необходимо создать самостоятельную федеральную службу, сотрудники которой должны будут заниматься с осужденными в местах лишения свободы с самого начала их пребывания, затем готовить их к свободе и передавать своим коллегам по службе, занимающимся вопросами адаптации. Работать в таких службах можно будет как на постоянной основе, так и на условиях совместительства и на общественных началах.

Основу пенитенциарной системы России в настоящее время составляют колонии различных видов режимов.

В исправительных колониях общего режима содержатся мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшие лишение свободы, а также осужденные женщины. В исправительных колониях строгого режима отбывают наказание мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшие лишение свободы, а также осужденные, ранее отбывавшие лишение свободы, при рецидиве преступлений. В исправительных колониях особого режима отбывают наказание осужденные мужчины при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные за тяжкие преступления и осужденные к пожизненному лишению свободы. В колониях-поселениях отбывают наказание лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, а также лица, осужденные к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшие лишение свободы.

В соответствии со ст. 88 УК РФ и ст. 74 УИК РФ наказание в виде лишения свободы несовершеннолетним осужденным назначается на срок не более десяти лет и отбывается в воспитательных колониях.

Россия имеет устаревшую, не отвечающую требованиям времени колониальную организацию. Осужденные в колонии сбиты в большие плохо контролируемые группы (отряды), в которых процветает лагерная иерархия 30-х гг.

В советском государстве в целях ускорения процесса ликвидации преступности предполагалось создать принципиально новую систему пенитенциарных учреждений, способную решать задачи исправления осужденных, в которой тюрьмы заменялись воспитательными учреждениями на основе новой идеологии и с использованием всех известных на тот период средств, форм и методов воспитания. Примечателен лозунг того времени «Нет неисправимых преступников – есть плохие воспитатели».

Подобная система моделировала организацию общества советского типа, основанного на коллективных формах организации, и в тех условиях была достаточно эффективной.

Начиная с 60-х гг. исправительно-трудовые колонии становились основным видом исправительных учреждений. Они представляли собой учреждения полужакрытого типа с большими возможностями массового привлечения осужденных к труду и применения разнообразных форм воспитательного воздействия. Исправительно-трудовая колония принципиально отличалась от тюрьмы большими масштабами применения мер исправительного воздействия. В своей основе она представляла модель социалистического общества в условиях изоляции.

Однако перед исправительными учреждениями были поставлены и другие, не афишируемые, но реальные цели, и прежде всего производственно-экономические. Потребность массового использования осужденных в качестве рабочей силы привела к производственно-экономическому уклону в организации и деятельности исправительно-трудовых учреждений. Лагерная и колониальная системы идеально подходили для массового использования труда осужденных. Колония представляла собой производственно-экономическую единицу, а УИС входила в единый народно-хозяйственный комплекс страны. В 1984 г. УИС занимала 4-е место по экономическому потенциалу среди промышленных министерств СССР.

Задуманная как альтернатива тюрьме колония, созданная в первую очередь как воспитательное учреждение, утратила свой первоначальный замысел и стала обслуживать потребности экономики.

Важным элементом действующей колониальной организации является отрядная система, введенная повсеместно в 60-е гг. Организаторы и идеологи отрядной системы идеализировали такую организацию осужденных, выдавали желаемое за действительное и не учитывали многие социологические, психологические и криминологические факторы.

Вместе с тем отрядная система позволяла организовывать большие группы осужденных с целью их трудоустройства по системе «отряд – цех, участок». На первом месте был государственный план в ущерб воспитанию, режиму и безопасности.

Отрядная система была применена А.С. Макаренко в воспитательной колонии для несовершеннолетних. Следует иметь в виду, что тогда основной контингент осужденных состоял из беспризорников, которых после гражданской войны оказалось 5 млн. Многие из этих детей, хотя и совершали преступления, но делали это под давлением острых проблем выживания. Такие осужденные, попав в руки честных и талантливых педагогов, положительно восприняли отрядную организацию. Многие из них

впервые за всю свою короткую и тяжелую жизнь попали в условия, которые существенно отличались в лучшую сторону от бедственных условий жизни на свободе. Поэтому отрядная система легла на благодатную почву и показала неплохие результаты.

Впоследствии отрядная система была применена не только во всех воспитательных колониях, но и в исправительных колониях, и сразу обнаружила свои проблемы.

Осужденных пытались организовать на принципах коллективизма, социалистического общежития, применявшегося в отношении свободных граждан. Однако осужденные, формально организованные администрацией в большие коллективы, создавали свою неформальную организацию, основанную на преступных нормах. Такая преступная организация осужденных, имеющая свою субкультуру, фактически доминировала и продолжает доминировать над сознанием и поведением значительной части осужденных, содержащихся в колониях. Ядро неформальной организации имеет возможность постоянно контролировать мысли и поведение осужденных и управлять ими.

Такая организация осужденных состоит из трех основных групп в зависимости от нравственно-психологической направленности личности: первую группу составляют осужденные отрицательной направленности, вторую группу – осужденные положительной направленности, третью группу – осужденные нейтральной направленности. Еще одну группу осужденных составляют «отверженные». В основном это лица, подвергнутые сексуальному насилию как средству расправы за различные нарушения норм неформальной организации осужденных.

Следует отметить, что независимо от направленности личности элементы неформальной организации более или менее воспринимают все группы осужденных и даже сотрудники исправительных учреждений. Лагерная антикультура поражает не только осужденных, но и персонал. Сотрудники, конечно, должны знать особенности этой субкультуры, но общаться с осужденными на ее основе нельзя, а они зачастую это делают.

Таким образом, в условиях исправительной колонии существуют параллельно две противоположные по сути и назначению формы организации осужденных. Наличие неформальной организации осужденных в значительной степени нивелирует влияние формальной отрядной системы.

Существующее колониальное отрядное общежитие осужденных не обеспечивает элементарных условий безопасности личности. Осужденные постоянно находятся в условиях большого совместного существования. Даже ночью они находятся в одном большом спальном помещении при отсутствии постоянного надзора со стороны сотрудников.

Постоянный надзор за осужденными в колонии и отряде фактически отсутствует и носит ограниченный характер. Осужденных три раза в сутки проверяют на факт наличия их в колонии, а в дальнейшем лишь эпизодически контролируют поведение, но это занимает небольшой объем времени.

Можно сделать вывод о том, что отрядная да и колониальная системы не могут быть абсолютной моделью пенитенциарного учреждения.

Начальник отряда фактически не способен один решить целый комплекс режимных, социальных и воспитательных задач, даже если ему помогает совет воспитателей.

Требуется принципиальное реформирование. Отрядная организация осужденных в тюрьмах должна быть заменена другой. Это может быть организация секторов, блоков или корпусов. Новая структурная единица организации тюрьмы тогда будет возглавляться соответствующим начальником, который должен отвечать исключительно за режим и условия содержания. Все остальные функции, включая воспитательные, необходимо передать соответствующим службам и специалистам тюрьмы. Отрядная система должна остаться только в колониях-поселениях.

В ходе реформирования предусматривается, что колонии с усиленным наблюдением будут располагаться на базе стационарных учреждений с производственными помещениями, а колонии с более ослабленным режимом – на строящихся и развивающихся объектах, которые можно сравнить со спецкомендатурами народного хозяйства, существовавшими в прошлом.

В данном случае мы не видим ничего принципиально нового. Все это есть или уже было в советской системе. Советское уголовное и исправительно-трудовое законодательство предусматривало меру уголовно-правового воздействия в виде условного осуждения с обязательным привлечением к труду с отбыванием в спецкомендатурах.

В 1993 г. данная мера была исключена, но в 1996 г. формально была восстановлена в форме уголовного наказания в виде ограничения свободы с отбыванием в исправительных центрах. УИК РФ определял режим и условия отбывания наказания в виде ограничения свободы в исправительном центре, которые полностью дублировали режим и условия содержания в колонии-поселении. В связи с отмеченным нами предлагалось исполнять ограничение свободы в колониях-поселениях³. Однако в настоящее время с принятием Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы»⁴ наказание в виде

ограничения свободы будет исполняться уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осужденного.

В отличие от исправительных колоний общего, строгого и особого режимов, тюрьмы не подразделяются по видам режима, но подразумевается, что в каждой тюрьме имеется два вида режима – общий и строгий.

В соответствии со ст. 130 УИК РФ в тюрьмах содержится две категории осужденных. Первую составляют осужденные к лишению свободы на срок свыше 5 лет с отбыванием части срока наказания в тюрьме за совершение особо тяжких преступлений и при особо опасном рецидиве. Вторая группа осужденных состоит из переведенных в тюрьму за нарушение установленного порядка отбывания наказания в исправительных колониях общего и строгого режима (осужденные женщины переводу в тюрьму не подлежат). При этом данные осужденные могут быть переведены в тюрьму сроком до 3 лет.

Идея содержания наиболее опасных преступников в тюрьме не нова и была аргументирована в том числе и одним из авторов данной статьи⁵.

В ходе реформирования предполагается создать тюрьмы трех режимов: особого, усиленного и общего, где будут раздельно содержаться особо опасные преступники, рецидивисты и осужденные, совершившие тяжкие преступления в первый раз. Режим содержания в тюрьме особого режима предполагает полную изоляцию без совместных столовых и работ, в тюрьме общего режима осужденные будут размещаться в кубриках, днем двери камер могут открываться и осужденные получают возможность передвигаться на определенной территории, а также работать⁶.

Проблема совместного содержания осужденных рецидивистов и впервые осужденных к лишению свободы была порождена в результате упразднения в 1991 г. колоний усиленного режима. Эта ошибка была отмечена учеными и практиками⁷.

В настоящее время в отдельных колониях особого режима содержатся осужденные к пожизненному лишению свободы. Режим и условия содержания осужденных в этих колониях ничем не отличаются от тюремных. Следовало давно заменить название этих учреждений на тюрьмы. Реформа в этой части заключается в замене «вывесок».

Перевод других колоний в тюрьмы также не так уж труден и сложен. Исправительные колонии особого режима для осужденных при особо опасном рецидиве преступлений по своим характеристикам близки к тюремным учреждениям. Часть осужденных, относящихся к злостным нарушителям режима, содержится в строгих условиях в помещениях камерного типа, то есть как в тюрьме.

Остальные колонии перевести в тюрьмы сложнее, однако это вполне посильная задача, поскольку они имеют много тюремных атрибутов.

Принципиальное различие колонии и тюрьмы состоит в смещении карательных и социальных атрибутов организации учреждения. В последние 20–30 лет общежития для осужденных были изолированы локальными участками, а исправительные колонии превращены в учреждения полутюремного вида. Поэтому общежития при определенных разумных затратах и усилиях возможно переоборудовать в блоки, секторы и предполагаемые реформаторами кубрики, ограничить свободу передвижения осужденных, установить круглосуточный постоянный надзор за каждым осужденным с максимальным использованием технических средств. Таким же образом были переоборудованы учреждения для содержания осужденных к пожизненному лишению свободы, формально являющиеся колониями, а фактически – тюрьмами.

Десятилетний срок, отведенный на перестройку, вполне достаточен и реален при условии сокращения осужденных к лишению свободы на половину, тем более что половина осужденных не представляет такой опасности, чтобы их содержать в условиях изоляции.

В России сложилась ситуация, позволяющая прекратить массовую «призонацию» населения и через 15–20 лет содержать в местах лишения свободы не более 250 тыс. осужденных.

В США существует более 30 тюремных корпораций. Общее количество осужденных, занятых трудом в тюремной индустрии страны, достигает полмиллиона. При этом условно-досрочное освобождение строго увязано с обязательным трудовым участием⁸.

Безусловно, в современных условиях копировать или воспроизводить полностью опыт СССР и США не нужно. Однако учитывать его и в определенной мере использовать, исключая жесткие меры, возможно.

Необходимо выделение государством сегментов экономики для УИС. В тюрьмах общего режима возможно организовать вывод осужденных по их желанию на общественные работы по уборке обочин дорог от мусора, выполнению различных земляных работ, прополке посевов и сбору урожая. Осужденные в США вывозятся на работу на специальном транспорте под конвоем скованные одной цепью и так же возвращаются. Участие в таком труде добровольное, а стимул – условно-досрочное освобождение.

Большим экономическим потенциалом обладают колонии-поселения. Что касается тюрем, то и там следует организовать привлечение осужденных к труду, но с соблюдением всех режимных требований, и прежде всего безопасности.

Вызывает озабоченность организованная пенитенциарная преступность. Ее лидеры пытаются осуществлять властные, идеологические, экономические, координационные и контрразведывательные функции. Лидеры преступных пенитенциарных группировок совместно с преступными авторитетами на свободе организуют беспорядки, голодовки, сбор средств в «общаки»,

дезорганизуют работу общественных формирований осужденных, осуществляют подкуп представителей администрации, выявляют агентов и через них дезинформируют администрацию, предпринимают усилия по вербовке лиц из числа персонала учреждения, в том числе и за счет своих связей на свободе. При этом они используют различные возможности, способы и средства: угрозы, насилие, вовлечение в азартные игры.

Содержание наиболее опасных преступников, лидеров и участников преступных группировок следует осуществлять в тюрьмах с особо строгим режимом в глубинных районах Сибири и Дальнего Востока. Нахождение мест лишения свободы за тысячи километров от крупных населенных пунктов лишит возможности влияния на уголовно-исполнительные органы и учреждения со стороны организованной преступности и давления со стороны заинтересованных этой преступностью других организаций.

Колонии-поселения, как предполагается, будут существовать в форме так называемых колоний-городков⁹. В данном случае уместна аналогия с исправительно-трудовыми лагерями.

Реформаторы предлагают создать целые городки со свободным режимом содержания. В связи с этим возникает вопрос: не получим ли мы в результате таких экспериментов «города преступности»? В условиях таких городов сложно организовать эффективный надзор и контроль даже при массовом применении технических средств. В подобных колониях-поселениях основной функцией будет оставаться производственно-экономическая деятельность.

Данная деятельность мест лишения свободы уже в 30-е гг. прошлого века начала осуществляться в ущерб организации режима исполнения наказания. Полуоткрытый режим исправительно-трудовых лагерей, впоследствии колоний-поселений и спецкомендатур, необходимый для массового привлечения осужденных к труду, снизил безопасность осужденных и персонала и привел к криминализации близлежащих территорий. Объективно ослабление охраны и надзора за осужденными повлекло рост уровня пенитенциарной преступности. В местах лишения свободы сформировались преступные группировки, которые терроризировали как осужденных, так и местное население, организовывали массовые беспорядки. Таким образом, возникло существенное противоречие между производственно-экономическими и карательно-воспитательными целями и функциями уголовно-исполнительных учреждений. Возможно, такая ситуация повторится и в результате применения новых предложений по массовому созданию колоний-поселений и исправительных центров.

Тем не менее лагерная экономика по планам реформаторов продолжит свое существование. Так, в Красноярском крае осужденные в настоящее время участвуют в очистке русла Богучарской ГЭС – их режим и условия содержания соответствуют режиму и условиям колоний-поселений.

Виды тюрем должны различаться режимом безопасности и категориями осужденных. Не следует устанавливать различия по условиям отбывания наказания между видами тюрем, как это сделано по отношению к разным видам исправительных учреждений сейчас. Это нарушает принцип равенства осужденных перед законом и противоречит принципу сближения условий содержания в тюрьме с условиями жизни на свободе.

Такие различия, установленные в зависимости от уголовно-правовых характеристик личности преступника, выступают возмездием и основаны на классических подходах уголовного права, а также противоречат социальной сущности наказания. Главное ограничение наказания – это лишение свободы, а различия в условиях содержания осужденных целесообразны только в связи с обеспечением безопасности.

В тюрьмах, независимо от вида режима, целесообразно организовать три блока с разными условиями и режимами безопасности, которые в общем виде могут выглядеть следующим образом:

1. Блок общего режима с размещением на ночь по камерам на 2 чел. Нахождение днем в общем помещении под непрерывным наблюдением. Минимум свиданий.

2. Блок льготного режима с размещением в камерах по 2 чел. предполагает свободный вход и выход из камеры. Осужденные имеют свои ключи от камеры. Днем разрешается свободное передвижение внутри блока. Устанавливается максимум свиданий, посылок, передач, бандеролей. От осужденного требуется признание вины, раскаяние, сотрудничество с администрацией при проведении воспитательных мероприятий.

3. Блок строго режима предназначен для злостных нарушителей режима. Является первоначальным для осужденных к пожизненному лишению свободы. Содержание покамерное, одиночное, 22 часа в сутки. Свиданий нет.

Важными требованиями безопасности и режима осужденных в тюрьмах должно быть постоянное круглосуточное наблюдение за ними. В отношении осужденных, находящихся вне камер, такое наблюдение осуществляется как с помощью технических средств, так и непосредственно сотрудниками службы безопасности.

Сотрудники службы безопасности должны находиться среди осужденных вне камер так, чтобы всех видеть и в любой момент пресечь противоправные действия. Должны быть установлены научно обоснованные нормативы по времени такого вмешательства.

Тюремное ведомство предлагает законодательно закрепить возможность перевода осужденного из колонии-поселения в тюрьму в случае нарушения им режима и отрицательного поведения и, наоборот, перевод из тюрьмы в колонию тех, кто имеет положительные характеристики¹⁰.

Перевод из одного блока в другой в тюрьме с разными условиями содержания выступит элементом прогрессивной системы отбывания наказания.

Условно-досрочное освобождение необходимо применять только в колонии-поселении в отношении трудоспособных осужденных.

Таким образом, содержать осужденных в колониях-поселениях следует только в порядке прогрессивной системы, то есть содержать в них лиц, переведенных из тюрем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: <http://www.fsin.su/main.phtml?cid=6>

² См.: Российская газета. 1997. 15 окт.

³ См.: Смирнов Л.Б. Проблемы правового регулирования исполнения уголовных наказаний и совершенствование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. СПб., 2003. С. 210–211.

⁴ См.: СЗ РФ. 2009. № 52. Ст. 6453.

⁵ В тюрьмах должны содержаться опасные преступники в условиях максимальной безопасности, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, а также при особо опасном рецидиве, осужденные, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, и осужденные к пожизненному лишению свободы (см. об этом подробнее: Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительная политика в сфере совершенствования правового регулирования исполнения уголовных наказаний: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 282).

⁶ См.: Выступление директора ФСИН России Александра Реймера на научно-практической конференции по вопросам реформирования УИС 10.09.2009 г. <http://www.rg.ru/2009/09/11/turjma.html>

⁷ См. об этом: Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительная политика в сфере совершенствования правового регулирования исполнения уголовных наказаний. С. 218.

⁸ См.: Овчинский В. Криминология кризиса // Завтра. 2009. № 9. С. 3.

⁹ См.: http://www.rian.ru/general_jurisdiction/20091106/19225441.html

¹⁰ См.: http://www.rian.ru/general_jurisdiction/20091106/19225441.html

Воспитательный центр как новый вид исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных

В.В. ПОПОВ – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

В статье раскрываются актуальные вопросы преобразования воспитательных колоний в воспитательные центры с обычным и усиленным наблюдением в свете реформирования уголовно-исполнительной системы России. С учетом анализа деятельности воспитательных колоний на современном этапе определяются перспективы их дальнейшего развития и трансформации. Отмечается дискуссионность целого ряда аспектов создания воспитательных центров, необходимость их тщательной проработки и экспериментальной проверки.

Ключевые слова: воспитательная колония; воспитательный центр; несовершеннолетние осужденные; лишение свободы; исправление; исправительное учреждение; ресоциализация; дифференциация и индивидуализация исполнения наказания.

10 сентября 2009 г. в Москве прошла научно-практическая конференция, посвященная вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы. В ходе конференции были определены основные задачи реформирования. Решение их направлено, с одной стороны, на дальнейшую гуманизацию системы исполнения наказаний, с другой – на повышение возможностей в достижении целей исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений. Комплекс мероприятий по реализации намеченных планов нашел свое отражение в проекте Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2020 г.

Согласно проекту несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, будут отбывать наказание в исправительных учреждениях нового типа – воспитательных центрах с обычным и усиленным наблюдением. Главным принципом формирования системы воспитательных центров для несовершеннолетних осужденных станет обеспечение отдельного их содержания в зависимости от общественной опасности совершенных преступлений и уровня криминальной зараженности личности. Предполагается также изменить подходы к осуществлению социальной, психологической и воспитательной работы посредством применения индивидуальных форм воздействия, более широкого привлечения общественности.

В настоящее время законодательством закреплены ограниченные возможности для дифференциации исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных (п. 9 ст. 74 УИК РФ). Изменения, внесенные в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, упразднили существовавшие ранее общий и усиленный режимы в воспитательных колониях для несовершеннолетних преступников¹. Данное нововведение объяснялось существованием на территории Российской Федерации всего лишь 4 воспитательных колоний усиленного режима, в которых на начало 2001 г. содержалось около 500 несовершеннолетних². На наш взгляд, следует критически оценивать суждения отдельных авторов, рассматривавших данную новеллу как прогрессивную³, поскольку она нанесла серьезный ущерб принципу дифференциации исполнения наказания⁴. Упразднение градации воспитательных колоний по видам режимов фактически привело к объединению на период отбывания наказания несовершеннолетних осужденных с различной степенью криминализации⁵. Сегодня в воспитательных колониях совместно содержатся лица, впервые осужденные к лишению свободы и ранее отбывавшие данный вид наказания, несовершеннолетние, осужденные за совершение преступлений различной степени тяжести. В результате этого отрицательно характеризующиеся осужденные могут оказывать негативное влияние на других воспитанников. Все большее распространение среди несовершеннолетних осужденных приобретают элементы криминальной субкультуры. Как отмечают специалисты, криминальная субкультура является основным механизмом криминализации подростковых общностей и в полной мере проявляется в местах лишения свободы, в том числе в воспитательных колониях⁶.

Все это усугубляется тем, что воспитательные колонии не отделены от общей системы пенитенциарных учреждений. Несовершеннолетние в большинстве случаев поступают в воспитательные колонии из следственных изоляторов, а достигнув совершеннолетия, переводятся для отбывания оставшегося срока наказания в исправительные колонии общего режима. Данные обстоятельства в значительной степени обуславливают сложную криминогенную обстановку, которая сохраняется во многих воспитательных колониях, и в конечном счете существенно ограничивают возможности колоний в достижении целей исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений. О недостаточной эффективности применяемых к подросткам видов наказаний, в первую очередь лишения свободы, свидетельствует, в частности, постоянное увеличение доли несовершеннолетних осужденных, имеющих неснятую и непогашенную судимость (с 9% в 2002 г. до 25% в

2009 г.), в том числе ранее приговоренных к лишению свободы (с 5% в 2002 г. до 18% в 2009 г.)⁷.

К несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы, в соответствии с действующим законодательством (гл. 12, 14 УИК РФ) применяются те же средства исправления, что и к взрослым. Вместе с тем их использование не в полной мере учитывает психолого-педагогические особенности подростков, что снижает эффективность социально-реабилитационной работы с ними. Во многом это связано и с тем, что установленные законом различия между условиями содержания осужденных, существующими в воспитательной колонии, и условиями содержания в других исправительных учреждениях не являются существенными (гл. 17 УИК РФ).

По поручению директора ФСИН России Вологодский институт права и экономики ФСИН России принял участие в разработке проекта концептуальной модели воспитательного центра с обычным и усиленным наблюдением. Модель включает описание целей и задач воспитательного центра, его функциональной и организационной структуры, условий отбывания наказания и содержания под стражей. В ней также представлена характеристика системы управления воспитательным центром, даны рекомендации по организации отдельных направлений его деятельности, разработан примерный расчет штатной численности персонала, сформулированы предложения по материальной базе, рассмотрены вопросы подготовки кадров для работы с несовершеннолетними осужденными.

Модель подготовлена с учетом положений проекта Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2020 г., стандартов Европейских тюремных (пенитенциарных) правил (2006 г.), требований Европейского комитета против пыток (ЕКПП), прецедентных решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), зарубежной и отечественной практики, в том числе опыта работы Алексинской, Архангельской, Брянской, Вологодской и Рязанской воспитательных колоний. Используются статистические и иные данные об исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных; материалы обследования несовершеннолетних, отбывающих лишение свободы; результаты анкетирования сотрудников воспитательных колоний, экспертной оценки и фотографии рабочего времени персонала воспитательных колоний.

В ходе исследования авторскому коллективу пришлось решить ряд проблем, связанных с организационным построением воспитательных центров и основными направлениями их деятельности. По многим из этих вопросов нет единого мнения ни у практических работников, ни среди ученых. Например, ФСИН России принято решение о сокращении количества воспитательных колоний путем перепрофилирования

части из них в другие виды исправительных учреждений. Это было обусловлено сложившейся в уголовно-исполнительной системе ситуацией, когда в ряде учреждений превышены лимиты наполнения, в то время как фактическое наполнение воспитательных колоний невелико. Кроме того, содержание большого числа воспитательных колоний с небольшими лимитами наполнения экономически нецелесообразно. Вместе с тем, как показало исследование, многие практические работники отмечают, что подобная мера приведет к тому, что большинство осужденных окажутся далеко от места своего проживания до осуждения, что негативно отразится на их социально полезных связях и, соответственно, снизит эффективность работы по их исправлению и ресоциализации (65,8%)⁸.

Остается дискуссионным вопрос о целесообразности содержания в одном воспитательном центре лиц мужского и женского пола. Почти все опрошенные сотрудники воспитательных колоний (96,1% респондентов) высказываются против их совместного содержания. Такая позиция во многом объясняется тем, что на практике совместное содержание несовершеннолетних осужденных мужского и женского пола способно привести к существенной дестабилизации обстановки в воспитательной колонии. Обеспечение же раздельного содержания указанных категорий осужденных в рамках одного исправительного учреждения, как того требует закон, крайне тяжело осуществимо. По мнению большинства опрошенных сотрудников воспитательных колоний, для несовершеннолетних осужденных женского пола следует создавать отдельные воспитательные центры (69,2% респондентов).

Дискуссию вызвали также вопросы, касающиеся уровня охраны и открытости воспитательных центров, правового статуса участка воспитательного центра для содержания несовершеннолетних осужденных, условий, которые должны быть обеспечены в каждом из участков, раздельного содержания различных категорий правонарушителей, закрепления элементов прогрессивной системы исполнения наказания в условиях сложной организационной структуры воспитательных центров, изменения форм и методов работы с воспитанниками.

Концептуальная модель учитывает следующие основные моменты, которые предопределяют новизну воспитательного центра и его отличие от воспитательной колонии:

- создание структуры воспитательного центра, позволяющей обеспечить непрерывность и преемственность социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними с момента заключения их под стражу и до момента освобождения, оградить несовершеннолетних от влияния со стороны взрослых преступников, воспрепятствовать распространению криминальной субкультуры (за счет

включения в структуру воспитательного центра помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора (далее – ПФРСИ); участка для содержания несовершеннолетних осужденных, а также положительно характеризующихся осужденных в возрасте до 19 лет; изолированного участка, функционирующего в режиме исправительной колонии (тюремь) общего режима⁹; социально-реабилитационного центра);

- обеспечение раздельного содержания несовершеннолетних осужденных, имеющих наибольшую степень криминальной зараженности, и остальной части воспитанников (за счет создания воспитательных центров с обычным и усиленным наблюдением);

- оптимизация численности несовершеннолетних осужденных в коллективах, создание мультидисциплинарных групп осужденных (вместо отрядов) для обеспечения индивидуализации процесса исправительного воздействия, приоритета психолого-педагогических и социальных методов и форм воздействия на осужденных;

- обеспечение условий отбывания наказания, позволяющих стимулировать правопослушное поведение осужденных путем последовательного снижения уровня правоограничений (система «социального лифта»);

- создание целостной эффективной системы подготовки осужденных к освобождению посредством включения в структуру воспитательного центра соответствующего подразделения – социально-реабилитационного центра;

- минимизация в работе воспитательных центров элементов, характерных для тюремного учреждения;

- наличие в штатах воспитательного центра значительно большего числа сотрудников, осуществляющих функции социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными, а также медицинского обслуживания (с одновременной их специализацией в зависимости от категорий осужденных, участка воспитательного центра, этапа отбывания наказания);

- специализированная подготовка основных категорий сотрудников по работе с несовершеннолетними осужденными, в том числе на базе высших образовательных учреждений ФСИН России.

Как показал опрос сотрудников воспитательных колоний, большинство респондентов (84,6%) считают целесообразным создание воспитательных центров с обычным и усиленным наблюдением, включающих ПФРСИ, участок для несовершеннолетних осужденных, участок исправительной колонии (тюремь) общего режима и социально-реабилитационный центр. При этом основная задача, которую позволит решить создание таких центров, заключается, по мнению 69,23% респондентов, в снижении влияния осужденных, имеющих наибольшую криминальную зараженность, на остальных осужденных.

Другим важным результатом, как считают 46,1% респондентов, станет повышение эффективности работы по подготовке несовершеннолетних к освобождению, их ресоциализации. 36,5% опрошенных полагают, что преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры позволит обеспечить целостность и непрерывность исправительного процесса.

Большинство опрошенных сотрудников территориальных органов ФСИН России (52,6%) полагают, что необходимо увеличение предельного возраста содержания осужденных в воспитательном центре до 24 лет (35,3% респондентов) либо до полного отбытия срока наказания (17,3% респондентов). Данная мера позволит не только обеспечить целостность и непрерывность исправительного процесса, но и избежать отрицательного воздействия на несовершеннолетних осужденных со стороны взрослых преступников. Предлагается также оптимизировать численность осужденных при групповой работе с ними: по мнению 37,3% опрошенных, она не должна превышать 20 чел.

Авторским коллективом разработана типовая организационная структура воспитательного центра. Основные нововведения определены названными выше отличиями воспитательного центра от воспитательной колонии.

В частности, предлагается включение в организационную структуру воспитательного центра ПФРСИ и изолированного участка, функционирующего в режиме исправительной колонии (тюрьмы) общего режима, с непосредственным подчинением заместителю начальника центра по режиму и оперативной работе. Вместе с тем ПФРСИ может не создаваться в случае значительной удаленности воспитательного центра от крупных городов, отсутствия достаточной территории для строительства данного объекта. Моделью предусматривается создание социально-реабилитационного центра в структуре воспитательного центра с обычным наблюдением, что позволит увеличить эффективность подготовки осужденных к освобождению, их ресоциализации. Создание социально-реабилитационного центра в воспитательных центрах с усиленным наблюдением представляется нецелесообразным ввиду незначительности количества осужденных, предполагаемых к размещению в данном подразделении. Дискуссионным на сегодня остается вопрос введения в структуру воспитательного центра участка, функционирующего в режиме колонии-поселения, для содержания положительно характеризующихся совершеннолетних осужденных. Здесь существует ряд проблем объективного и субъективного характера, связанных с возможностью предоставления оплачиваемой работы осужденным за пределами исправительного учреждения, а также с личностными характеристиками самих осужденных (наличие навыков самостоятельной организации быта и т.п.).

Предложенная организационная структура предусматривает объединение подразделений социальной защиты, воспитательной (социально-педагогической) работы и психологической лаборатории в рамках единого отдела социальной, психологической и социально-педагогической работы. Основная задача отдела – создание особой (социально-педагогической) среды, обеспечивающей социальную реабилитацию лиц, содержащихся в воспитательном центре, и восстановление их социального статуса в ситуациях ограничения свободы и исполнения в отношении них уголовного наказания. Отдел осуществляет свои функции в отношении всех категорий лиц, содержащихся в воспитательном центре, на всех этапах их пребывания. Объединение подразделений позволяет сформировать единое информационное пространство социального и психолого-педагогического сопровождения процесса исполнения наказания; четко разграничить сферы деятельности; обеспечить тесное взаимодействие специалистов при планировании и комплексной организации деятельности по сопровождению несовершеннолетних; добиться централизации руководства работой специалистов данных служб, координации их деятельности в достижении единой цели; достичь целостности и непрерывности процесса социального сопровождения несовершеннолетнего начиная с заключения под стражу и до момента освобождения из исправительного учреждения; организовать единый документооборот по всем направлениям работы.

В организационную структуру воспитательного центра представляется необходимым также ввести должность помощника начальника центра по соблюдению прав человека в УИС. Данное предложение вызвано все повышающимся вниманием со стороны государства и общественности к вопросам обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних в условиях лишения свободы, улучшения их социального положения, адаптации к жизни в обществе.

Одним из наиболее проблемных вопросов, возникших в ходе разработки концептуальной модели воспитательного центра, стало обеспечение дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы с учетом уровня криминальной зараженности личности несовершеннолетнего. Моделью предусматривается создание двух видов воспитательных центров – с обычным и усиленным наблюдением. Воспитательный центр с обычным наблюдением предназначен для отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними, впервые осужденными к лишению свободы. В воспитательный центр с усиленным наблюдением будут помещаться для отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетние осужденные, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, а также совершившие преступление в период отбывания наказания в

виде лишения свободы. Такое разделение будет способствовать предотвращению распространения криминальной субкультуры среди осужденных, а также повышению эффективности воспитательной работы с лицами, совершившими преступления в несовершеннолетнем возрасте, с учетом их уголовно-правовых характеристик. Данную идею поддержало 57,7% опрошенных сотрудников воспитательных колоний. Вместе с тем часть респондентов (34,3%) не без основания считает необходимым содержать в воспитательных центрах с усиленным наблюдением также осужденных за особо тяжкие преступления и несовершеннолетних, осужденных по совокупности тяжких и (или) особо тяжких преступлений, злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания в строгих условиях, переведенных из воспитательных центров с обычным наблюдением. Отметим, что здесь возникает другая проблема – необходимость обеспечения требованиями п. 2 ст. 80 УИК РФ о раздельном содержании лиц, впервые осужденных к лишению свободы, и лиц, ранее отбывавших данный вид наказания.

Особое значение имеет вопрос о том, чем должны различаться между собой воспитательные центры с обычным и усиленным наблюдением, если учесть, что в них будут направляться различные по степени криминальной зараженности категории осужденных. Полагаем, что отличие организации и содержания деятельности воспитательного центра с усиленным наблюдением главным образом будет состоять в более высокой плотности надзора за осужденными и повышенной степени охраны учреждения, а также в особенностях социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными с учетом большей степени их криминальной зараженности (повышенная интенсивность социально-педагогического и психологического сопровождения, применение различных медицинских и психокоррекционных методик). Результаты опроса сотрудников воспитательных колоний подтверждают данную точку зрения. Так, по мнению большинства опрошенных респондентов, между воспитательными центрами с усиленным и обычным наблюдением должны быть принципиальные различия в воспитательной работе с содержащимися в них осужденными (72,9%). Кроме того, различия должны коснуться условий размещения осужденных (48,8% респондентов), особенностей организации охраны и надзора (46,1% респондентов). В то же время общей для обоих видов воспитательных центров, по мнению большинства опрошенных сотрудников воспитательных колоний (59,4%), должна стать социализирующая модель воспитательной работы с осужденными, предполагающая создание воспитывающей среды через коллектив. Однако при этом в воспитательных центрах с обычным наблюдением следует делать акцент как на групповые,

так и на индивидуальные формы организации воспитательной работы с осужденными (45,9% респондентов), в воспитательных центрах с усиленным наблюдением – в основном на индивидуальные формы воспитательной работы (75,6% респондентов).

Предлагается сохранить в воспитательном центре (на участке для содержания несовершеннолетних осужденных и положительно характеризующихся осужденных в возрасте до 19 лет) виды условий отбывания наказания, предусмотренные п. 1 ст. 132 УИК РФ для воспитательных колоний (обычные, облегченные, строгие, льготные). При этом в социально-реабилитационном центре должны содержаться осужденные, переведенные на льготные условия. Такое видение разделяют 76,9% опрошенных сотрудников воспитательных колоний. Существующие условия отбывания наказания представляются оптимальными, поскольку позволяют стимулировать правопослушное поведение осужденных путем изменения их правового положения, дифференцировать и индивидуализировать исполнение наказания, подготовить осужденных к жизни на свободе путем последовательного снижения уровня правоограничений. В то же время по своему содержанию условия отбывания наказания, существующие в воспитательных колониях, требуют уточнения и совершенствования с учетом особенностей лиц несовершеннолетнего возраста, содержащихся в них. Введение дифференцированных условий отбывания наказания в воспитательном центре позволит обеспечить действие так называемого социального лифта для осужденных, то есть их помещение в различные условия отбывания наказания в зависимости от поведения, отношения к основным средствам исправления.

Предполагаемая структура воспитательных центров определяет ряд особенностей, касающихся условий отбывания наказания. В связи с этим представляется целесообразным:

- распространить правовые условия содержания несовершеннолетних в следственных изоляторах ФСИН России на помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов, воспитательных центров с обычным и усиленным наблюдением (камерное содержание);
- предусмотреть содержание несовершеннолетних осужденных в строгих условиях отбывания наказания в изолированных запираемых помещениях;
- организовать отбывание наказания в обычных и облегченных условиях в общежитиях комнатного типа без создания локальных участков для данных видов условий;
- создать социально-реабилитационные центры за пределами воспитательных центров с обычным наблюдением с проживанием в отдельном общежитии комнатного типа без охраны, но под надзором администрации;

– распространить условия отбывания наказания в исправительной колонии (тюрем) общего режима на изолированный участок воспитательного центра, функционирующий в режиме исправительной колонии (тюрем) общего режима (обычные, облегченные и строгие).

Результаты исследования показали, что большинство опрошенных сотрудников территориальных органов ФСИН России (70,4% респондентов) полагают необходимым предусмотреть возможность перевода отрицательно характеризующихся осужденных (злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания в период нахождения в строгих условиях отбывания наказания), содержащихся в воспитательных центрах с обычным наблюдением, в воспитательные центры с усиленным наблюдением, а также из обоих видов воспитательных центров в исправительную колонию общего режима (для осужденных, достигших 18-летнего возраста). Целесообразным видится и перевод положительно характеризующихся осужденных из воспитательных центров с усиленным наблюдением в воспитательные центры с обычным наблюдением (90,8% респондентов). Тем не менее перевод осужденных из воспитательного центра одного вида в другой наверняка вызовет ряд трудностей, связанных с обеспечением раздельного содержания лиц, впервые осужденных к лишению свободы, и лиц, ранее отбывавших данный вид наказания. Кроме того, такой перевод будет возможен лишь на основании судебного решения и потребует внесения поправок в законодательство.

Создание воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных требует пересмотра форм и методов работы с ними. Большинство практических работников (79% респондентов) положительно оценивают отрядную форму работы с несовершеннолетними осужденными, высказываясь за ее сохранение при усилении индивидуальной работы. Вместе с тем немалая часть опрошенных сотрудников воспитательных колоний допускает отход от отрядной системы (21,2% респондентов) и размещение осужденных небольшими группами в запираемых только на ночь помещениях (32,6%).

Концептуальная модель предусматривает переход от отрядной формы работы с осужденными в воспитательном центре к работе с мультидисциплинарной группой несовершеннолетних. Предлагается несколько подходов к формированию мультидисциплинарных групп осужденных:

– в зависимости от социальной запущенности и криминальной зараженности осужденного, его подверженности социально-педагогическому воздействию;

– в зависимости от уголовно-правовых и криминологических характеристик осужденных. В частности, осужденные могут быть сгруппированы на основании вида совершенного преступ-

ления: за насильственные преступления, корыстные преступления, корыстно-насильственные преступления и т.п. (данный критерий является наиболее значимым для классификации осужденных, содержащихся в воспитательных центрах с усиленным наблюдением);

– на основе принципов совместного обучения, профессиональной подготовки, трудовой деятельности (класс, учебная группа, бригада).

Итак, в целях организации индивидуальной и групповой работы с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми в воспитательном центре следует формировать секции из числа указанных лиц. Дополнительно необходимо учитывать такие критерии, как психологическая совместимость осужденных, возраст, наличие различного рода хронических инфекционных и иных заболеваний (ВИЧ-инфекция и т.п.) и др. Для социально-педагогического сопровождения исправительного процесса за каждой группой (секцией) лиц, содержащихся в воспитательном центре, необходимо закрепить социального педагога (старшего социального педагога).

Полагаем, что в основе деления осужденных на группы (секции) в воспитательных центрах с обычным наблюдением должен лежать, прежде всего, деятельностный подход. Учитывая, что основным видом деятельности несовершеннолетнего осужденного является деятельность учебная (обучение в общеобразовательной школе и профессиональном училище; профессиональная подготовка в учебно-производственных мастерских), формирование групп (секций) осужденных должно осуществляться по принципу их совместного обучения (класс, учебная группа, бригада).

Одновременно для осуществления психокоррекционных и иных реабилитационных мероприятий предлагается формировать сквозные мультидисциплинарные группы по дополнительным критериям (наркоманы, склонные к агрессии и др.). Работа с такими группами осуществляется по отдельным программам в специальных кабинетах в отведенное для этого время (занятия психолога, психиатра, социального работника, социального педагога, учителя, мастера и др.).

Особого внимания заслуживает решение задач социальной адаптации и ресоциализации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы. Процесс исполнения наказания в воспитательных колониях до сих пор во многом строится на внешнем контроле, который не влияет на внутренние установки человека. При разработке модели организации социальной, психологической и воспитательной (социально-педагогической) работы учитывалось, что среди несовершеннолетних преступников увеличилась доля лиц, не имеющих социальных и профессиональных навыков, без определенных источников дохода, лиц безнадзорных, обладающих низким уровнем социальной адаптации, что во многом связано с отсутствием опеки

и контроля. Именно в воспитательных колониях наблюдается скопление лиц с недостаточным уровнем социализации, обладающих высокой дезадаптивностью. По данным специальной переписи осужденных 2009 г., 22% лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, до осуждения нигде не работали и не учились, то есть почти каждый четвертый осужденный подросток оказался вне поля таких институтов социализации, как образовательные учреждения¹⁰. Работа с указанной категорией лиц требует соответствующего социально-реабилитационного сопровождения, позволяющего обеспечить их эффективную ресоциализацию в современном обществе. В связи с этим важнейшей комплексной задачей, стоящей перед современным пенитенциарным учреждением для несовершеннолетних, является деятельность психолого-педагогического и реабилитационного характера, основными принципами которой должны стать:

- непрерывность и преемственность социальной, психологической и воспитательной (социально-педагогической) работы с несовершеннолетними с момента заключения их под стражу и до момента освобождения;
- трансформация форм и методов социальной, психологической и воспитательной (социально-педагогической) работы в контексте функционирования прогрессивной системы исполнения наказания;
- обеспечение в работе приоритета психолого-педагогических и социальных методов и форм воздействия на осужденных;
- учет возрастных и индивидуальных (психологических, физиологических, уголовно-правовых) характеристик осужденных;
- комплексный характер деятельности, основанный на взаимодействии между различными службами воспитательного центра.

Особую актуальность приобретает проблема минимизации проявления в работе воспитательных центров элементов, характерных для тюремного учреждения. Ее преодоление требует проработки таких вопросов организации режима и охраны, как внедрение современных инженерно-технических средств надзора, оснащение учреждения интегрированными инженерно-техническими системами охраны, что в свою очередь связано со значительными финансовыми затратами, необходимостью дополнительной профессиональной подготовки сотрудников. Тем не менее решение обозначенных вопросов позволит в перспективе снизить в воспитательном центре численность сотрудников подразделений охраны и надзора, увеличить количество сотрудников, выполняющих функции социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными.

В ходе исследования была обоснована необходимость сохранения в воспитательном центре подразделения, осуществляющего опе-

ративную деятельность. Потребность в проведении оперативной работы в воспитательном центре определяется особой значимостью задач по предупреждению правонарушений, совершаемых осужденными в условиях данного учреждения, перекрытию каналов поступления в учреждение запрещенных предметов, выявлению и пресечению запрещенных связей персонала и спецконтингента, а также оказанию помощи органам внутренних дел в раскрытии ранее совершенных преступлений. Отбывая наказание в воспитательных колониях, отдельные несовершеннолетние осужденные не стремятся встать на путь исправления и продолжают вынашивать планы дальнейшего совершения преступлений. Так, в 2009 г. оперативными аппаратами в воспитательных колониях было предотвращено 2269 преступлений, из которых большую часть – 1799 (79%) – составили преступления против жизни и здоровья¹¹. В воспитательных колониях сохраняется активность отрицательно настроенных осужденных, склонных к различным формам деструктивного поведения, распространению традиций уголовно-преступной среды и криминальной субкультуры. Такие подростки нередко выступают в качестве организаторов различных групповых эксцессов, а иногда и массовых беспорядков. Так, в 2009 г. в воспитательных колониях зарегистрировано 10 преступлений (в 2008 г. – 13, 2007 г. – 29). Половина совершенных преступлений связана с дезорганизацией нормальной деятельности учреждений¹². Особое значение оперативная работа будет иметь в воспитательных центрах с усиленным наблюдением, поскольку в них предполагается содержание лиц, вставших на криминальный путь, склонных к совершению повторных преступлений, дезорганизации деятельности исправительного учреждения, формированию неформальных групп осужденных отрицательной направленности и активному участию в них.

Исследование вопросов организации общего и начального профессионального образования, трудовой адаптации осужденных в воспитательном центре позволило прийти к выводу, что данные направления деятельности должны быть выстроены с учетом характеристики осужденных, требований раздельного содержания различных их категорий, необходимости организации единого учебно-воспитательного процесса. В частности, в силу большой криминальной зараженности спецконтингента, низкой мотивации к общественно полезной деятельности, в том числе к учебе, в воспитательном центре с усиленным наблюдением необходимо организовать более плотный надзор за осужденными в общеобразовательной школе, обеспечить безопасность учителей. При организации обучения в профессиональном училище важен индивидуальный подход к выбору профессии на

основе углубленного изучения качеств и особенностей личности осужденного. Полагаем, что в основу модели управления процессом трудовой адаптации осужденных должен быть положен принцип, разграничивающий процессы управления трудовой адаптацией осужденных в целом и управления трудовой адаптацией конкретных осужденных. Координаторами этой деятельности в воспитательном центре должны стать учебно-производственные (трудовые) мастерские (создание рабочих мест, организация производственного процесса и производственного обучения) и отделения (группы) социальной защиты (организация работы с конкретным осужденным по индивидуальной программе трудовой адаптации).

В ходе разработки модели воспитательного центра было подготовлено типовое штатное расписание воспитательного центра. Наиболее трудными для авторского коллектива стали вопросы обоснования нормативов штатной численности сотрудников по ряду категорий должностей; вопросы штатного построения таких вновь создаваемых подразделений, как ПФРСИ, изолированный участок, функционирующий в режиме исправительной колонии (тюрьмы) общего режима, социально-реабилитационный центр. Обоснование нормативов штатной численности социальных работников, социальных педагогов, психологов и мастеров учебно-производственных (трудовых) мастерских осуществлялось на основе результатов эмпирического исследования, которое проводилось в 2010 г. на базе Алексинской, Брянской, Вологодской и Рязанской воспитательных колоний. Фотография рабочего времени соответствующих специалистов и экспертная оценка трудоемкости реализуемых ими функций позволили получить расчетным путем следующие нормативы: специалист по социальной работе – 1 сотрудник на 70 осужденных; социальный педагог – 1 сотрудник на 20 осужденных; психолог – 1 сотрудник на 50 осужденных; мастер – 1 сотрудник на 25 осужденных.

Преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры потребует переработки целого ряда федеральных и ведомственных нормативных правовых актов, подготовки отдельных локальных правовых актов. В первоочередном порядке необходимо будет внести в УК РФ изменения в части определения вида исправительного учреждения для отбывания лишения свободы лицами, совершившими преступления в несовершеннолетнем возрасте (ч. 1 ст. 56; ч. 3 ст. 58; п. 6 ст. 88); в УПК РФ – в части принятия решения об избрании в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 108); в УИК РФ – в части определения вида исправительного учреждения для отбывания наказания несовершеннолетними осужденными, регламентации

особенностей исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных центрах, применения мер поощрения и взыскания, порядка перевода осужденных в изолированный участок воспитательного центра, функционирующий как исправительная колония (тюрьма) общего режима (ч. 9, 10 ст. 74; ст. 132; ст. 133; ст. 138; ст. 140); в Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» – в части создания в воспитательных центрах учебно-производственных (трудовых) мастерских (ст. 18), а также в ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы организации режима и надзора за осужденными, социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными и ряда других направлений деятельности воспитательных центров. По результатам исследования авторским коллективом были подготовлены предложения по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство, разработаны проекты Положения о воспитательном центре, Положения о ПФРСИ, Положения о социально-реабилитационном центре.

Разнообразие задач и функций воспитательного центра, высокие требования к профессиональному уровню его персонала, специфика криминологических, психолого-педагогических характеристик воспитанников определяют особенности организации профессионального образования сотрудников воспитательного центра. В целях углубления профессиональной специализации в подготовке персонала для работы с несовершеннолетними осужденными в концептуальную модель включены предложения по организации непрерывного профессионального обучения сотрудников воспитательного центра, введению новых ведомственных специализаций в рамках имеющихся направлений и профилей подготовки, а также расширению перечня программ дополнительного профессионального образования.

Процесс формирования профессиональных компетенций сотрудника воспитательного центра включает три основных этапа: получение профессионального (базового) образования; профессиональное обучение при приеме на службу в воспитательный центр; профессиональное обучение при исполнении служебных обязанностей по должности. Его целостность и непрерывность обеспечиваются посредством применения таких форм профессионального образования сотрудников, как получение базового профессионального образования, в том числе в вузах ФСИН России, профессиональная переподготовка, повышение квалификации, стажировка, служебная подготовка.

При замещении должностей воспитательного центра, функциональные обязанности сотрудников по которым предполагают непосред-

венное общение с несовершеннолетними осужденными, приоритетными специальностями являются «Психология», «Социальная работа», «Социальная педагогика», «Педагогика».

В рамках введения новых ведомственных специализаций с учетом имеющихся направлений и профилей подготовки сотрудников воспитательных центров предлагается внедрение в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России специальности 050407.65 «Педагогика и психология девиантного поведения» (специализация – психолого-педагогическая реабилитация детей с девиантным поведением). Также целесообразно начать подготовку специалистов юридического профиля для воспитательных центров по новой образовательной программе 030505.65 «Правоохранительная деятельность» (специализация – воспитательно-правовая), что позволит значительно в сравнении с действующей программой увеличить вариативный блок специальных дисциплин воспитательно-правовой направленности.

В рамках расширения перечня программ дополнительного профессионального образования сотрудников воспитательных центров предлагается организовать на базе Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников УИС и факультетов повышения квалификации образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России реализацию программ повышения квалификации по всем категориям должностей, выполнение функциональных обязанностей по которым предполагает непосредственное общение с несовершеннолетними осужденными. В целях подготовки специалистов высшей квалификации целесообразно также сделать возможным получение сотрудниками воспитательных центров (преимущественно из категории руководителей) послевузовского профессионального образования по научной специальности 13.00.02 «Теория и методика воспитания (социальная педагогика)».

В целом проведенное исследование позволило сформулировать общие концептуальные подходы к организационно-функциональному построению воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных, организационному построению отдельных направлений его деятельности. На основе предложенной концептуальной модели после ее принятия будут выстроены индивидуальные модели воспитательных центров с учетом вида наблюдения и

необходимости совместно-раздельного содержания несовершеннолетних мужского и женского пола, а также организована их экспериментальная апробация и внедрение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 09.03.2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1002.

² См.: Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. М., 2003. С. 146.

³ См.: Там же. С. 145–147.

⁴ См.: Андриухин Н.Г., Замыцких В.П. Об эффективности дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних // Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы. Рязань, 2004. С. 96–97.

⁵ См.: Андриухин Н.Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: состояние и перспективы развития. М., 2004. С. 140–143.

⁶ См.: Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. СПб., 2009. С. 99–100.

⁷ См.: Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 12 месяцев 2002 г.: Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде РФ. М., 2003. С. 1–2; Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 12 месяцев 2009 г.: Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде РФ. М., 2009. С. 1–2.

⁸ В статье здесь и далее приводятся результаты исследования, проводившегося в 2010 г. Вологодским институтом права и экономики ФСИН России на базе Алексинской, Архангельской, Брянской, Вологодской и Рязанской воспитательных колоний (категория респондентов – сотрудники воспитательных колоний) и НИИ ФСИН России в 54 территориальных органах ФСИН России (категория респондентов – сотрудники территориальных органов ФСИН России).

⁹ Возможность создания в воспитательной колонии изолированного участка исправительной колонии общего режима предусмотрена п. 9 ст. 74 УИК РФ. Создание тюрем общего режима как нового вида исправительного учреждения предусматривается проектом Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 г.

¹⁰ См.: Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / Науч. ред. В.И. Селиверстов. М., 2010. Вып. 1. С. 15.

¹¹ См.: Сведения о преступлениях в уголовно-исполнительной системе: Информационно-аналитический сборник НИИИИПТ ФСИН России. Тверь, 2009. С. 15, 29.

¹² См.: Отчет о работе воспитательных колоний за 2003 год, подготовленный ГУИН Минюста России // Архив Вологодского института права и экономики. 2009. Д. № 36-07. Т. 5. С. 37; Отчет о работе воспитательных колоний за 2009 год. ФГУ НИИИИПТ ФСИН России // Там же. С. 25.

О совершенствовании ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

А.Л. САНТАШОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

И.А. ЯНЧУК – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права, кандидат юридических наук

Статья посвящена анализу Федерального закона от 5 апреля 2010 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 22 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»». В работе отражены причины изменений, внесенных в ст. 113 УИК РФ, дается их оценка. Делается вывод, что такое законодательное решение вполне оправданно и научно обоснованно, однако при этом не доведено до логического завершения. В этой связи авторы статьи предлагают законодательно доработать ст. 113 УИК РФ.

Ключевые слова: меры поощрения; изменение условий отбывания наказания; изменение вида исправительного учреждения; помилование; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Федеральным законом от 5 апреля 2010 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 22 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»»¹ из ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации были исключены ч. 3 и 5. Это означает, что помилование и изменение условий содержания осужденных перестали являться мерами поощрения. Тем самым законодатель подвел итог существующему в пенитенциарной науке спору о разграничении либо унификации мер поощрения и иных поощрительных норм уголовно-исполнительного права. Между тем нельзя сказать, что такое решение давно назревало, что оно актуально и своевременно, ибо истоки данного спора возникли еще в науке исправительно-трудового права, а в последнее время этот вопрос вообще не поднимался. В этой связи хотелось бы напомнить суть дискуссии и высказать свое мнение по поводу изменений в УИК РФ.

Вопрос заключался в следующем: самостоятельны ли «иные поощрительные нормы» и насколько обоснованно их размещение в статье закона, устанавливающей перечень мер поощрения осужденных? Рассмотрим это на примере сравнения норм, регулирующих изменение условий содержания осужденных, и мер поощрения.

Сторонником первой точки зрения является Н.А. Стручков. Он отмечал, что «изменение условий содержания осужденного путем перевода из одного исправительного учреждения в

другое поощрением или взысканием в собственном значении этих понятий не является, поскольку составляет содержание одного из способов реализации самостоятельного института исправительно-трудового права, не входящего в институт применения поощрений и взысканий к осужденным»². В свою очередь С. Березиков и М. Пучковская отмечают, что «изменение условий содержания не является дисциплинарным взысканием или поощрением, хотя и относится в соответствии со ст. 113, 115 УИК РФ к мерам дисциплинарного характера»³. В.С. Яковлев, Б.З. Маликов и Н.Б. Маликова также разграничивают рассматриваемые институты по субъектам, объектам и основаниям применения⁴.

Аналогичной точки зрения придерживаются Ю.М. Ткачевский, В.С. Епанешников, Г.А. Аванесов и С.И. Курганов. Они исходят из того, что меры поощрения и взыскания применяются при совершении единичных поступков, в то время как рассматриваемый институт – при определенной линии поведения⁵.

Соглашаясь с этим, С.Л. Бабаян все же придерживается иного мнения и выделяет нормы, изменяющие условия содержания, в отдельную группу мер поощрения. Свою позицию он обосновывает тем, что в рассматриваемых правоотношениях участвуют одни и те же субъекты⁶. При этом он признает также отличие указанной группы мер от мер поощрения, закрепленных в ч. 1 ст. 113 УИК РФ. Оно заключается в том, что первые комплексно изменяют объем прав осужденных, в то время как последние большей частью правовой статус не изменяют⁷. То есть содержа-

тельная сторона данных институтов различна. Такой же точки зрения придерживаются А.Ф. Сизый⁸ и А.И. Васильев. Последний полагает, что «в большинстве своем изменение условий содержания осужденных рассматривается именно как применение мер поощрения и взыскания»⁹.

Так выглядят основные позиции по рассматриваемому дискуссионному вопросу. Необходимо отметить, что до последнего времени вторая точка зрения выглядела более выигрышной, поскольку рассматриваемые иные поощрительные нормы содержались в ст. 113 УИК РФ. Несмотря на это, мы все же придерживаемся первой позиции по следующим соображениям.

Во-первых, основания применения рассматриваемых институтов различны. По этому поводу А.В. Бриллиантов справедливо отмечает, что в нормах, содержащихся в ч. 3 ст. 113 УИК РФ, «предусмотрена лишь возможность их применения не по основаниям поощрения или взыскания, а по иным основаниям, предусмотренным законом»¹⁰. Необходимо признать, что некоторые основания совпадают, например хорошее поведение осужденных и их добросовестное отношение к труду. Но существуют и самостоятельные основания, в частности истечение определенного срока отбывания наказания является одним из оснований для перевода осужденных на другие условия содержания.

Во-вторых, С.Л. Бабаян указывает, что в рассматриваемых правоотношениях участвуют одни и те же субъекты. Однако правом применения мер поощрения и взыскания пользуются начальники исправительных учреждений или лица, их замещающие (в отношении отдельных мер поощрения – начальники отрядов), а перевод осужденных из одних условий на другие осуществляется по решению комиссии исправительного учреждения, и изменять вид исправительного учреждения имеет право только суд. На наш взгляд, высказанное С.Л. Бабаяном утверждение совершенно необоснованно.

И главное, ст. 119 УИК РФ содержит утверждение о том, что начальники исправительных учреждений или лица, их замещающие, в полном объеме пользуются правом применения перечисленных в ст. 113 УИК РФ мер поощрения. Если рассматривать институт изменения условий содержания осужденных как меру поощрения (то есть до внесения изменений в УИК РФ), то ст. 119 УИК РФ вступает в противоречие со ст. 113 УИК РФ, поскольку правом применения ст. 78 и 87 УИК РФ начальники исправительных учреждений не обладают.

Таким образом, мы полагаем, что изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения не являются мерами поощрения.

То же самое можно сказать и об отграничении помилования и замены неотбытой части наказания осужденным более мягким видом наказания от мер поощрения. Так, например, право применения данных норм принадлежит Президенту Российской Федерации и суду соответственно, а не начальнику исправительного учреждения.

В связи с этим представляется, что институты помилования и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, хотя и содержат поощрительные нормы, собственно мерами поощрения не являются, поскольку отличаются от последних основаниями применения, содержанием и субъектами.

В этой связи изменения, внесенные в ст. 113 УИК РФ, вполне оправданны и научно обоснованы. Вместе с тем остаются непонятными причины, по которым из данной статьи не исключена норма, предусматривающая замену неотбытой части наказания осужденным более мягким видом наказания. На наш взгляд, законодателю следует быть последовательным и исключить ч. 4 из ст. 113 УИК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2010. № 15. Ст. 1742.

² Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части. М., 1985. С. 95.

³ Березиков С., Пучковская М. О некоторых проблемах законодательного регулирования изменения осужденным условий отбывания наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 7. С. 26.

⁴ См.: Яковлев В.С., Маликов Б.З., Маликова Н.Б. Некоторые проблемы правовой природы строгих условий отбывания лишения свободы в исправительной колонии // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития. М., 2005. С. 145–146.

⁵ См.: Ткачевский Ю.М. Проблемы прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний // Проблемы совершенствования уголовных наказаний. Рязань, 1983. С. 20; Епанешников В.С. Дисциплинарные меры воздействия на осужденных к лишению свободы как институт исправительно-трудового права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 15; Аванесов Г.А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). М., 1968. С. 10; Курганов С.И. О природе поощрительных норм уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 10.

⁶ См.: Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 75.

⁷ См.: Там же. С. 75–76.

⁸ См.: Сизый А.Ф. Совершенствование правового регулирования системы изменения условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы // Актуальные проблемы укрепления режима в ИТУ. Рязань, 1979. С. 98.

⁹ Васильев А.И. Изменение условий содержания осужденных в системе мер поощрения и взыскания // Система воспитательной работы: Сб. науч. тр. Рязань, 1982. С. 109.

¹⁰ См.: Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 381.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения

Б.Я. ГАВРИЛОВ – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

В статье проводится анализ института предъявления обвинения в современном уголовно-процессуальном законодательстве, а также рассматривается историко-правовое содержание института предъявления обвинения. В работе предлагается исключить институт предъявления обвинения при одновременном введении процессуальной нормы об уведомлении о существующем в отношении лица подозрении в случае возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: институт предъявления обвинения; уголовно-процессуальное законодательство; дознание и предварительное следствие.

Исследуя правовую регламентацию привлечения лица в качестве обвиняемого, необходимо отметить, что в настоящее время практические работники органов предварительного следствия и часть ученых-процессуалистов считают, что порядок предъявления обвинения нуждается в переосмыслении, а сам процессуальный институт – в существенной реконструкции, вплоть до его исключения из УПК РФ. Впервые эти предложения были озвучены 5 лет назад¹.

При выработке данных предложений учитывалось, что с 1 июля 2002 г. институт предъявления обвинения, по сути, отсутствует при производстве предварительного расследования в форме дознания. Здесь лицо пребывает в положении подозреваемого с момента возбуждения в отношении него уголовного дела либо его задержания вплоть до окончания дознания и составления обвинительного акта, за исключением предусмотренного законом случая заключения подозреваемого под стражу и невозможности в течение 10 дней закончить дознание составлением обвинительного акта, что обязывает дознавателя предъявить обвинение или отменить указанную меру пресечения.

В случае же возбуждения уголовного дела по факту совершенного преступления, подлежащего расследованию в форме дознания, ст. 223 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ)² возлагается на дознавателя обязанность уведомлять лицо о наличии

в отношении него подозрения в совершении преступления.

За 2008 г. в суд было направлено более 400 тыс. уголовных дел, обвинение по которым не предъявлялось, а обвиняемым лицо становилось с момента вынесения дознавателем в отношении этого лица обвинительного акта.

Возникает вопрос: имеются ли правовые основания к подобным радикальным изменениям режима предварительного следствия?

Прежде чем сформулировать ответ целесообразно изложить историко-правовое содержание института предъявления обвинения. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. его не предусматривал. Согласно ст. 258, 285, 304, 353, 377, 385, 386, 396 и ряду других данного документа в качестве обвиняемого лицо могло быть подвергнуто допросу, если а) было застигнуто на месте совершения преступного деяния, б) навлекло на себя «достаточное подозрение в преступлении» и др.

Однако в циркуляре от 28 февраля 1874 г. министр юстиции России указал, что призыв к допросу в качестве обвиняемого является самостоятельным «периодом» следствия, который наступает только после того, как следователь «может доставить более или менее верные и беспристрастные данные к обвинению в преступном деянии того именно, а не другого лица». Сенат в 1876 г. также указал судебным органам на необходимость выделения «основания к воз-

буждению уголовного преследования против определенного лица»³.

Первое упоминание о привлечении лица в качестве обвиняемого появилось в российском законодательстве в Положении о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г.⁴, ст. 9 которого предусматривала необходимость вынесения постановления «о привлечении новых лиц в качестве обвиняемых»⁵.

Статья 131 УПК РСФСР 1922 г. предусматривала «при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершенном преступлении» составление следователем мотивированного постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Статья 128 УПК РСФСР 1923 г. содержала аналогичное предписание. Их основные положения в части регламентации предъявления обвинения воспроизведены в ст. 143–151 УПК РСФСР 1960 г.

В числе причин сохранения на протяжении многих десятилетий предъявления обвинения, по нашему мнению, можно отметить тот факт, что данный процессуальный институт являлся правовым основанием (моментом) допуска защитника к участию в уголовном деле, который в течение предшествующих 80 лет (до 2001 г.) оставался одним из ключевых вопросов уголовного судопроизводства. Лишь Законом Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-1⁶ защитник допущен к участию в уголовном деле вне зависимости от формы расследования с момента предъявления обвинения, а при задержании лица в качестве подозреваемого или заключения его под стражу до предъявления обвинения – с момента предъявления ему протокола задержания или постановления о применении данной меры пресечения.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу В.И. Маслова⁷ ориентировало на корректировку участия защитника в уголовном деле с более раннего этапа предварительного расследования. С 2001 г. защитник стал допускаться к участию в деле с момента возбуждения в отношении лица уголовного дела (ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР)⁸, что привело, как представляется, к утрате актуальности положений УПК РСФСР о вступлении защитника в уголовное дело с момента предъявления обвинения.

На выработку предложений оказало влияние и то обстоятельство, что в ст. 49 УПК РФ значительно расширен перечень оснований участия в уголовном деле защитника, что фактически нивелировало разницу в правах подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47) до момента уведомления следователем обвиняемого об окончании предварительного следствия либо составления дознавателем обвинительного акта.

На формирование правовой позиции об исключении из УПК РФ института предъявления обвинения сказала и необходимость обоснования предложений о законодательном разрешении проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору (в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ) для перепредъявления (на тех же материалах дела) обвинения на более тяжкое.

Как известно, в соответствии с Постановлением КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П при возвращении уголовного дела прокурору по основаниям п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ процессуальные нарушения, являющиеся препятствием для рассмотрения дела судом, не должны «касаться ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнение ранее предъявленного обвинения»⁹. Тем самым КС РФ установил запрет на изменение обвинения на более тяжкое при возвращении судом уголовного дела прокурору¹⁰.

Другая правовая ситуация состоит в том, что при установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, не соответствующих изложенным в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (например, по дате или месту совершения преступления, сумме причиненного вреда и др.), встает вопрос о возвращении уголовного дела судом прокурору для перепредъявления обвинения. Негативным последствием этого является значительное увеличение сроков предварительного следствия (порядка 1,5 месяцев) и судебного разбирательства (примерно на 2,5 месяца).

Системный анализ действующего УПК РФ в совокупности с решениями по данному вопросу КС РФ позволяет полагать, что:

- содержание п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ предполагает установление пределов судебного разбирательства по уголовному делу не на основе объема предъявленного лицу обвинения, как это было по УПК РСФСР (ч. 1 ст. 254), а обвинительным заключением (обвинительным актом), поскольку его составление с нарушением УПК РФ исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения.

- В Постановлении КС РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П¹¹ констатируется, что пределы судебного разбирательства определяются обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте).

- Иные обстоятельства в обоснование реорганизации института предъявления обвинения заключаются в том, что:

- на процедуры предъявления обвинения затрачивается значительное время; при этом данное следственное действие осуществляется следователем по уголовному делу, как правило, не менее двух раз: на первоначальном этапе расследования и по его окончании;

- сегодня процедура предъявления обвинения представляет весьма затратный финансовый механизм. Так, в 2008 г. органами предварительного следствия было направлено в суд с обвинительным заключением 600 тыс. уголовных дел. Для составления в среднем одного постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователю необходимо как минимум два часа рабочего времени, не меньше занимает и непосредственное предъявление обвинения, итого минимум 2,5 млн час., или 300 тыс. рабочих дней, следователя, что составляет занятость в год около 1500 следователей, а с учетом необходимости предъявления обвинения по уголовному делу не менее двух раз, что равнозначно труду 3 тыс. следователей;

– значительные суммы расходятся на оплату услуг адвокатов при производстве данного следственного действия; часть из них оплачивается непосредственно обвиняемыми, а почти 40% уголовных дел – государством в порядке ст. 51 УПК РФ (адвокаты по назначению).

Исключение института предъявления обвинения при производстве предварительного следствия при одновременном введении процессуальной нормы об уведомлении лица о существующем в отношении него подозрении в случае возбуждения уголовного дела позволит создать юридические предпосылки для решения правовыми средствами проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору для перепредъявления обвинения на более тяжкое путем пересоставления обвинительного заключения, не выходя за пределы фактического обвинения по расследованному уголовному делу.

Из числа иных предложений по совершенствованию института предъявления обвинения возможно обратиться к УПК Республики Беларусь, согласно нормам которого стороне обвинения предоставлено право изменить в суде обвинение на более тяжкое. Для этого суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до десяти суток для составления прокурором нового постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. При продолжении судебного разбирательства государственный обвинитель предъявляет обвиняемому и его защитнику новое обвинение и допрашивает по нему обвиняемого.

Н.А. Колоколов предлагает окончательное формулирование обвинения возложить на прокурора по завершении судебного следствия¹².

Изложенное не претендует на истину в последней инстанции. Однако можно надеяться, что обсуждаемые вопросы будут способствовать развитию юридической мысли по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства и его досудебной стадии. Предпосылки для этого сегодня созданы.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: Моногр. М., 2004; Он же. Предъявление обвинения: теория и практика реализации // Уголовный процесс. 2009. № 7; Институт предъявления обвинения: современное состояние и проблемы совершенствования // Российская юстиция. 2009. № 5 и др.

² См.: СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

³ См.: Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. СПб., 1907. С. 386.

⁴ См.: Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном процессе. Л., 1970.

⁵ См.: Собрание Узаконений РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

⁶ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 25. Ст. 1389.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2822.

⁸ См.: Федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 13. Ст. 1140.

⁹ См.: СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

¹⁰ См.: Петрухин И.Л. Доследование: расхождение закона и практики // Уголовный процесс. 2007. № 8; Оксюк Т.Л. Возвращение уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2005. № 1; Ткачев А.И. Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию. Томск, 2008.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

¹² См.: Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии (избранное). М., 2006. С. 397–398.

Государственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе: проблемы правового регулирования

С.В. КОСОНОГОВА – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье освещаются основные проблемы правового регулирования финансового контроля в уголовно-исполнительной системе и предлагаются пути их решения. Автором дана подробная характеристика ведомственного финансового контроля в уголовно-исполнительной системе, а также охарактеризованы субъекты контрольной деятельности. Большое внимание уделено проблеме юридической силы ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих процедуру финансового контроля в УИС, кроме этого, сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования в указанной сфере.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; финансовый контроль.

Государственный финансовый контроль в современном мире выступает неслучайным атрибутом всей системы государственного управле-

ния и важным направлением государственной политики¹. Проблемы развития и совершенствования государственного финансового контроля

особенно актуальны в Российской Федерации, данный институт требует более четкого нормативного правового регулирования, создания действенной системы государственных органов финансового контроля.

Органы и учреждения Федеральной службы исполнения наказаний, с одной стороны, выступают бюджетополучателями, с другой – имеют собственные производственные мощности (государственные унитарные предприятия, центры трудовой адаптации осужденных, учебно-производственные (трудовые) мастерские), прибыль которых является источником формирования доходной части бюджета. Следовательно, учреждения и органы ФСИН России подлежат всестороннему финансовому контролю, как и все иные его субъекты.

Правовую основу финансового контроля в уголовно-исполнительной системе составляет Бюджетный кодекс Российской Федерации², Налоговый кодекс Российской Федерации³, Федеральный закон от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации»⁴, Указ Президента России от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации»⁵, Приказ ФСИН России от 11 августа 2005 г. № 712 «Об организации и осуществлении ведомственного финансового контроля в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний»⁶, Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 сентября 2008 г. № 217 «Об утверждении Инструкции по проведению ревизий (проверок) финансово-хозяйственной, производственной, предпринимательской и иной приносящей доход деятельности учреждений и органов ФСИН России»⁷.

Согласно Указу Президента России от 25 июля 1996 г. в Российской Федерации государственный финансовый контроль включает в себя контроль за исполнением федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов, организацией денежного обращения, использованием кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот и преимуществ.

Государственный финансовый контроль в соответствии с установленным законодательством Российской Федерации разграничением функций и полномочий возлагается на Счетную палату Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации, Федеральную налоговую службу, Федеральную службу страхового надзора, Федеральную службу финансово-бюджетного надзора, Федеральное казначейство (Федеральная служба), Федеральную таможенную службу, контрольно-ревизионные органы федеральных органов исполнительной власти, а также иные органы, осуществляющие контроль за поступлением и расходованием средств федерального бюджета и федеральных внебюджетных фондов.

В УИС кроме общегосударственного контроля значительную роль играет ведомственный контроль, который осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами, регулирующими государственный финансовый контроль в Российской Федерации. Цель проведения ведомственного финансового контроля – обеспечение рационального (эффективного) использования материальных и финансовых ресурсов в УИС, профилактика бесхозяйственности, недостач, хищений денежных средств и товарно-материальных ценностей: вооружения, боеприпасов, ценных бумаг, бланков строгой отчетности и другого имущества, приобретаемого за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местного бюджета, средств государственных внебюджетных фондов, а также сохранности вещественных доказательств, бесхозного имущества, в том числе находок.

Ведомственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе осуществляется на основании Приказа ФСИН России от 11 августа 2005 г. № 712 и Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 30 сентября 2008 г. № 217. Ведомственный финансовый контроль со стороны ФСИН России⁸ осуществляет Главная контрольно-ревизионная инспекция ФСИН России (ГКРИ ФСИН России).

Анализируя ведомственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе, следует отметить серьезные недостатки в его правовом регулировании. Как справедливо отмечает Э.С. Карпов, «за время существования системы ведомственного финансового контроля в учреждениях и органах ФСИН России было принято достаточно большое количество нормативных правовых актов, регулирующих различные стороны осуществления контрольных мероприятий. Однако при детальном их рассмотрении возникает вопрос об их юридической силе»⁹. В действительности большинство нормативных правовых актов, регламентирующих осуществление ведомственного финансового контроля в учреждениях и органах ФСИН России, не зарегистрированы в Министерстве юстиции Российской Федерации в установленном порядке, что противоречит положениям Постановления Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»¹⁰. Следовательно, возникает необходимость в принятии нормативного правового акта в виде положения, регламентирующего процедуру проведения ревизии финансово-хозяйственной деятельности органов и учреждений ФСИН России по всем направлениям. Это позволит избежать дублирования норм, содержащихся в различных инструкциях, а также правовых коллизий.

Следует отметить, что на организацию государственного финансового контроля в уголовно-исполнительной системе существенно влияет отсутствие единого федерального закона, регулирующего порядок осуществления государственного финансового контроля в Российской Федерации, а также системы органов государственного финансового контроля. Как отмечалось ранее, функции по осуществлению государственного финансового контроля, в том числе и в уголовно-исполнительной системе, возлагаются на различные органы государственной власти – как исполнительной, так и представительной. Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность указанных органов, свидетельствует о том, что их функции часто дублируются. Так, согласно ст. 9 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» и п. 5 Постановления Правительства Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 278 «Об утверждении Положения о Федеральной службе финансового бюджетного надзора»¹¹ полномочиями по контролю за использованием средств федерального бюджета наделены Счетная палата Российской Федерации и Федеральная служба финансово-бюджетного надзора. Также необходимо указать на отсутствие взаимодействия между органами, что не способствует успешному функционированию института государственного финансового контроля.

Представляется, что снятия коллизий в законодательном обеспечении финансового кон-

троля и восполнения дефицитных норм можно добиться, лишь приняв специальный федеральный закон «О государственном финансовом контроле», разработки которого как в науке финансового права, так и на законодательном уровне ведутся уже на протяжении многих лет. Тем не менее данная проблема не решена и на сегодняшний день.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что основной проблемой совершенствования законодательства о государственном финансовом контроле в целом и ведомственного финансового контроля в УИС в частности является разработка и принятие федерального закона о финансовом контроле.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Коробкина Л.М. Федеральная служба финансово-бюджетного надзора как орган государственного финансового контроля // Финансовое право. 2007. № 5.

² См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2009. № 29. Ст. 36219.

³ См.: СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2009. № 29. Ст. 3642.

⁴ См.: СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 167; 2009. № 7. Ст. 772.

⁵ См.: СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3696; 2001. № 30. Ст. 3156.

⁶ См.: <http://www.spbustavsud.ru>

⁷ Опубликован не был.

⁸ См.: Абзац 5 п. 4 Приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 11 августа 2005 г. № 712 «Об организации и осуществлении ведомственного финансового контроля в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС Эталон.

⁹ Карпов Э.С. Государственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе (финансово-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2561

Процессуальные полномочия мирового судьи по рассмотрению уголовных дел частного обвинения

Т.В. ШАТАЛОВА – соискатель Академии правосудия при Верховном Суде Российской Федерации

В статье освещены процессуальные полномочия мирового судьи по рассмотрению уголовных дел частного обвинения. Анализируются порядок организации приема и регистрации сообщений о преступлениях по делам частного обвинения, круг сведений, которые обязательно должны фигурировать в заявлении частного обвинителя, порядок назначения судебного заседания.

Ключевые слова: мировой судья; уголовные дела частного обвинения; частный обвинитель; потерпевший; органы дознания; следователь; прокурор; судебное заседание.

Мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Россий-

ской Федерации. Они назначаются (избираются) законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской

Федерации либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации.

На производство по уголовным делам, под судебным мировому судье в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, в полной мере распространяются общие условия судебного разбирательства. Исключение сделано лишь для уголовных дел частного обвинения, производство по которым обладает некоторыми специфическими особенностями. Все они оговорены в ст. 318–323 гл. 41 УПК РФ, в их числе значатся полномочия мирового судьи по уголовному делу частного обвинения (ст. 319).

Уголовными делами частного обвинения считаются дела о преступлениях, предусмотренных следующими четырьмя статьями УК РФ:

- 1) ч. 1 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью);
- 2) ч. 1 ст. 116 (побои);
- 3) ч. 1 ст. 129 (клевета);
- 4) ст. 130 (оскорбление).

Дела возбуждаются путем подачи заявления мировому судье потерпевшим или его законным представителем. Характерной особенностью уголовных дел этой категории является то, что все они могут быть прекращены в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, но лишь до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Устанавливая круг уголовных дел частного обвинения, законодатель исходит из того, что рассматриваемые в их рамках виды преступлений относятся к числу тех, которые не представляют значительной общественной опасности. Более того, их раскрытие, как правило, не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять в порядке частного обвинения уголовное преследование лица, совершившего в отношении него соответствующее преступление. В подобных случаях потерпевший в состоянии самостоятельно обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как сам факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях процессуальные стадии досудебного производства.

Таким образом, в рассматриваемой разновидности уголовного преследования присутствует диспозитивность¹, которая применительно к делам частного обвинения выступает в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению. Ее использование в законодательном регулировании производства по делам рассматриваемой категории не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать установление такого правопорядка, который гарантировал бы каждому гражданину государственную, в том числе

судебную, защиту его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления – доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба².

Полномочия мирового судьи по уголовному делу частного обвинения предусмотрены ст. 319 УПК РФ. В их числе:

- 1) осуществление приема заявлений о возбуждении уголовного дела частного обвинения и их оформление в соответствии с требованиями УПК РФ;
- 2) оказание помощи сторонам в собирании доказательств;
- 3) вызов обвиняемого и ознакомление его с материалами уголовного дела;
- 4) разъяснение сторонам права на примирение.

Остановимся на рассмотрении наиболее существенных особенностей реализации названных полномочий.

Так, начиная с 2006 г. в Российской Федерации установлен единый для всех государственных органов и должностных лиц порядок организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях. В части заявлений потерпевших или их законных представителей по уголовным делам частного обвинения он распространяется и на суды общей юрисдикции³. Должностными лицами, правомочными осуществлять прием сообщений о преступлениях и оформлять их в соответствии с требованиями УПК РФ, являются не только органы дознания, дознаватели, следователи, прокуроры, но и судьи. Однако это свое право последние могут реализовать только в отношении заявлений потерпевших или их законных представителей по уголовным делам частного обвинения, а также устных сообщений о преступлениях, сделанных в ходе судебного разбирательства.

Для обеспечения своевременного и надлежащего составления заявления потерпевшего или его законного представителя по уголовному делу частного обвинения в помещениях судов в общедоступных местах должны размещаться соответствующие образцы. Регистрация заявлений, принятых и рассматриваемых судьей, осуществляется в суде в порядке судебного делопроизводства⁴.

В следственной и судебной практике являются довольно распространенными ситуации, когда заявление по уголовному делу частного обвинения вначале поступает не в суд, а в какой-либо иной государственный орган, правомочный осуществлять прием сообщений о преступлениях и оформлять их в соответствии с требованиями УПК РФ. В таком случае это заявление, равно как и любое другое сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, подлежит проверке⁵. Если по ее результатам усматриваются признаки состава преступления, по которому уголовное преследование осуществляется в частном порядке, то в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ поступившее заявление и собранные материалы с сопроводительным письмом направляются в суд. По этому поводу

орган дознания, дознаватель, следователь, а равно иное должностное лицо, уполномоченное осуществлять прием и проверку сообщений о преступлениях, обязаны вынести соответствующее постановление.

Первый экземпляр постановления вместе с сообщением о преступлении и иными документами должен быть в течение суток направлен в соответствующий орган по подсудности. Второй и третий экземпляры с копией сообщения приобщаются в номенклатурное дело органа, направившего указанные документы, а также направляются заявителю с разъяснением его права обжаловать данное решение и порядка обжалования⁶.

К исключению из этого правила относятся случаи выявления признаков умышленного причинения легкого вреда здоровью или побоев, но лишь тогда, когда лицо, подлежащее привлечению к ответственности, потерпевшему неизвестно. При возникновении таких ситуаций компетентные должностные лица обязаны принять меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении лица и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальным законом порядке⁷.

Таким образом, возбуждение уголовного дела частного обвинения происходит, как правило, путем подачи заявления в суд, а требования, предъявляемые законом к его содержанию, должны неукоснительно соблюдаться. В случаях, когда заявление не отвечает предъявляемым требованиям, мировой судья выносит постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, в котором предлагает привести заявление в соответствие с требованиями закона и устанавливает для этого срок. В случае неисполнения данного указания мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и уведомляет об этом лицо, его подавшее (ч. 1 ст. 319 УПК РФ).

Напрашивается вывод: наличие надлежащим образом оформленного заявления является обязательным условием возбуждения уголовных дел частного обвинения. Именно поэтому в законе четко определен круг сведений, которые обязательно должны фигурировать в заявлении частного обвинителя. В их числе:

- 1) наименование суда, в который заявление подается;
- 2) описание события преступления, места, времени, других обстоятельств его совершения;
- 3) просьба о принятии уголовного дела к производству, адресованная суду;
- 4) данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность;
- 5) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- 6) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;
- 7) подпись лица, подавшего заявление.

Из приведенного перечня видно, что в числе всех прочих сведений в заявлении должны приводиться данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности. Однако никогда нельзя исключать, что заявителю такие данные могут быть неизвестны. Понимая это, законодатель предусмотрел возможность возбуждения уголовного дела специально для таких случаев.

Так, если в поданном заявлении не указаны данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, судья в соответствии с ч. 1 ст. 319 УПК РФ должен отказать в приеме заявления и направить его руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, в рамках которого уполномоченные ими должностные лица обязаны принять все предусмотренные законом меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Если заявление подано в отношении лица, на которое законом распространены особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, предусмотренные гл. 52 УПК РФ, то мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и направляет указанное заявление руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 448 УПК РФ, о чем уведомляет лицо, подавшее заявление.

При наличии оснований для назначения судебного заседания мировой судья в соответствии со ст. 47 УПК РФ в течение 7 суток со дня поступления заявления в суд вызывает лицо, в отношении которого подано заявление, знакомит его с материалами уголовного дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права подсудимого в судебном заседании и выясняет, кого, по мнению данного лица, необходимо вызвать в суд в качестве свидетелей защиты, о чем берется подписка. В случае неявки в суд лица, в отношении которого подано заявление, ему направляется копия заявления с разъяснением прав подсудимого, а также условий и порядка примирения сторон⁸.

Если примирение не достигнуто, выполнив все требования, мировой судья назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании. В соответствии с требованиями гл. 33 УПК РФ оно должно быть начато не позднее 14 суток со дня вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания. Стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала.

По ходатайству сторон мировой судья вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. Например, он может назначить экспертизу, осмотреть вещественные доказательства, истребовать необходимые документы. Помимо этого, у мирового судьи есть право в ходе судебного следствия осмотреть

местность и помещение, произвести предъявление для опознания, освидетельствование, следственный эксперимент.

Примирение сторон допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В случае поступления до этого момента соответствующих заявлений производство по уголовному делу по постановлению мирового судьи прекращается в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Если же уголовное дело было возбуждено следователем или с согласия прокурора дознавателем, то оно прекращается в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ, которой установлено, что суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Диспозитивность следует понимать как произвольность действий частных лиц в процессе, в силу которой государственные органы и должностные лица изменяют ход процесса, осуществляют процессуальную деятельность настолько, насколько частные лица признают необходимым возбуждать эту деятельность в виде защиты своих индивидуальных интересов (см., напр.: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 25; Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. 1. С. 135–151).

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой ста-

ты 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска от 27 июня 2005 г. № 7. П. 3.

³ См.: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков «О едином учете преступлений» от 29.12.2005. № 39 / 1070 / 1021 / 253 / 780 / 353 / 399.

⁴ См.: Там же. П. 7, 15, 21.

⁵ См., напр.: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 01.12.2005 № 985. «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях».

⁶ См.: Пункт 31 Приказа «О едином учете преступлений».

⁷ Такова позиция Конституционного Суда Российской Федерации по этому вопросу. Еще в 2005 г. он постановил признать не соответствующими Конституции Российской Федерации ряд статей УПК РФ в той их части, в какой они не обязывают прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступления, предусмотренного ст. 115 или 116 УК РФ, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальным законом порядке (см.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 г. № 7. П. 1).

⁸ Если после принятия заявления к производству будет установлено, что лицо, в отношении которого подано заявление, относится к категории лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, то мировой судья выносит постановление об отмене постановления о принятии заявления потерпевшего или его законного представителя к своему производству и направляет материалы руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 448 УПК РФ, о чем уведомляет потерпевшего или его законного представителя (ч. 4¹ ст. 319 УПК РФ).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Отношение ко времени у благополучных и девиантных подростков

Т.Н. ДЕНИСОВА – заведующая кафедрой практической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены данные эмпирического исследования отношения ко времени у благополучных и девиантных подростков. Результаты интерпретируются с помощью оригинальной концепции трехуровневого времени, предложенной автором. Показано, что способность субъекта к решению временных задач является одним из необходимых условий успешной социальной адаптации личности и низкие временные возможности коррелируют с низкой социальной адаптацией и склонностью к отклоняющемуся поведению.

Ключевые слова: психологическое время; временная перспектива; девиантное поведение; психология подростка; семантические универсалии времени; временные способности; концепция времени; точечное, циклическое и глобальное время.

Проблема психологического времени – одна из интереснейших и наименее разработанных в психологии. Время связывает все структуры реальности, пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. Осмысление и исследование времени как психологического понятия важно для понимания субъективного образа мира человека, что определяет во многом способы жизнедеятельности, а также его социально-трудную адаптацию.

Разработка проблематики времени в отношении девиантного поведения является актуальной задачей в ситуации общей социальной нестабильности, которая наблюдается в настоящее время. Выяснение особенностей отношения ко времени представляется важным для лучшего понимания образа и картины мира девиантного подростка, а последнее является психологической предпосылкой для формирования жизненных планов, умения рационально использовать и структурировать время, проявляя при этом личностную активность. Такое знание позволяет выяснить специфику формирования личности, ее индивидуальной и общественной жизнедеятельности, определить успешность социальной адаптации. Практическое применение полученных сведений предполагает планирование коррекционной работы с девиантными подростка-

ми с целью построения новой, логичной картины мира во взаимосвязи с их личным опытом и будущими целями.

Особенности отношения ко времени в подростковом возрасте

Подростковый возраст (с 11–12 до 14–15 лет) является переходным прежде всего в биологическом смысле, поскольку это период полового созревания, параллельно которому достигают в основном зрелости и другие биологические системы организма. Психологически этот возраст крайне противоречив. Для него характерны максимальные диспропорции в уровне и темпах развития. В целом это этап завершения детства и начала «вырастания» из него¹.

Особенностью рассматриваемого возраста являются существенные изменения во временной перспективе старших подростков. Важным показателем временной перспективы является направленность, отражающая то, к какому временному промежутку субъект обращен в большей степени. Отмечается, что с увеличением возраста устремление в будущее снижается, но именно в период раннего юношества оно является выраженным.

При изучении эмоционального фона временной транспективы выявлена возрастная дифференциация эмоционального отношения

к разным ее частям. В отличие от детей, отношение которых к своей жизни одинаково положительно на разных этапах, подростки и юноши отмечают напряженность настоящего и надежду на будущее². В старшем подростковом и юношеском возрасте возникает акцент на собственном «Я» (оценки, анализ, самореализация), который представлен во всей структуре временной трансперспективы, особенно в настоящем. Взгляд в будущее становится более реальным и содержательно наполненным; главной целью является овладение профессией, а учеба в вузе, техникуме выступает как средство ее достижения. Отмечается появление в суждениях юношей анализа, оценок прошлого, расширения перспективы его видения. Относительно настоящего помимо учебы выдвигаются оценка себя, самовоспитание, самоопределение. В оценке содержания будущего возрастные различия обнаруживаются особенно ярко: детские мечты сменяются темой осознанного выбора, подготовки, желанием самореализации в профессии.

Смена временных представлений у подростка тесно связана как с умственным развитием, так и с изменением жизненной перспективы. Временной горизонт расширяется как вглубь, охватывая отдаленное прошлое и будущее, так и вширь, включая уже не только личные, но и социальные перспективы. Изменение временной перспективы тесно связано с переориентацией сознания с внешнего контроля на самоконтроль и ростом потребности в достижении конкретных результатов.

Девиантное поведение и личность

Девиантное поведение – это система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали³.

В связи с проблемами отклоняющегося поведения вопрос об отношении ко времени одним из первых был поставлен в теории воспитания А.С. Макаренко, который подчеркивал огромное значение ориентации на будущее, соотношение близких и дальних целей в работе с трудновоспитуемыми. Приблизительно в те же годы К. Левин, разрабатывая теорию временной перспективы, продемонстрировал большую роль будущего для человека на примере молодых осужденных, которые повели себя неадекватным образом – совершили побег, зная о предстоящем досрочном освобождении⁴.

В последнее время проблемы временной перспективы стали традиционными в психологических исследованиях личности. Представляется, что различные случаи отклоняющегося поведения сопровождаются короткой будущей временной перспективой. Действительно, именно такие особенности отношения

ко времени обнаружены у юношей-правонарушителей⁵. В.С. Хомик и А.А. Кроник, изучая отношение ко времени у подростков с отклоняющимся поведением, пришли к выводу, что ценностное и гедонистическое переживание времени является принципом жизни, который коренным образом разделяет девиантов и благополучных подростков. Переживание настоящего у них резко различается: для последних настоящее характеризуется непривлекательностью, мрачностью, отсутствием положительных эмоций. Авторы отмечают сниженную актуальность картины настоящего и ее расплывчатость, связанную с нарушениями в структуре личности девиантных подростков. Также было выявлено, что у благополучных юношей протяженность перспективных временных ориентаций существенно длиннее, чем у неблагополучных.

Таким образом, особенностями подросткового возраста являются удлинение временной перспективы, усиление эмоционального контраста ее частей, появление смысловой значимости временной перспективы, конкретизация представленности времени жизни в целях, планах, ожиданиях, повышение уровня реализма. Изменение временной перспективы связано с переходом подросткового сознания с внешнего на внутренний самоконтроль.

У девиантных подростков проявляются гедонистическое отношение ко времени, снижение актуальности картины настоящего. В нашем исследовании мы ставим задачу выяснить субъективное отношение ко времени у благополучных и девиантных подростков.

Выборка составляет 60 человек (учащиеся средней общеобразовательной школы г. Вологды и воспитанники Няндомской средней общеобразовательной школы для несовершеннолетних преступников в возрасте 12–15 лет).

В исследовании применялись следующие методы и методики: беседа, наблюдение, опрос, метод 25-шкального семантического дифференциала, методика графического изображения времени, модификация цветового теста отношений, качественный и количественный анализ эмпирических результатов, методы математической статистики.

Анализ и интерпретация результатов, полученных с помощью метода семантического дифференциала

1. В результате обработки эмпирических данных были выделены истинные и условные семантические универсалии времени и его составляющих. Под истинными семантическими универсалиями Е.Ю. Артемьева понимает характеристики объекта, одинаково ему приписанные минимум 75% респондентов, под условными – минимум 67% респондентов⁶. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Истинные и условные семантические универсалии времени и его составляющих

Категория испытуемых	Семантические универсалии времени		Семантические универсалии прошлого		Семантические универсалии настоящего		Семантические универсалии будущего	
	Качество	%	Качество	%	Качество	%	Качество	%
Благополучные подростки	Светлое Свежее Сильное Большое	71 71 67 67	Барьер в 67% не перейден		Быстрое Жизнерадостное Активное Любимое	74 71 67 67	Радостное Хорошее Светлое Активное Приятное Дорогое Свежее Большое	79 71 71 71 71 71 71 67
Девиантные подростки	Активное Приятное Светлое Напряженное	75 75 71 67	Барьер в 67% не перейден		Доброе	67	Большое Любимое Сильное Жизнерадостное Свежее Чистое Светлое Активное Приятное Упорядоченное Родное Доброе Хорошее Дорогое Радостное Горячее Мягкое Умное	83 83 79 79 79 79 75 75 75 75 75 75 71 71 67 67 67 67

Количество универсалий будущего значительно выше количества универсалий времени и настоящего. Тем самым подтверждается особенность подросткового возраста – устремление в будущее, на которое возлагаются большие надежды. При этом в группе девиантных подростков количество универсалий настоящего минимально, отсутствует такая значимая характеристика настоящего, как активность. Картина настоящего у представителей данной группы весьма расплывчата. Девиантные подростки предъявляют необоснованные притязания к будущему. Количество универсалий будущего значительно выше, чем у благополучных подростков, но свойства будущего не детерминируются свойствами настоящего.

2. Были подсчитаны коэффициенты ранговой корреляции между семантическими кодами всех оцениваемых понятий внутри каждой группы испытуемых. Для подсчета ранговой корреляции (здесь и далее) использовался коэффициент Спирмена. Ранговая корреляция между семантическими кодами понятий «время», «прошлое», «настоящее» и «будущее» (взятыми попарно) достаточно высокая, что является свидетельством устойчивости семантических кодов времени и его составляющих и стабильности оценки зна-

чимых свойств времени благополучными подростками. Полученные данные позволили выявить значительное снижение корреляционной связи между настоящим и будущим, прошлым и настоящим в группе девиантных подростков, что отражает нарушение детерминационных связей между компонентами времени у девиантных подростков, то есть их неспособность детерминировать события прошлого событиями настоящего, события настоящего – событиями будущего.

Анализ и интерпретация результатов, полученных с помощью графической методики «Нарисуй время» и цветового теста отношений

1. Рисунки были разделены на группы в зависимости от концепции времени их авторов. Полученные данные показывают, что подавляющее большинство девиантных подростков (54,2%) находятся на точечном уровне концепции времени. Согласно предложенной нами трехуровневой концепции времени, уровень точечного времени представлен рисунками, отражающими чрезмерно эгоцентричное восприятие времени с не связанными между собой прошлым, настоящим и будущим⁷. Время воспринимается через призму своих проблем, привязано к конкретной ситуации, что влечет за собой слабость развития функции планирования и осуществления вре-

менных синтезов. Уровень циклического времени (79,2% благополучных подростков) является нормативным в подростковом возрасте. Следует отметить представленность высшего уровня концепции в группе благополучных подростков (12,5%), что отражает факт стремления их времени к глобальному, то есть восприятия времени как многогранного, развивающегося, объемного.

2. Далее учитывались такие факторы, как наличие «пустот», выпадение компонентов времени, а также нарушение причинно-следственных связей между составляющими времени. У 66,7% девиантных и только у 20% благополучных подростков обнаруживаются случаи «выпадения» какой-либо составляющей времени или нарушение причинно-следственной связи между этими составляющими.

3. Следующий критерий – длительность настоящего. Восприятие настоящего как более длительного (месяц, год и т.д.) понимается как расширенное настоящее, а восприятие времени как сиюминутного (мгновение, миг, секунда) – как мгновенное настоящее. Выявлены статистически значимые различия в оценке длительности настоящего. Для 59% представителей группы девиантных подростков характерно восприятие настоящего как расширенного. Как было показано ранее, большая центрированность на настоящем является следствием сокращения временной перспективы, ограниченности ее настоящим моментом. Интересно в связи с этим замечание Ж. Нюттена, специально занимавшегося проблемами отношения ко времени, о том, что девиантная личность – это такая личность, которая не имеет временной перспективы, а живет настоящим⁸.

4. Еще один оцениваемый параметр – цветовые выборы испытуемых. В группе девиантных подростков диапазон выбора цветов относительно времени слишком широк, что не позволяет сделать однозначные выводы и определить характер восприятия образа времени. Для 41,6% девиантных подростков прошлое является непривлекательным. 41,6% девиантных подростков воспринимают настоящее как активное, доходящее в ряде случаев до агрессивности и одновременно выражают протест против него в силу его непривлекательности. 45,8% девиантных подростков определяют будущее для себя как новое, светлое, «самостоятельное», энергичное; в то же время 25% из них, в отличие от группы благополучных подростков, характеризуют будущее как непривлекательное, пассивное, враждебное.

Таким образом, для большинства девиантных подростков образ времени и его компонентов имеет негативно окрашенные свойства и характеристики, что позволяет говорить о наличии тенденции пессимистичного восприятия времени и его компонентов.

Выводы

1. Время является составляющей образа мира субъекта и характеризуется устойчивыми (инвариантными) свойствами. Семантический код времени и его составляющих является дос-

таточно устойчивым в группе благополучных подростков, что подтверждается значимыми коэффициентами корреляции между семантическими кодами времени и его составляющих. Благополучные подростки, в отличие от девиантных, отмечают такую важную характеристику настоящего, как активность. Будущее в обеих группах испытуемых характеризуется преобладанием эмоционально-оценочных характеристик. Выявлено значительное увеличение количества семантических универсалий в отношении будущего в группе девиантных подростков, что может свидетельствовать о необоснованных, чрезмерно оптимистических притязаниях.

2. Для благополучных подростков характерно понимание времени как логически протекающей последовательности, без разрывов и пустот. У девиантных подростков (66,7%) в рисунках обнаруживаются нарушения причинно-логических связей, выпадение составляющих (компонентов) времени, что говорит о слабой детерминации событий настоящего событиями прошлого и событий будущего событиями настоящего. Согласно трехуровневой модели времени описываются уровни точечного (низший уровень), циклического (средний уровень) и глобального (высший уровень) времени. Выявлено, что благополучные подростки в целом находятся на более высоких уровнях концепции времени. Изменения в представлениях о времени у девиантных подростков свидетельствуют о сниженном уровне концепции времени, нарушении причинно-следственных связей между событиями жизни (логики протекания прошлого в настоящее, настоящего в будущее), затруднении в осуществлении временных задач, трудности построения жизненных планов на основе анализа прошлого опыта. Все это сужает временные возможности представителей группы девиантных подростков.

3. Цветовые выборы свидетельствует о наличии у девиантных подростков (95% испытуемых) трудностей в адаптации, эмоционального неблагополучия и низкой эмоциональной устойчивости. Время и его компоненты в группе девиантных подростков представляются непривлекательными, пассивными, пессимистичными (при абсолютном отсутствии фактов подобного оценивания времени и его компонентов в группе благополучных подростков).

4. Способность субъекта к решению временных задач является одним из необходимых условий успешной социальной адаптации личности. Затруднения в осуществлении временных синтезов препятствуют эффективной индивидуальной и общественной жизнедеятельности, осложняют социальную адаптацию. Низкие временные способности субъекта коррелируют с низкой социальной адаптацией.

Таким образом, психокоррекционные мероприятия с девиантными подростками, а также деятельность по профилактике подобных отклонений должны включать в себя и коррекцию отклонений временного восприятия подростков.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.

² См.: Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995.

³ См.: Кондрашенко В.Т. Психология девиантного подростка. Л., 1987.

⁴ См.: Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. М., 1981.

⁵ См.: Кроник А.А., Хомик В.С. Отношение ко времени: психологические проблемы ранней алкоголизации и отклоняющегося поведения // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 98–106.

⁶ См.: Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.

⁷ См. подр.: Денисова Т.Н. Время в образе мира человека: норма и патология. Вологда, 2008.

⁸ См.: Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.

Применение образовательных, в том числе дистанционных, технологий в учреждениях УИС

А.А. БАБКИН – начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Д.Ю. КРЮКОВА – аспирант Вологодского государственного технического университета

В научной статье рассматриваются вопросы применения информационных, в том числе дистанционных, технологий в УИС. Особое внимание уделяется информационным базам данных и электронным библиотекам, нормативно-правовой основе информатизации пенитенциарных учреждений, а также уровню обеспеченности компьютерной техникой учреждений УИС.

Ключевые слова: реформирование УИС; информационная технология; дистанционное обучение; «Криминон»; электронная библиотека; справочно-правовая система.

Значительным событием в процессе реформирования уголовно-исполнительной системы России стало внесение в 2001 г. дополнения в ст. 108 УИК РФ, согласно которому администрация исправительного учреждения с учетом имеющихся возможностей создает условия для получения осужденными среднего (полного) общего и высшего профессионального образования¹. Статьей 112 УИК РФ предусматривается организация в исправительных учреждениях получения основного общего образования осужденными, не достигшими возраста 30 лет. Кроме того, в проекте концепции развития УИС до 2020 г. (п. 3.4.5) поставлена задача по дальнейшему развитию благоприятных условий для общеобразовательного обучения осужденных, а также получения ими дополнительного среднего и высшего профессионального образования посредством заочного и дистанционного обучения.

На сегодняшний день в УИС функционирует 338 профессиональных училищ и 664 школы и учебно-консультационных пункта (число последних увеличилось за последний год на 148).

Помощь осужденному в получении профессии – важная социальная задача. Без специальности и в результате без работы освобожденный из мест заключения быстро теряет

социальные ориентиры и способность адаптироваться к жизни на свободе.

Реализация и организация обучения осужденных в исправительных учреждениях представляется затруднительной без применения компьютерных и мультимедийных средств обучения. Очевидно, что в условиях отбывания наказаний актуальны такие формы обучения, как заочная, заочная с применением дистанционных технологий и дистанционная. Дистанционная система обучения, включающая в себя использование Интернета, электронных учебников и курсов, видео- и аудиотек, методов дистанционного контроля, в последние годы активно используется в УИС.

По нашему мнению, данные технологии являются наиболее перспективными именно для контингента осужденных, потому что:

- создают возможность обучения вне зависимости от местонахождения ИУ: процесс реализуется удаленно, то есть очное общение обучаемого и учителя необязательно;
- позволяют обучаться в регламентированное время и в удобном для себя темпе;
- развивают коммуникабельность осужденных посредством общения с преподавателями;
- время на освоение дисциплины не ограничивается;

– обучение осуществляется параллельно с профессиональной деятельностью, то есть без отрыва от производства;

– обучающийся осужденный имеет возможность работать с разными источниками учебной информации (электронными библиотеками, учебными курсами, банками данных, базами знаний и т.д.).

Интересен опыт реализации воспитательных программ в дистанционной форме. В качестве примера рассмотрим «Криминон»². «Криминон» (что значит «Нет преступности») – это лицензионная программа социальной реабилитации осужденных. Состоит из восьми разделов: «Дорога к счастью», «Улучшение способности к обучению», «Как справляться с подавлением», «Достоинство и целостность личности», «Общение», «Этика и состояния», «Понимание и преодоление наркотической зависимости», «Как жить с детьми». Разделы предоставляются в настоящее время очно, заочно, дистанционно. Основное правило программы – это применение человеком в текущей жизни рассмотренных принципов. Осваивая программу, каждый осужденный учится не только вести себя этично, но и понимать, почему и зачем он это делает, что, несомненно, влияет на его исправление.

В современных условиях существует объективная необходимость разработки программ и курсов, подобных «Криминон», направленных на психологическое и социальное воспитание осужденных в соответствии с одноименными направлениями работы с ними. Согласно концепции развития социальной, воспитательной и психологической работы с осужденными в исправительных учреждениях до 2010 г. «социальная, психологическая и воспитательная работа рассматриваются в качестве взаимосвязанных и взаимодополняющих направлений деятельности исправительных учреждений, определяющих содержание процесса исправления осужденных». В процессе обучения осужденных по трем направлениям (воспитательное, психологическое, социальное) будет возможно оказать комплексное воздействие на сознание обучаемых, помочь им разрешить все внутренние противоречия и найти выход из трудной жизненной ситуации.

Отметим быстрое развитие в последние годы электронных библиотек и баз (в том числе и справочно-правовых), в которых хранятся миллионы изданий в электронном виде. Такой богатый книжный фонд может себе позволить не каждая публичная библиотека, не говоря о библиотеках ИУ.

Правовая грамотность играет в жизни осужденных не последнюю роль. Право на получение информации от государственных органов и органов местного самоуправления закреплено в Конституции: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и орга-

ны местного самоуправления» (ст. 33)³. Этим правом обладают и граждане, отбывающие наказание в виде лишения свободы.

Современные справочно-правовые системы включают все более широкий спектр законодательных актов, кодексов, положений и других правовых актов, принятых в разные периоды времени. Кроме того, в них можно найти образцы и бланки заявлений в различные инстанции и учреждения. Правовая документация, относящаяся только к уголовно-исполнительной системе, хранится в специфических базах данных, таких как «ЭталонПлюс». Таким образом, имея в качестве инструментария справочно-правовые системы, осужденный способен самостоятельно повысить уровень своей грамотности в плане подготовки к освобождению.

Для подключения к электронным библиотекам необходимо иметь доступ к сети Интернет, а также заключить договор с юридическим лицом, отвечающим за ведение библиотеки, на платной или бесплатной основе. Для установки справочно-правовых систем требуется только подключение по локальной компьютерной сети и наличие договора с фирмами, предоставляющими соответствующие услуги.

Мы считаем, что подключение электронных баз и справочно-правовых систем, несомненно, целесообразно в тех ИУ, где имеется техническая возможность. Это предоставит осужденным широкие возможности для расширения своих знаний и лучшей подготовки по программам профессионального обучения. Среди наиболее популярных электронных библиотек и справочно-правовых баз назовем следующие:

– электронные библиотеки IQLIB, eLIBRARY, УИС Россия;

– справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант» и «Эталон».

К сожалению, на сегодняшний день не все регионы Российской Федерации могут обеспечить исправительные учреждения современной компьютерной техникой в требуемом объеме как для организации обучения и досуга осужденных, так и для нужд сотрудников. По результатам анкетирования сотрудников групп социальной защиты осужденных, проведенного УСПВРО ФСИН России в 2008–2009 гг. совместно с ВИПЭ ФСИН России, около 10% данных подразделений не обеспечены компьютерной техникой или она морально и физически устарела. За последние годы в рамках реализации ведомственной целевой программы «Информационное и телекоммуникационное обеспечение деятельности ФСИН России на 2005–2007 гг.» были разработаны спецификации оборудования для организации локальных вычислительных сетей в территориальных органах УИС, спецификации оборудования для внедрения автоматизированных учетов, создания автоматизированной системы информационного обеспечения деятельности территориальных органов УИС. Ежегодно директором ФСИН России утверждаются годовые планы с

учетом задач, поставленных в ведомственной целевой программе, и предложений управлений и служб центрального аппарата ФСИН России. В настоящее время в соответствии с приоритетным национальным проектом «Образование» Федеральная служба исполнения наказаний и Федеральное агентство по образованию проводят работы по оснащению и подключению к сети Интернет учреждений ФСИН России. В результате осужденные 303 вечерних школ при исправительных учреждениях получают доступ к Интернету.

Приказом Минюста России от 31 декабря 2003 г. № 331 «Об утверждении Положения о материально-техническом обеспечении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» установлены нормы оснащения компьютерной техникой учреждений УИС, что осуществляется на основе анализа данных о наличии компьютерной техники, состоящей на балансе потребителя¹. Согласно этим нормам территориальные органы УИС обеспечивают компьютерной техникой из расчета 50% от общей численности среднего и старшего начальствующего состава, а оперативные службы – из расчета 100%. Таким образом, нормы по оборудованию компьютерных классов для организации обучения и досуга осужденных не определены, что вызывает недостаточность финансирования этого направления. Несмотря на это, имеется успешный опыт по организации компьютерных классов (подключенных к Ин-

тернету): например, в Шаховской воспитательной колонии (Орловская область) успешно реализуется дистанционное обучение осужденных по нескольким специальностям.

В современной российской системе исполнения наказаний ведется планомерная работа по приведению стандартов и норм обращения с осужденными в соответствие с требованиями, закрепленными в Европейских пенитенциарных правилах. В разделе последних, посвященном контактам с внешним миром, указывается, что заключенным разрешается максимально часто общаться по почте, телефону или с помощью иных средств общения со своими семьями, другими лицами и представителями внешних организаций. Осужденный не должен чувствовать себя исключенным из общества, а должен осознавать, что является его полноправным членом. Применение новых технологий и методов способно решить многие проблемы системы исполнения наказаний, а также повысить шансы осужденных на социальную адаптацию и ресоциализацию.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российская газета. 2009. № 253. С. 18–35.

² См.: «Криминон» (Criminon) – эффективная программа социальной реабилитации. <http://klass.criminon.ru/> Дата обращения: 01.09.2009.

³ Российская газета. 2009. № 75. С. 22–45.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н., Лебедев А.В. Проблемы правового обеспечения информационно-аналитической работы в УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 3. С. 14–25.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Механизм управления трудовой адаптацией осужденных в исправительных учреждениях

П.В. ГОЛОДОВ – начальник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Л.Л. МАЛКОВА – доцент кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент

В статье рассматриваются понятие и структура механизма управления трудовой адаптацией осужденных в исправительных учреждениях. Раскрываются вопросы технологии и структурного закрепления функций управления трудовой адаптацией осужденных, содержания программ трудовой адаптации. Обозначены основные пути совершенствования механизма управления трудовой адаптацией осужденных.

Ключевые слова: трудовая адаптация осужденных; модель управления; механизм управления; программы трудовой адаптации; центр трудовой адаптации осужденных; группа социальной защиты осужденных.

Современная уголовная политика последовательно развивается по пути гуманизации процесса исполнения наказаний, достижения международных стандартов содержания осужденных в исправительных учреждениях. При этом на передний план неизбежно выдвигаются задачи, связанные с обеспечением прав и свобод осужденных, реализацией целей их исправления и возвращения в общество в качестве полноценных граждан. Труд осужденных является важнейшим элементом их воспитания и профессионального обучения, социальной реабилитации и адаптации к жизни в обществе.

В настоящее время в число основных задач привлечения осужденных к труду входит решение организационных и правовых вопросов преобразования труда производственного в труд адаптационный. Создание условий для трудовой адаптации осужденных является одним из приоритетных направлений реформирования уголовно-исполнительной системы на современном этапе. Несмотря на все трудности¹, исправительные учреждения обладают необходимым для решения этой задачи потенциалом². Помимо производственных подразделений в большинстве из них имеются профессиональные училища, психологические лаборатории, группы социальной защиты осужденных, активно применяются разнообразные методики управления, современные технологии пенитен-

циарной социальной работы, осуществляются профессиональные контакты с образовательными учреждениями, центрами занятости населения и другими социальными институтами вне исправительного учреждения. В связи с этим в целевую группу процесса трудовой адаптации входят не только осужденные, но и сотрудники служб, которые будут сопровождать их до и после выхода на свободу.

Решение вопросов трудовой адаптации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, напрямую зависит от наличия в исправительном учреждении целостного эффективного механизма управления трудовой адаптацией.

Под механизмом обычно понимают либо способ функционирования явления, либо систему средств воздействия на него, либо совокупность этапов, стадий воздействия одних элементов на другие, конечной целью чего является получение определенного результата, либо устройство, структуру какого-либо объекта³. Следовательно, механизм управления трудовой адаптацией осужденных можно определить как взятую в единстве совокупность управленческих элементов (средств), при помощи которых организуется и реализуется процесс трудовой адаптации осужденных, решаются тем самым задачи их приобщения к трудовой деятельности, выработки у них привычки к труду и потребности в нем.

Формирование механизма управления трудовой адаптацией осужденных предусматривает решение двух важнейших проблем:

1. Структурное закрепление функций управления трудовой адаптацией осужденных в исправительном учреждении.

2. Организация технологии процесса трудовой адаптации осужденных.

Структурное закрепление функций управления трудовой адаптацией осужденных может проходить по следующим направлениям:

1. Выделение соответствующего подразделения в структуре центра трудовой адаптации осужденных и (или) отдела (группы) социальной защиты осужденных исправительного учреждения.

2. Закрепление осужденных (отрядов) за специалистами, занимающимися управлением трудовой адаптацией осужденных, внесение соответствующих изменений в их должностные инструкции.

3. Развитие института наставничества (подготовка и закрепление за адаптантами наставников из числа наиболее квалифицированных сотрудников и осужденных)⁴.

Подразделение по управлению трудовой адаптацией осужденных должно выполнять следующие основные функции:

- оценка и развитие возможностей исправительного учреждения по трудовой адаптации осужденных;

- организация взаимодействия между структурными подразделениями исправительного учреждения по решению задач трудовой адаптации с местными службами занятости, работодателями, профсоюзами и иными общественными объединениями;

- проведение постоянного мониторинга рынка труда региона с целью определения наиболее востребованных рабочих специальностей, требований работодателей, предъявляемых к работникам; взаимодействие с профессиональным училищем, функционирующем при исправительном учреждении, по разработке учебных планов и рабочих программ профессиональной подготовки и производственного обучения осужденных;

- участие в оценке уровня подготовленности осужденных, диагностике их психофизиологического адаптационного потенциала в целях лучшей профориентации;

- дифференциация осужденных в связи с предполагаемой трудовой адаптацией;

- разработка общих, специализированных и индивидуальных программ трудовой адаптации осужденных, контроль за их реализацией; закрепление за осужденными наставников;

- совершенствование локальных правовых актов и должностных регламентов в области трудовой адаптации осужденных;

- организация обучения сотрудников, осуществляющих трудовую адаптацию осужденных, и подготовки специалистов в области профессионального обучения;

- методическое обеспечение деятельности подразделений исправительного учреждения, участвующих в процессе трудовой адаптации осужденных;

- сбор и оценка показателей об уровне и длительности процесса трудовой адаптации осужденных; обеспечение всех субъектов адаптационного процесса информацией о ходе адаптации осужденных;

- контроль и оценка эффективности деятельности исправительного учреждения и его структурных подразделений по трудовой адаптации, выработка и организация исполнения корректирующих мер;

- сбор и анализ информации о трудоустройстве и закреплении на новом месте работы освободившихся из исправительного учреждения осужденных, прошедших курс трудовой адаптации⁵.

Представляется, что в основу модели управления процессом трудовой адаптации осужденных должен быть положен принцип, разграничивающий процессы управления трудовой адаптацией осужденных в целом и управления трудовой адаптацией конкретных осужденных (схема 1). Несмотря на множественность субъектов, принимающих участие в трудовой адаптации осужденных, координаторами этой деятельности в исправительном учреждении должны стать центры трудовой адаптации осужденных (создание рабочих мест, организация производственного процесса и производственного обучения) и группы социальной защиты осужденных (организация работы с конкретным осужденным по индивидуальной программе трудовой адаптации). Такая модель управления позволит осуществить переход от управления отдельными подразделениями исправительного учреждения, задействованными в осуществлении трудовой адаптации осужденных, к управлению процессом трудовой адаптации осужденных в целом. Вследствие этого такие управленческие функции, как контроль и оценка качества трудовой адаптации осужденных, будут осуществляться в отношении процесса трудовой адаптации в целом, а не только в отношении отдельных структурных подразделений учреждения (центр трудовой адаптации осужденных, группа социальной защиты и др.).

Схема 1

Модель управления процессом трудовой адаптации осужденных

Необходимыми условиями успешного внедрения и реализации вышеприведенной модели управления процессом трудовой адаптации осужденных в исправительном учреждении являются широкий и достаточный для обучения различных категорий осужденных спектр учебно-производственных программ, достаточная штатная численность, а также высокая квалификация социальных работников и мастеров производственного обучения, эффективная система их взаимодействия.

Организация технологии процесса трудовой адаптации осужденных подразумевает:

- разработку общих, специализированных и индивидуальных программ трудовой адаптации осужденных;
- организацию семинаров, курсов по различным вопросам трудовой адаптации осужденных, специальных курсов подготовки наставников;
- организацию подготовки специалистов по профессиональному обучению;
- организацию проведения специалистами исправительного учреждения (мастера, психологи и др.) индивидуальных бесед с осужденными;
- организацию участия сторонних экспертов и специалистов в процессе трудовой адаптации и производственного обучения осужденных;
- использование метода выполнения разовых поручений для установления контактов нового работника с коллективом;
- использование метода постепенного усложнения выполняемых осужденным заданий;
- использование различного рода методик и психокоррекционных программ, направленных на развитие у осужденных профессионально значимых качеств, формирование позитивного отношения к выполняемой работе и др.

Полагаем, что управление процессом трудовой адаптации осужденных должно основываться на использовании специально разработанных программ (технологий) трудовой адаптации, ко-

торые можно разделить на общие, специализированные и индивидуальные⁶.

Общая программа трудовой адаптации разрабатывается центром трудовой адаптации осужденных совместно с другими подразделениями (профессиональное училище, группа социальной защиты осужденных и др.) исходя из структуры и особенностей производственной деятельности исправительного учреждения, структуры и объемов производственных заказов, уровня развития учебно-производственной базы, характеристики осужденных, квалификации персонала, направлений подготовки осужденных в профессиональном училище. Она касается в целом всего исправительного учреждения и должна затрагивать следующие вопросы:

1. Анализ региональных и местных рынков труда.
2. Оценка уровня подготовленности и адаптационного потенциала осужденных на первоначальном этапе отбывания наказания, профориентация и профотбор.
3. Профессиональная подготовка осужденных в профессиональном училище.
4. Организация производственной практики и производственного обучения осужденных непосредственно на рабочих местах.
5. Организация наставничества.
6. Создание дополнительных рабочих мест.
7. Развитие учебно-производственной базы.
8. Профессиональная подготовка сотрудников в области трудовой адаптации осужденных.
9. Организация и проведение мероприятий (обучающие семинары, групповые тренинги и др.).
10. Методическое обеспечение процесса трудовой адаптации осужденных.
11. Оценка эффективности процесса трудовой адаптации осужденных.
12. Внутреннее и внешнее взаимодействие.

Специализированная программа трудовой адаптации разрабатывается центром трудовой адаптации осужденных совместно с другими подразделениями (группа социальной защиты осужденных, психологическая лаборатория, отдел по воспитательной работе с осужденными и др.) и охватывает вопросы, связанные конкретно с каким-либо подразделением (цех, участок), рабочим местом или категорией осужденных.

Индивидуальная программа трудовой адаптации разрабатывается группой социальной защиты осужденных и представляет собой комплекс мер, задающих индивидуальную траекторию становления и развития осужденного как полноценного субъекта трудовой деятельности. Такая программа может представлять собой отдельный источник или являться составной частью программы социальной работы с осужденным в период отбывания наказания. Программа трудовой адаптации является своего рода планирующим и регистрационным документом, отражающим ход процесса. В ней приводятся демографические характеристики осужденного, мотивы поступления на работу, мотивы выбора профессии, его квалификация и трудовой путь до поступления в исправительное учреждение, пожелания работника в отношении дальнейшего повышения или изменения квалификации, профессии и т.д. Программа включает в себя ряд этапов и мероприятий, смена которых характеризуется постепенным уменьшением активности «сопровождения» административной со стороны основных субъектов управления процессом трудовой адаптации, увеличением его профессиональной самоотдачи и достижением оптимальной результативности в работе⁷. Программа помогает проследить профессиональные и квалификационные изменения работника, в определенной степени управлять этим процессом. Индивидуальная программа трудовой адаптации должна формироваться (корректироваться) на протяжении всего срока отбывания осужденным наказания. В ней должны быть отражены следующие вопросы:

1. Оценка уровня подготовленности и адаптационного потенциала осужденного на первоначальном этапе отбывания наказания, профориентационная работа.
2. Профессиональная подготовка осужденного.
3. Трудоустройство осужденного в исправительном учреждении.
4. Производственное обучение и наставничество в первоначальный период работы осужденного по профессии.
5. Воспитательная и психологическая работа с осужденным.
6. Решение вопросов трудоустройства в рамках подготовки осужденного к освобождению.
7. Обучение методике самостоятельного поиска работы.
8. Контроль и оценка эффективности трудовой адаптации осужденного.

Данные программы можно использовать как для первичной, так и для вторичной адаптации. Так как

трудовая адаптация осужденных, которые еще не имеют профессионального опыта, заключается не столько в восстановлении утраченных трудовых навыков и усвоении особенностей производственной деятельности, сколько в обучении самой работе, в соответствующую программу обязательно должно входить обучение. Особые потребности в адаптации испытывают осужденные старшего возраста. Они также нуждаются в обучении, но им зачастую труднее вписаться в коллектив, освоить особенности производственной деятельности. Своя специфика существует в процессе трудовой адаптации осужденных, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью, имеющих различного рода психические отклонения. Все это необходимо учитывать при составлении программ трудовой адаптации.

Предложенный механизм управления трудовой адаптацией осужденных позволяет определить основные направления совершенствования организации процесса трудовой адаптации, обнаружить имеющиеся резервы и причины, по которым не реализуются поставленные цели управления адаптационным процессом в учреждении, и тем самым повысить эффективность трудовой адаптации осужденных. Не исключая возможность совершенствования самого процесса трудовой адаптации осужденных, можно наметить и основные пути совершенствования механизма управления трудовой адаптацией:

- повышение профессионального уровня субъектов управления трудовой адаптацией осужденных;
- совершенствование правовой основы трудовой адаптации осужденных;
- оптимизация организационных структур управления трудовой адаптацией осужденных;
- совершенствование форм и технологий управления трудовой адаптацией осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 2009 г. удельный вес осужденных, привлеченных к труду на оплачиваемых работах, к среднесписочной численности осужденных, подлежащих обязательному привлечению к труду, составил 63,1%, что на 10,2% ниже, чем в 2008 г. (см.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2009 г.): Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2010. С. 56–58; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2008 г.): Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2009. С. 57–59).

² По состоянию на 1 февраля 2010 г. в уголовно-исполнительной системе России функционировало 205 федеральных государственных унитарных предприятий, 505 центров трудовой адаптации осужденных, 38 лечебно-производственных, 40 учебно-производственных мастерских, 339 профессиональных училищ (см.: <http://www.fsin.ru/main.phtml?cid=6>).

³ См.: Казак Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы: Моногр. Рязань, 2001. С. 170.

⁴ См.: Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: Учеб. М., 2005. С. 154.

⁵ См.: Шлыков В.В. Начальник исправительного учреждения в механизме трудовой адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5. С. 18–21.

⁶ См.: Кибанов А.Я. Основы управления персоналом. С. 157.

⁷ См.: Шуклин М.С. Проблемы трудовой адаптации и текущее молодых кадров органов внутренних дел в современной России: Дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2006. С. 138.

Финансовые ковенанты как инновационный механизм обеспечения исполнения кредитного обязательства в российской практике

Д.А. СЫСОЕВ – аспирант кафедры бухгалтерского учета и аудита Вологодского государственного технического университета;

О.В. КОШКО – профессор Вологодского государственного технического университета, доктор экономических наук

Система кредитов как элемент финансового посредничества базируется на фундаментальных принципах. Учитывая нынешнюю кризисную динамику и используя опыт финансового кризиса 1998 г., авторы выстраивают новую систему приоритетов, ставя на первое место принцип обеспеченности кредита, который способствует снижению кредитного риска, связанного с вероятностью неисполнения (ненадлежащего исполнения) кредитного обязательства.

Авторами рассмотрены инновационные для российской практики способы обеспечения кредита, такие как пункт о перекрестном неисполнении обязательств (кросс-дефолт), отказ от залога и любого обременения на активы и выручку, о поддержании определенных соотношений финансовых показателей, ограничений на привлечение дополнительного долгового финансирования. Основными целями введения ковенантов являются снижение кредитного риска по заемщику и установление дополнительной ответственности по поддержанию устойчивого финансового положения. Кроме того, банк может осуществлять регулярный контроль за финансовой деятельностью клиента.

Ключевые слова: финансы; кредитование; принципы кредитования; кредитный риск; обеспеченность кредита; финансовые ковенанты; операционные ковенанты; юридические ковенанты; коэффициенты долговой нагрузки; финансовое управление; консолидированная финансовая отчетность; мониторинг финансовых ковенантов; финансовый анализ; индикаторы уровня задолженности; кредитная сделка.

Известно, что нормальное функционирование института финансового посредничества представляет собой широкое использование банковских кредитов в отраслях реальной экономики. В той мере, в какой финансовое посредничество способствует развитию взаимодействия двух секторов, вполне возможно ожидать результатов, которые будут варьироваться в прямой зависимости от успеха взаимодействия банковского сектора и реальной экономики.

Рассмотрим данное положение на практике.

Анализ развития рыночных отношений 90-х гг. позволяет заключить, что эволюция двух секторов шла отнюдь не параллельно, эти отрасли развивались по «расходящимся направлениям», то есть в промышленности наблюдался беспрецедентный кризис, а в банковском секторе – столь же беспрецедентный подъем. Ситуация стала меняться лишь начиная с 1995 г., когда в промышленности стала определяться некоторая стабилизация, а в банковском секторе положение ухудшилось и особенно после 24 августа 1995 г.

Возможности для взаимодействия оказались существенно ограниченными по причине разных уровней развития взаимодействующих сторон. И поэтому вполне можно предположить, что по мере ухудшения состояния в банковском секторе его возможности для взаимодействия

с промышленностью стали расширяться. Парадоксальность этого вывода была подтверждена после финансового кризиса 17 августа 1998 г., когда определенным толчком к взаимодействию явилось как изменение финансового положения банков, так и некоторое оживление в сфере реального сектора. Видимо, ухудшение положения банковского сектора позволило внести коррективы в свою работу, то есть перестраивать ее на более здоровой основе, способствующей расширению двух секторов.

Экономический кризис 1995 г. заставил задуматься о проблеме взаимодействия двух секторов и необходимости решения теоретических вопросов.

Один из старейших теоретиков кредита, профессор Финансовой академии М.М. Ямпольский еще в преддверии кризиса обратил внимание на то, что трактовки кредита несовершенны и требуют уточнения¹. Приводимые в учебных пособиях и монографиях определения мало что дают для уяснения сущности современных процессов².

Не станем приводить аргументы дискутирующих сторон, отметим только в качестве вывода параметры наиболее подходящего определения. Они связаны с такими сущностными характеристиками кредита, как возвратностное предоставление ресурсов и последующее по-

гашение возникающих при этом обязательств. Достоинством этих характеристик является то, что с их помощью охватываются все виды кредитных отношений (реализация товаров с отсрочкой, предоплатой; операции, связанные со сбережениями населения).

Вот почему важнее говорить не о перераспределении средств, а о возвратном предоставлении их. Возвратность – это основной критерий определения отношений как кредитных.

Сам процесс кредитования предполагает предоставление денежных средств заемщику на основе принципов срочности, возвратности, платности, обеспеченности, а в отдельных случаях – целевой направленности. Однако условия сегодняшнего кризиса (как и кризиса 1995 г. и дефолта 1998 г.) требуют определения приоритетов кредитной политики. Перейдем к их обоснованию.

Соблюдение принципа обеспеченности кредита в условиях кризисной динамики имеет исключительно важное значение, именно оно, на наш взгляд, способствует снижению кредитного риска, связанного с вероятностью неисполнения (ненадлежащего исполнения) кредитного обязательства.

В механизме гражданско-правового регулирования используются особые правовые средства обеспечительного характера. В современном российском гражданском законодательстве нормы, закрепляющие конструкции правовых средств обеспечения и составляющие в совокупности институт обеспечения исполнения обязательств, содержатся в гл. 23 ГК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 329 ГК РФ исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором³.

Указанные способы обеспечения исполнения кредитного обязательства применяются отдельно или в совокупности и являются классическим инструментом, применяемым в отечественной банковской практике. Однако вектором развития принципа обеспеченности кредита должен стать поиск качественно новых инструментов, позволяющих кредиторам (инвесторам) наряду с традиционными способами обеспечения исполнения кредитного обязательства существенно снизить риск вложений.

Помимо перечисленных видов обеспечения, М.И. Качаева справедливо предлагает обратить внимание на применяемые банками в зарубежной практике различные виды ограничений (ковенантов), среди них пункты о перекрестном неисполнении обязательств (кросс-дефолт), отказе от залога и любого обременения на активы и выручку, о поддержании определенных соотношений финансовых показателей, ограничений на привлечение дополнительного долгового финансирования и т.д.⁴

Применение ковенантов в процессе кредитования носит инновационный характер для российской практики. Понятие «ковенант» проис-

ходит от английского «covenant» – соглашение, договор и означает договорное обязательство совершить определенные действия или воздержаться от определенных действий.

В зависимости от различных составляющих деятельности ковенанты разделяют на финансовые, операционные, юридические.

В случае применения финансовых ковенантов действия (бездействия) заемщика должны соответствовать определенным ограничениям в области финансовых показателей и отдельных аспектов деятельности, при нарушении которых у кредитора возникает право требования досрочного исполнения обязательств.

Ковенанты, предусмотренные договором, служат средством защиты интересов кредиторов. Наличие ковенантов в кредитных договорах обычно позволяет снизить совокупный кредитный риск и тем самым привлечь финансирование по более низкой ставке процента.

Выбор ковенантов для заемщика производится индивидуально по каждой сделке, причем используемые ковенанты и их уровни должны отражать риски, для контролирования которых они установлены.

Сопутствующим положительным эффектом использования механизма финансовых ковенантов, по мнению Н.И. Ольшанниковой, становится повышение качества финансового управления привлекающей средства компанией⁵. Источником информации для расчета необходимых показателей является проверенная аудитором консолидированная финансовая отчетность, подготовленная по РСБУ или МСФО, что является более предпочтительным.

Наиболее распространенным способом определения значений финансовых ковенантов является применение сравнительного анализа отчетности эмитента с другими компаниями отрасли⁶.

Вводимые ограничения в виде финансовых ковенантов не должны существенно затруднять деятельность компании.

Мониторинг согласованных финансовых ковенантов осуществляется на регулярной основе и выступает составной частью анализа финансового положения заемщика в течение периода кредитования.

Бытует мнение, что в использовании финансовых ковенантов нет необходимости по той причине, что они препятствуют экономическому росту заемщика, а их наличие в условиях кредитного договора зачастую не приводит к досрочному взысканию задолженности в случае их нарушения.

Вряд ли можно согласиться с этим, поскольку финансовые ковенанты позволяют контролировать финансовые показатели хозяйственной деятельности заемщика, а также риск, связанный с невозвратом кредита, что особенно актуально в период кризисных явлений в экономике.

Анализ динамики размещенных кредитными организациями средств (рис. 1) показывает, что имеет место тенденция к их увеличению на период более 1 года⁷.

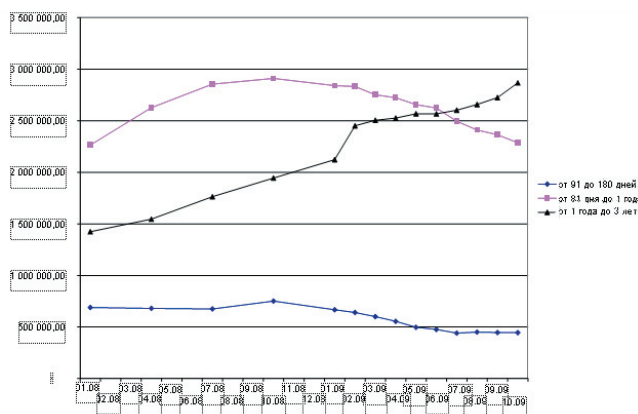

Рис. 1. Данные об объемах кредитов, депозитов и прочих размещенных средствах, предоставленных организациям, по срокам погашения (млн руб.)

Высока вероятность того, что повышение объема долгосрочных размещенных средств в соответствии с бухгалтерским учетом в кредитных организациях вызвано увеличением доли пролонгированных кредитов и прочих размещенных средств. В связи с увеличением срока возврата кредита обычно требуется увеличение залоговой массы для соблюдения принципа обеспеченности. Учитывая, что заемщики располагают ограниченным объемом активов, возможным для принятия в качестве обеспечения кредита, использование финансовых ковенантов при пролонгации кредита значительно расширяет область доступных способов обеспечения исполнения кредитного обязательства и является инструментом снижения кредитного риска в условиях неопределенности.

После выдачи кредита банк осуществляет регулярную проверку кредитоспособности заемщика. Как правило, в кредитной документации прописывается обязательство заемщика по регулярному представлению финансовой информации, в особенности если компания обязана соблюдать определенные финансовые ковенанты.

Нарушение ковенантов, определенных договором, может привести, по замечанию С.Ю. Муртузалиевой, к техническому дефолту и к переклассификации долгосрочных кредитов в краткосрочные обязательства⁸.

Эффективное использование ковенантов должно основываться на кредитной истории заемщика и финансовых показателях проекта. Таким образом, состав финансовых ковенантов зависит от отраслевой принадлежности, а также от особенностей бизнес-процессов заемщика.

Среди наиболее часто используемых финансовых ковенантов встречаются коэффициенты ликвидности, доходности и рентабельности, а также индикаторы уровня задолженности, которые используются в финансовом анализе. К ним относятся стоимость чистых активов, отношение величины заемных средств к чистым активам, коэффициент покрытия процентов.

Оплата процентов по кредиту является периодическим критерием обслуживания долга заемщиком. В этой связи покрытие процентов является одним из наиболее распространенных финансовых ковенантов. Р. Брейли и С. Майерс отмечают, что регулярная выплата процентов — это барьер, через который компании приходится постоянно прыгать, чтобы избежать неплатежеспособности⁹.

Часто среди финансовых ковенантов встречаются ограничения на совокупный объем выданных гарантий и поручительств.

В случае составления отчетности заемщиком в соответствии с МСФО возможно использование дополнительных финансовых ковенантов. К ним относятся коэффициенты долговой нагрузки (финансовый долг/EBITDA, финансовый долг/собственный капитал, EBITDA/процентные расходы).

Однако говорить о неких общих уровнях ковенантов довольно сложно, так как они устанавливаются для каждого клиента индивидуально, в зависимости от его финансового положения, инвестиционных планов, уровня риска, типа кредитной сделки и т.п.¹⁰

Таким образом, можно заключить, что основными целями введения ковенантов являются снижение кредитного риска по заемщику и установление дополнительной ответственности по поддержанию устойчивого финансового положения. Кроме того, банк может осуществлять регулярный контроль за финансовой деятельностью клиента.

Несоблюдение установленного уровня ковенантов дает банку право требовать досрочного погашения кредита, что выступает дополнительным фактором надежности для кредиторов, заставляя заемщика вести более консервативную финансовую политику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ямпольский М.М. О трактовках кредита // Деньги и кредит. 1995. № 1. С. 30–32.

² Речь идет об определении, данном Н.Г. Антоновым, М.А. Пессель, где как нечто само собой разумеющееся отмечается, что формой движения ссудного фонда является кредит (см.: Антонов Н.Г., Пессель М.А. Денежное обращение, кредит и банки. М., 1995. С. 21).

³ См.: Суханов Е.А. Гражданское право: В 4 т.: Учеб. для студентов вузов / Под ред. Е. А. Суханова М., 2008. Т. 3.

⁴ См.: Качаева М.И. Оценка кредитного риска в коммерческом банке // Банковское кредитование. 2009. № 1.

⁵ См.: Ольшанникова Н.И. Финансовые ковенанты как механизм мониторинга // Банковское кредитование. 2009. № 2.

⁶ См.: Смирнов Е.Е. На рынке облигаций России: время корректировать стратегию развития // Инвестиционный банкинг. 2008. № 4.

⁷ См.: Бюллетень банковской статистики ЦБ РФ. 2009. № 11. С. 120.

⁸ См.: Муртузалиева С.Ю. Влияние кризиса на отчетность российских компаний в 2009 году // МСФО и МСА в кредитной организации. 2009. № 2.

⁹ Цит. по: Ольшанникова Н.И. Финансовые ковенанты как механизм мониторинга.

¹⁰ См.: Wight R. The LSTA's Complete Credit Agreement Guide // McGraw-Hill. 2009. P. 289.

К вопросу об оценке экологической эффективности деятельности специальных учреждений

М.М. АНДРОНОВА – начальник кафедры технологии и оборудования лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент;

В.А. САВЕЛЬЕВА – доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат химических наук

В статье рассматриваются основные подходы к оценке экологической эффективности организации с точки зрения возможности принятия управленческих решений в области охраны окружающей среды. Приведены критерии оценки природоохранной деятельности. Определены основные принципы, которыми необходимо руководствоваться при выборе системы экологических показателей.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; оценка воздействия на окружающую среду; экологическая эффективность; экологические аспекты организации; системы управления окружающей средой; экологические индикаторы.

Вопрос эффективности организации, в том числе экологической эффективности, всегда находился в центре внимания специалистов в области теории организаций. Законодателю при решении вопросов, связанных с выделением средств из бюджета, необходимо иметь информацию о характере выполняемой работы и достигнутых результатах.

В функции администратора входит достижение целей, стоящих перед органом управления в области охраны окружающей среды. Деятельность любой организации он будет рассматривать с этой точки зрения, определяя и разрабатывая нормативы допустимого воздействия на окружающую среду.

Зачастую серьезные финансовые вложения в природоохранные мероприятия рассматриваются как основной и единственный подход к оценке эффективности природоохранной деятельности. Однако оценка эффективности путем измерения уровня затрат – метод, по определению не учитывающий собственно эффективности.

Решение состоит не в том, чтобы изобретать новые способы оценки эффективности, а в том, чтобы более умело использовать уже существующие информацию и методы оценки. Тем самым сократится объем ненужных данных за счет отбора и разумной компоновки существенной информации.

Согласно ГОСТу Р ИСО 14031-2001 экологическая эффективность (характеристики экологичности) – результаты управления экологическими аспектами организации (в контексте систем управления окружающей средой результаты могут быть измерены по отношению к политике организации, ее целям и задачам в области охраны окружающей среды).

В настоящее время можно выделить три различных подхода к понятию эффективности, определяемому теорией организаций: традици-

онная теория, теория человеческих ресурсов и системная теория организаций¹.

Традиционная теория определяет эффективность как достижение организацией неизменных целей с помощью имеющихся средств и улучшение соотношения между затратами и получаемым результатом (то есть достижение минимально возможных затрат для получения запланированного уровня охраны окружающей среды при определенном уровне технологии).

Теория человеческих ресурсов предполагает, что к традиционной концепции эффективности добавляются поведенческие аспекты. Они становятся настолько важными, что включаются в критерии оценки, указывая на успешность функционирования организации, то есть ее эффективность.

Оба подхода рассматривают организацию как достаточно закрытую систему. Но, как правило, организации – системы открытые. Вследствие взаимодействия с окружающей средой средства и цели подвергаются изменению. Внешние и внутренние факторы делают организационную систему подвижной. Смена ситуаций требует новых стратегий. Если организация стремится быть эффективной, ее должны отличать высокая производительность, конструктивные поведенческие установки персонала и способность приспосабливаться к изменениям в ситуации.

Системная теория организаций также предусматривает достижение целей и положительных установок, но при этом организация должна быть гибкой и способной контролировать внешнее окружение, чтобы гарантировать достаточный уровень средств.

Согласно теории организации эффективность управления в целом определяется соотношением между результатами, фактически полученными с помощью имеющихся ресурсов, и максимальными результатами, которые можно было бы получить в таких условиях.

В настоящее время оценку эффективности природоохранной деятельности можно рассматривать комплексно, а именно учитывать:

- эффективность выполнения природоохранных мероприятий;
- эффективность систем управления природоохранной деятельностью;
- улучшение экономических показателей за счет учета экологических требований.

При этом методы оценки экологической эффективности могут быть количественными и качественными.

Количественная оценка экологической эффективности осуществляется на основе системы разнообразных критериев и показателей. При выборе критериев и показателей экологической эффективности необходимо соблюдать в первую очередь требования российского законодательства.

Также представляется целесообразным использование следующих документов, которые позволяют предприятиям любого размера, типа и формы собственности наиболее полно и всесторонне оценивать свою экологическую эффективность:

- стандарт ГОСТ Р ИСО 14031-2001;
- технический отчет ISO/TR 14032:1999 «Экологический менеджмент – Примеры оценки экологической результативности»;
- рекомендация 2003/532/ЕС от 10 июля 2003 г. относительно выбора и использования показателей экологической эффективности;
- рекомендация 2001/680/ЕС от 7 сентября 2001 г. о руководстве по выполнению правила 2001/761/ЕС от 19 марта 2001 г., позволяющего предприятиям добровольно участвовать в схеме экологического менеджмента и аудита Европейского сообщества (EMAS);
- руководство по открытой отчетности в области устойчивого развития (GRI);
- международный стандарт ИСО 14001-2004.

На основе названных документов организации могут выбрать собственные показатели оценки экологической эффективности.

Основными принципами при выборе системы экологических показателей являются:

- сравнимость (показатели должны позволять делать сравнения и наблюдать изменения в экологической результативности);
- баланс между проблемными (плохими) и демонстрирующими экологическую эффективность (хорошими) областями;
- непрерывность (показатели должны быть основаны на одних и тех же критериях, для их сопоставления должны быть приняты сравнимые промежутки времени или единицы);
- своевременность (показатели должны изменяться достаточно часто, чтобы допускать принятие мер);

- ясность (показатели должны быть ясны и понятны).

Существуют различные методы качественной оценки экологической эффективности.

1. Сравнение проделанной работы с установленными целями, намеченными на данный период планами. В сущности, это не что иное, как управление по целям. Цели должны быть ясны и достижимы. Цели сокращения негативного воздействия на окружающую среду должны быть связаны с ее состоянием.

Оценка проводится по достижении поставленных целей (выполняется полуколичественная оценка).

Наиболее часто данный подход используется при оценивании эффективности выполнения планов природоохранных мероприятий.

2. Оценка качества достижения поставленных целей. Например, устанавливаются 5 качественных критериев достижения цели, по каждому из критериев дается оценка. Возможны следующие варианты общей оценки: «5» – не более одного положительного ответа; «10» – 2–3 положительных ответа; «20» – 4–5 положительных ответов². Данный подход используется при оценивании эффективности систем экологического управления и поиске возможностей улучшения.

3. Использование матриц оценки экологической эффективности. Включенные в матрицы вопросы представляют собой определенные утверждения (мнения), ранжированные по критериям оценки. Мнения сформулированы таким образом, чтобы оценка была максимально понятной для неспециалиста, а также сопоставимой и воспроизводимой во времени. Каждому мнению присвоен определенный оценочный балл. Для этого используются шкалы с несколькими градациями, например: 20 («да») – полностью или почти полностью соответствует; 10 («в основном да») – в основном соответствует; 5 («в основном нет») – в основном не соответствует; 0 («нет») – полностью или почти полностью не соответствует³.

Сумма полученных результатов по всем критериям позволяет получить итоговую качественную оценку экологической эффективности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сокорнова Т.В. Подходы к оцениванию экологической эффективности // Экология производства. 2006. № 1. С. 12–20.

² См.: Королева Е.Б., Сокорнова Т.В., Юрова Л.И. Рекомендации для предприятий Санкт-Петербурга по заполнению и анализу упрощенной «матрицы» анализа системы экологического менеджмента предприятия. СПб., 2006.

³ См.: Там же.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Проблемы соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом

Е.О. АЛАУХАНОВ – заведующий кафедрой судебной власти и уголовного процесса Казахского национального университета им. Аль-Фараби, член научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор

С проблемой имплементации норм международного права сталкивается каждое государство. Признаваемый любым правовым государством приоритет международного права над национальным иногда приводит к неоправданной формализации положений отдельных нормативных актов страны, что не всегда отвечает внутренним интересам последней. В статье рассматриваются вопросы преодоления избыточности унифицирования уголовного законодательства Республики Казахстан, проводимого на основе положений международного уголовного права, а также анализируется опыт решения данной проблемы отдельными государствами-представителями романо-германской и англо-саксонской правовых систем.

Ключевые слова: международное уголовное право; национальная уголовно-правовая система; сближение уголовно-правовых систем; романо-германская и англо-саксонская системы права; имплементация; унификация.

Современный Казахстан является активным участником международных отношений, членом различных региональных объединений (ШОС, ОДКБ, СНГ и др.). В мире развиваются противоречивые социально-экономические и политические процессы. Идет интеграция государств (наиболее ярко проявившаяся в развитии стран бывшего Советского Союза). На данный момент существует множество угроз существованию человечества (терроризм, экстремизм и т.п.), одна из которых – транснациональная преступность. Естественно, все это не может не затронуть национальные уголовно-правовые системы, в том числе и национальную правовую систему Казахстана.

В сложившихся обстоятельствах четко обозначилась весьма серьезная проблема соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом в условиях сближения разных правовых систем современности.

В юридической литературе имеет место целый спектр воззрений относительно соотношения национального и международного уголовного права: от готовности к разрушению национальной правовой (в том числе уголовно-правовой) идентичности в целях «соответствия общемировым стандартам и ценностям» до про-

явления определенно ксенофобных настроений, в основе которых лежат известные идеи об «особенностях» казахского пути развития. Для начала представляется целесообразным обратить внимание на то, как процесс универсализации отражается на национальном уголовном праве «сильных государств», чья способность отстаивать собственные интересы не вызывает сомнений (для примера достаточно вспомнить историю с подписанием США и рядом других стран Римского статуса Международного уголовного суда).

Необходимо отметить, что сегодня границы между основными категориями и институтами уголовного права в государствах романо-германской и англосаксонской систем в определенной степени размыты. При известной терминологической разнице содержание ключевых понятий отражает во многом схожий подход к задачам уголовно-правовой охраны и регулирования.

Тенденция сближения уголовно-правовых систем обнаруживается в признании результатов законотворческой и правоприменительной деятельности источниками внутреннего уголовного права различных государств. Как известно, статутное право отличается высокой степенью

абстрактности, стабильно во времени и в меньшей мере подвержено сиюминутным изменениям. С другой стороны, оно не всегда успевает за жизненными реалиями в отличие от гибкого прецедентного права. Обеспечить сбалансированность источниковой базы уголовного права и в итоге его эффективность призван процесс признания статута формальным источником права в странах англосаксонской системы, а судебного прецедента – в странах романо-германской системы.

Общеизвестно, что Великобритания начиная со второй половины XX в. приняла немалое количество законодательных актов уголовно-правового характера. В США после издания примерного Уголовного кодекса 1962 г. вступил в силу титул 18 Свода федеральных законов («Преступления»), во многих штатах имеются собственные уголовные кодексы (Нью-Йорк, Пенсильвания и пр.). С другой стороны, появление составляющих прецедентного права в романо-германской системе обусловлено тем, что правовое (в том числе уголовно-правовое) регулирование зачастую ограничивается общей отсылкой или рамочными нормами. Судебная практика (в понимании ее как отправления правосудия) в странах романо-германского права развивается по пути признания фактической обязательности толкования уголовного закона, содержащегося в решениях высших судов общей юрисдикции. По мнению ряда исследователей, ситуация, при которой судебный прецедент формально не признается, а фактически существует и применяется, «является довольно типичной для стран романо-германского права»¹.

Показательно, что и в казахской правовой науке в последнее время также активно обсуждается вопрос о необходимости признания судебных решений прецедентного характера «толкующим» источником уголовного права, обеспечивающим единообразие и эффективность применения УК РК².

Ярким примером сближения уголовно-правовых систем становится взаимное заимствование юридических понятий, категорий и институтов. В частности, в некоторых государствах романо-германской системы (Франция, Нидерланды, государства Скандинавии) и в Китае введен институт уголовной ответственности юридических лиц, хорошо известный англо-саксонскому уголовному праву. Появление уголовной ответственности юридических лиц в известной мере не соответствовало изначально пониманию незыблемого принципа личной ответственности, характерного для романо-германского уголовного права, однако стало одним из наиболее эффективных средств противодействия экономической преступности.

Как известно, традиционные задачи национального уголовного права в настоящее время достигаются не только классической реакцией государства по схеме «преступление – наказа-

ние». Криминологически доказана необходимость многовариантного правового подхода к борьбе с преступностью. Следствием этого стало параллельное появление в странах англосаксонской и континентальной систем права новых способов разрешения уголовно-правового конфликта (сделки о признании вины, пробация, медиация, трансакция и пр.³). Применение дифференцированного подхода в решении задач уголовного законодательства Казахстана выражено в развитии институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Таким образом, одним из результатов сближения уголовно-правовых систем является все большая однотипность национальных уголовных политик развитых государств.

Наиболее впечатляющий пример формирования национального уголовного права в ходе универсализации уголовно-правовых систем является собой Япония. Особенность развития Японии вплоть до XIX в. состояла в ее изолированности от правового влияния западных культур, однако современное уголовное право этой страны представляет собой сочетание систем континентального и общего права. Уголовный кодекс Японии является моделью романо-германской системы права, специальные же уголовные законы есть «в основном выразители преимущественно англосаксонского влияния»⁴. Универсализация различных уголовно-правовых систем позволяет более эффективно реагировать на преступность в национальном и международном масштабах, обеспечивая, по существу, систему коллективной (национальной) безопасности. Соответственно сближение различных уголовно-правовых систем объективно способствует решению задач уголовного права на национальном уровне.

Другой очевидной предпосылкой универсализации уголовно-правовых систем стала задача охраны общечеловеческих ценностей и поддержания международного правопорядка. Решающая роль в этом процессе принадлежит международному праву. В странах континентального права обычным юридическим правилом считается включение во внутреннюю правовую систему вступивших для этих государств в силу международных договоров и обязательств. Например, ст. 25 Конституции ФРГ устанавливает, что «общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права», также «они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации». Подобные предписания содержатся в ст. 96 Конституции Испании, в ст. 55 Конституции Франции и т.д.

Национальное уголовное право государств романо-германской правовой системы основано на принципах и нормах международного права, обладающих юридическим приоритетом над правом внутренним. Например, концептуальной идеей нового французского уголовного зако-

нодательства является реализация принципа примата международного права⁵. Несмотря на отсутствие прямого указания на преимущество международной нормы перед нормой национального права, этот принцип последовательно реализуется в Особенной части.

Законодательство стран общего права также признает включение норм международного права в национальную правовую систему. Например, согласно разд. 2 ст. 6 Конституции США «договоры, которые заключены или будут заключены США, являются верховным правом страны».

В настоящее время под влиянием международного права в уголовное законодательство стран различных правовых систем вводятся положения о таких преступлениях международного характера, каковыми являются международный терроризм, легализация доходов от преступной деятельности, транснациональный оборот наркотических средств и пр.

Универсализация уголовно-правовых систем современности в большей мере касается государств романо-германского и общего права (недаром в литературе говорится о возможности создания в перспективе «единой системы западного права»). Однако этот процесс означает взаимообогащение национальных уголовно-правовых систем, а никак не их абсолютную унификацию. Он соответствует национальным интересам, поскольку уголовно-правовые системы различных государств воспринимают наиболее эффективные средства решения своих собственных задач, выработанные в иностранном и (или) международном уголовном праве.

В связи с этим надо остановиться на двух позициях, высказанных в литературе: о необходимости форсированного создания «глобального уголовного законодательства» и об «антиглобалистском» развитии отечественного уголовного права.

Полагаем, что «глобальное уголовное право» не может соответствовать национальным интересам государства по той причине, что о самостоятельности последнего говорить уже не придется. К тому же на настоящий момент абсолютно неизвестно, кто будет автором и субъектом применения глобального уголовного законодательства. Вызывает недоумение утверждение о том, что уже «сегодня следует констатировать завершение эпохи „международного права“ и начало этапа ускоренного создания глобального государства, когда развитие нормативных основ деятельности мирового сообщества по борьбе с преступностью протекает в направлении от международного уголовного права к глобальному законодательству»⁶.

С другой стороны, нельзя оставить без внимания другую крайность – тенденциозные утверждения о только резко негативном влиянии международного уголовного права на национальную уголовно-правовую систему, об одно-

значном ущемлении государственных интересов в международном праве, о том, что антиглобализм сам по себе должен стать неотъемлемой составляющей правосознания юриста той или иной страны.

Вряд ли целесообразно столь однозначно признавать необходимость правового изоляционизма, который приведет к автаркии национальной правовой системы. Нет ничего страшного и постыдного в самом факте имплементации норм международного уголовного права или заимствования эффективно действующих институтов уголовного права зарубежных стран. Ключевым фактором в этих процессах должно стать безусловное соблюдение государственных интересов, включающее реализацию задач национальной уголовной политики. Это утверждение адресовано в первую очередь власти: сомнительный международный договор уголовно-правового характера не должен быть заключен либо должен быть расторгнут. Как представляется, именно в этом заключается наибольшая сложность при решении вопросов значимости унификации уголовно-правовых систем для казахского уголовного права (впрочем, и для любого другого тоже). Выводы должны быть каждый раз взвешенными и основываться на четком понимании того, что именно в разрешении обозначенного вопроса состоит одна из главных задач науки отечественного уголовного права, которая сохранит свою важность в обозримом будущем.

С другой стороны, никто не отменял конституционное правило приоритета международного права, и имеющиеся международные соглашения уголовно-правового характера надо выполнять. Именно поэтому мы, учитывая высказанную критику, убеждены в необходимости законодательного закрепления в УК РК положения о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права в сфере определения преступности и наказуемости деяния.

Универсализация уголовно-правовых систем современности создает своеобразную матрицу для дальнейшего прогрессивного развития национального уголовного права. Поэтому нельзя не признать, что взаимодействие различных систем и развитие международного уголовного права обладают значительным позитивным потенциалом в деле защиты жизненно важных интересов уголовно-правовой охраны как на национальном, так и на международном уровнях.

Учитывая, что правовой экстремизм не имеет значимого положительного начала, а истина всегда лежит посередине, государственная власть Казахстана должна участвовать в формировании международного уголовного права, выполнять принятые на себя обязательства международно-правового характера либо выходить из таких соглашений при невозможности соблюсти национальные интересы, а также не бояться заимствовать наиболее эффективные уголовно-правовые институты зарубежного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бернам У. Правовая система США. М., 2006. С. 858.

² См.: Юридическая природа нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан и их роль в эффективности отправления правосудия: Сб. материалов междунар. практ. конф. (Алматы, 12 мая 2009 г.). Астана, 2009. С. 300.

³ См.: Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.

⁴ См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология: Учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 273–293.

⁵ См.: Там же. С. 201.

⁶ Ведерникова О.Н. Российское уголовное право: традиции и современность. СПб., 2005. С. 212.

Некоторые аспекты реформирования пенитенциарной системы Украины

Н.Г. КАЛАШНИК – заместитель председателя Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний

В статье освещаются состояние и проблемы уголовно-исполнительной политики, опыт применения уголовных наказаний и организация деятельности пенитенциарных учреждений Украины. Рассматриваются вопросы эффективности функционирования национальной уголовно-исполнительной системы в современных условиях, а также мероприятия по ее реформированию.

Ключевые слова: государственная криминально-исполнительная служба; криминально-исполнительная инспекция; закрытые учреждения; исправительные центры; следственные изоляторы; осужденные.

По данным общественных организаций и СМИ, сегодня около 9 млн граждан Украины имеют личный тюремный опыт: отбывали наказание или длительное время были под следствием (в среднем до 18 мес.). Этот факт и его последствия заметно влияют на ход социально-экономических реформ в нашем государстве, а в ряде случаев ставят их под угрозу.

Государственная криминально-исполнительная служба Украины (ГКИСУ) насчитывает 184 закрытых учреждения и 703 участка криминально-исполнительной инспекции (КИИ), курирующие исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. В целом на попечении ГКИСУ одновременно находится почти 300 тыс. чел.: 35–37 тыс. – в следственных изоляторах (СИЗО); 105–107 тыс. – в закрытых учреждениях; 5–7 тыс. этапированы к местам назначения; почти 150 тыс. подучетны КИИ.

Около 80% из тех, кто попал за решетку, имеют те или иные акцентуации характера, то есть их поведение может быть непредсказуемым и неконтролируемым. 90% не владеют ни одной рабочей профессией или потеряли профессиональные умения и навыки в результате длительного нетрудоустройства. В среднем 65–70% осужденных фактически являются нетрудоустроенными.

Альтернативное наказание, в ходе исполнения которого осуществляется благоустройство

городов, дорог, поселков, отдельных районов и объектов культурно-экономической деятельности, позволит при минимальных затратах из местных бюджетов выполнить большие объемы хозяйственных работ. Только в 2009 г. при минимальном использовании потенциала КИИ в государственный бюджет Украины было перечислено 10 млн гривн за участие осужденных в ликвидации последствий стихийного бедствия, расчистку старых устьев малых рек для возобновления естественной дренажной системы украинских земель, уборку улиц, парков, кладбищ и т.д.

Двадцать лет назад, реформируя систему исполнения наказаний в своих государствах, страны Восточной Европы пошли путем сокращения закрытых учреждений и превращения их в исправительные центры. Наиболее приоритетными направлениями деятельности предприятий исправительных центров стали сбор и переработка мусора, изготовление резиновой обуви, фасовка стиральных порошков, животноводство, дубление кожи животных, сельскохозяйственные, авторемонтные работы, ремонт и обслуживание дорог и т.п. Данные нововведения были поддержаны спецпроектами (грантами) Совета Европы. Например, в свое время Венгрии было предоставлено 48 доноров-предпринимателей из Испании, Польше – 41 из Германии и Великобритании.

На территории каждого закрытого учреждения в Украине есть производственные заведения разного профиля, которые сегодня большей частью сдаются в аренду частным лицам. Создание на базе предприятий в тюрьмах холдинга по примеру стран Восточной Европы, Балтии и Казахстана было бы эффективной и современной формой ведения хозяйства, обеспечило бы условия для повышения эффективности профтехобразования осужденных и их последующей ресоциализации.

В случае реформирования 52 учреждений в исправительные центры государство постепенно получило бы значительные финансово-экономические бонусы даже за счет сокращения расходов на содержание, присмотр, охрану, безопасность, лечение, этапирование осужденных. В корне изменилась бы сама философия отбывания наказания. Содержание одного человека за решеткой обходится в 27 раз дороже обеспечения исполнения альтернативных видов наказаний. Следует учесть и то, что нахождение одного человека в исправительном центре в 20 раз дешевле, чем в закрытом учреждении.

В свое время экономическая рентабельность исправительной колонии имела место при содержании в ней не менее 1250 чел. После постепенного сокращения численности заключенных в закрытых учреждениях более чем на 40 тыс. чел. (за счет применения альтернативных видов наказаний) реальная необходимость закрытых учреждений составила не более 100 (с учетом заведений для несовершеннолетних и женщин).

Эксперты Еврокомиссии обозначили 5 направлений реформирования ГКИСУ, реализуя которые можно получить финансовую, техническую помощь международных фондов, а также социально-экономическую выгоду:

- 1) создание службы пробации на базе КИИ, то есть расширение применения альтернативных видов наказаний с обязательным трудоустройством по закону;

- 2) строительство воспитательного центра для содержания несовершеннолетних преступников, развитие профтехобразования в соответствии с требованиями Болонского протокола;

- 3) строительство учреждения-модели для содержания женщин, которые имеют детей в возрасте до 3-х лет, с последующим переводом женщины-матери в исправительный центр;

- 4) перестройка современной сети профтехобразования за счет использования возможностей дистанционной, факультативной, кружковой и индивидуальной форм учебы согласно Болонскому протоколу;

- 5) совершенствование системы подготовки кадров, создание учреждения повышения квалификации для работников ГКИСУ и переквалификации резерва на вакантные должности (по модели, которая используется в учебных заведениях подготовки кадров для криминально-исполнительных систем Восточной Европы).

Срок реализации протоколов о намерениях и меморандумов с зарубежными партнерами подходит к концу во второй половине в 2010 г.

Совет Европы всячески поддерживает проект Украины о переносе семи наиболее старых СИЗО, находящихся в областных центрах, за их пределы. В начале 2009 г. состоялось специальное заседание Правительства Украины, где рассматривались перспективы строительства новых СИЗО.

В начале 2007 г. в Брюсселе экспертами Еврокомиссии обсуждались возможности поддержки данного проекта. С целью осуществления реформ в украинской системе выполнения наказаний при поддержке Совета Европы 100 работников ГКИСУ прошли учебу и стажировку за рубежом.

В настоящее время ГКИСУ выполняет ряд заданий, не свойственных ей. Например, осуществляет розыск беглецов, который иногда затягивается на несколько лет и требует существенных средств из бюджета ГКИСУ (командировочные расходы, специальная амуниция, транспортировка беглеца и др.), привлечения значительного количества сотрудников. Возвращение охранных функций во внутренние войска МВД (как было до 1998 г.) станет препятствием для проявлений коррупции, злоупотребления властью чиновниками ГКИСУ.

Значительные бюджетные средства можно также высвободить за счет пересмотра сроков пребывания в СИЗО подсудимых и подсудимых. Число освобожденных из СИЗО из-за отсутствия состава преступления, по болезни или тех, в отношении которых применено альтернативное наказание, сегодня составляет 75%. Но на их необоснованное длительное пребывание в СИЗО государство тратит значительные средства (только на коммунально-бытовые потребности – 35 гривн в сутки на одного человека). К примеру, в 2008 г. через 32 СИЗО Украины прошло почти полмиллиона человек, на что ушли огромные средства.

Упорядочение штатного расписания согласно требованиям классификатора специальностей значительно улучшило бы финансовую и кадровую ситуацию системы ГКИСУ. Внедрение системы прохождения практики студентов гуманитарных, экономических, технических и других специальностей на базе учреждений и участков ГКИСУ позволило бы стабилизировать кадровую политику и уменьшить кадровый дефицит, который только в подразделениях КИИ составляет на сегодня почти 5 тыс. чел.

Организация питания в закрытых учреждениях может быть передана сети гражданских заведений, которые взяли бы на себя ответственность за осуществление общественного контроля за качеством и достаточным количеством еды для осужденных. Это стало бы серьезным шагом к внедрению прозрачной тендерной политики, препятствием коррупции, разворовыванию государственных средств.

Сократить расходы на здравоохранение заключенных в 2–4 раза можно за счет перевода так называемых «туберкулезных отрядов» из учреждений, где содержатся и здоровые заключенные, в учреждения, где действуют специализированные туберкулезные больницы, и внедрить там обязательную трудо- и арттерапию. Это также будет способствовать локализации заболевания и минимизирует последствия и рецидивы туберкулеза.

Этапирование заключенных до сих пор остается сложным и слишком дорогим. Оно осуществляется в срок до 3-х месяцев в так называемых «столыпинских вагонах», которые уже давно не отвечают своим требованиям, связано с высокими расходами на ежедневный паек каждому заключенному, обеспечение санитарно-гигиенических норм, лечение, бытовые расходы на ночевку и дополнительное питание в СИЗО.

Эксперты Еврокомиссии обсуждали проект приобретения для Украины специализированного автотранспорта, который по 12 позициям может сократить расходы государства и снять остроту вопроса формирования этапов, распространения инфекций социально опасных болезней, нарушения прав человека. Срок рассмотрения заявления и проекта подходит к концу также в 2010 г.

Наибольший вред здоровью заключенных наносится именно во время этапирования. Преодоление его последствий в дальнейшем нуж-

дается в значительных расходах: на ликвидацию дефицита веса (этапированные теряют 5–10 кг), лечение туберкулеза, педикулеза, хронических болезней.

С целью соблюдения конституционных прав человека, который пребывает в изоляции, в системе исполнения наказаний может быть создана сеть страхования жизни, здоровья, бизнеса и имущества тех, кто попал за решетку.

Восемь учреждений ДКВСУ размещено на территориях и в помещениях бывших духовно-религиозных заведений. Факт возвращения церкви этих территорий и помещений мог бы, с одной стороны, стать актом доброй воли в диалоге между церковью и государством, а с другой – дать ГКИСУ некоторые средства на решение неотложных потребностей.

Все чаще заключенные, их родственники и общественные организации обращаются с исками в Европейский суд по правам человека. Вышеизложенные мероприятия дадут возможность значительно сократить расходы на выплату государством компенсаций по приговорам за счет устранения недостатков деятельности ГКИСУ.

Вопрос реформирования ГКИСУ может быть успешно решен на государственном уровне через изменение устаревшего законодательства и менеджмента, рациональное сотрудничество с профильными министерствами и ведомствами, международными организациями, общественными объединениями и т.д.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Правовой порядок как социальное явление и общеправовая категория

Е.В. СВИНИН – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье предпринята попытка рассмотрения правового порядка как категории понятийно-категориального ряда общей теории права и как реального социального явления. Автор обращает внимание на недостатки восприятия правового порядка как общеправовой категории сквозь призму категории «законность». Сущность правопорядка тесно связана с понятием результативности действия права, то есть способности права достигать определенного положительного социального эффекта или, иными словами, обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны. Измерение уровня правового порядка, по мнению автора, предполагает выстраивание четкой системы показателей, характеризующих, с одной стороны, социальную адекватность и качество правовых норм, а с другой – эффективность функционирования государственных органов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: право; правовой порядок; законность; общественные отношения; правовые отношения; качества власти и качества закона; эффективность государственного управления.

Предметом научного анализа категория «правовой порядок» становится в 60-х гг. XX в.¹ К настоящему времени правовой наукой накоплен богатый опыт исследования данного феномена². Представляется, что интерес к обозначенной проблеме вполне оправдан. Вместе с тем, несмотря на пристальное внимание, необходимость дальнейшего научного осмысления феномена правового порядка сохраняется. Связано это с тем, что некоторые методологические вопросы разработаны явно недостаточно.

Нельзя не отметить, что в среде юристов категория «правопорядок» зачастую рассматривается предельно абстрактно, в отрыве от реальной жизни. Неопределенность содержания обуславливает схематизм в исследовании соотношения правопорядка со смежными категориями.

К примеру, в юридической литературе широко распространено представление о правовом порядке как следствии реализации законности. Сущность этой позиции, как правило, раскрывается в нескольких тезисах. С целью иллюстрации обратимся к диссертационному исследованию П.С. Назарова, в котором выделим следующие принципиальные для нас положения: 1) законность выражает всеобщность требования строго блюсти законы, правовой же порядок – это практическое осуществление требований законности; 2) законность – это реализующееся право,

иными словами, процесс реализации, а правовой порядок – это реализованная государственная воля, то есть, по сути, результат действия права; есть законность – есть правопорядок, нет законности – есть анархия и произвол; 3) законность выступает в качестве причины, а правовой порядок – в качестве следствия³.

Признавая бесспорной взаимозависимость правопорядка и законности, в то же время следует признать предложенный подход не совсем удачным. При такой позиции законность понимается в сравнительно узком плане, а именно как принцип государственной и общественной жизни. Соответственно, разграничение законности и правопорядка осуществляется по схеме «идея – реализация идеи». Если же под законностью понимать не только идею, но и режим законности, возникающий вследствие массового правомерного поведения, то в данном случае утверждение «правопорядок есть следствие реализации законности» будет носить некорректный характер, так как придется говорить о реализации режима законности (реализация «реализованного»).

Кроме того, неточность и неполнота рассмотренной концепции усматривается в том, что результатом практической реализации требований (принципов) законности может выступать лишь сама законность: если ее требования не

реализуются, то в правовой жизни общества нет и ее самой.

Представляется неоправданным рассмотрение законности и правопорядка соответственно как процесса и результата реализации права. Такое разграничение, возможно, применительно к конкретной правовой ситуации, в масштабах же всего общества нельзя жестко противопоставлять процесс и результат. Реализация права в общественной жизни носит непрерывный характер.

Связь между законностью и правопорядком бесспорна. Однако она не может быть раскрыта в категориях причины и следствия. Как отмечает А.М. Васильев, зависимость между состоянием законности и правопорядка, несомненно, является одной из важных характеристик последнего. Думается, однако, это еще не означает, что понятие правопорядка нужно считать производным от законности. Такая логическая зависимость дает представление об условиях существования и упрочения правопорядка, но не выражает его сути как порядка общественных отношений, сформировавшегося под правовым воздействием. Теоретическая нагрузка, которую несет правопорядок, будучи категорией основного понятийного ряда, состоит в том, что им выражаются как социальные цели, так и объективный итог правового регулирования⁴.

Изложенное заставляет нас обратить внимание на имеющее место в юридической литературе несоответствие. В частности, некоторые ученые рассматривают правовой порядок как согласованность и упорядоченность системы общественных отношений (С.С. Алексеев, М.И. Байтин, Г.С. Котляревский, А.Б. Лисюткин⁵), другие же говорят о порядке в системе правовых отношений (В.В. Борисов, Н.П. Назаров, В.М. Сырых, Т.М. Шамба⁶).

На наш взгляд, позиция второй группы исследователей носит неоправданно узкий характер. Ограниченность их подхода усматривается в том, что он не ориентирует на необходимость обновления и совершенствования права. Общественные отношения динамичны, поэтому их стабильность, а значит и процветание общества зависят от того, насколько адекватно юридические нормы будут отражать динамично изменяющиеся социальные потребности и интересы. Таким образом, модель поведения, воплощенная в правовых нормах, реализация которой происходит в конкретных правовых отношениях, в правомерной деятельности субъектов права, должна быть социально адекватной. В противном случае складывающаяся на основе такой модели система правовых отношений может способствовать возникновению различных по своему содержанию и характеру социальных кризисов и конфликтов.

Получается, правовой порядок целесообразнее рассматривать как порядок в общественных отношениях, что предполагает анализ способности права достигать определенного положительного социального эффекта или, иными словами, обеспечивать устойчивое социально-

экономическое развитие страны. Для этого необходимо не только высокое качество правовых норм, но и эффективность работы всего государственного механизма.

Выделенная особенность нашла частичное отражение в позициях некоторых органов государственной власти. К примеру, в докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2008 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации»⁷ подчеркивается органичная взаимосвязь качества власти и качества закона. Представляется, что качество власти и эффективность государственного управления в конечном счете необходимо оценивать по таким критериям, как продолжительность жизни, здоровье, качество питания, медицинского обслуживания, образования, состояние культуры и наличие возможностей для свободного развития личности и т.д., которые в совокупности образуют реальное качество жизни. В системе показателей деятельности власти жизнь, здоровье, безопасность, культура, нравственность, права и свободы должны задавать базовые критерии, в соответствии с которыми проверяются все результаты реализации текущих задач государственной политики, в том числе и итоги законодательной деятельности. При оценке любого законодательного акта необходимо обращаться к гуманитарной экспертизе, поскольку здравоохранение, образование, жилищные условия, культурная сфера и т.п. – это необходимые формы, в которых реализуются способности, духовные потребности и интересы человека и гражданина.

Понимание результативности действия права, а следовательно и измерение уровня правового порядка, предполагает выстраивание четкой системы показателей, характеризующих, с одной стороны, социальную адекватность и качество правовых норм, а с другой – эффективность функционирования государственных органов.

Представляется, что отсутствие четко структурированных с точки зрения внутреннего содержания задач и направлений деятельности государственных органов может привести к потере конкретных ориентиров в повседневной юридической деятельности либо необъективности представлений о фактических результатах функционирования, в конечном счете к снижению уровня правового порядка.

Мощным импульсом для разработки показателей деятельности государственных органов явился ряд высказываний первых лиц государства. В частности, Д.А. Медведев, выступая на V Красноярском экономическом форуме (15 февраля 2008 г.), призвал радикально изменить ситуацию в правоприменении и при этом отметил необходимость увязать государственную службу с объемом и результатами работы⁸.

В.В. Путин на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года»⁹ (8 февраля 2008 г.) заявил, что многочисленные учреждения и организации должны быть адекватны рынку, должны получать оплату за результат, а не за факт своего существования, а их

руководители должны нести персональную ответственность за качество управления.

В настоящее время программно-целевой метод получил широкое распространение в деятельности органов государственной власти. Однако его применение на практике носит отчасти формальный характер, поскольку ряд общетеоретических и методологических вопросов исследованы явно недостаточно. В качестве примера рассмотрим доклады о результатах и основных направлениях деятельности Министерства юстиции. Они примечательны тем, что формулируют цели, задачи, стоящие перед ФСИН России, а также определяют показатели, характеризующие их достижение. Если сравнить доклад «О результатах и основных направлениях деятельности Министерства юстиции Российской Федерации на 2007–2009 годы»¹⁰ с докладом «О результатах и основных направлениях деятельности Министерства юстиции Российской Федерации на 2009–2011 годы»¹¹ можно прийти к ряду выводов.

Содержание цели и тактических задач, поставленных Министерством юстиции России перед Федеральной службой исполнения наказаний, осталось неизменным. Так, стратегической целью ФСИН России является улучшение качества исполнения судебных решений, актов иных органов и приговоров.

Это, безусловно, следует оценить положительно. Однако отдельные дальнейшие формулировки не могут не вызывать критики. Во-первых, «расширение применения альтернативных лишению свободы мер наказания» не может характеризовать результативность и эффективность функционирования УИС, так как назначать данные меры уголовного воздействия может исключительно суд. Кроме того, расширение соответствующей практики может отражать гуманизм системы исполнения наказаний, но не гуманизацию условий отбывания наказаний. Терминологические различия в данном случае существенны и принципиальны. В первом случае речь идет о справедливости уголовного наказания и необходимости нахождения (либо ненахождения) лица в местах лишения свободы с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела, а во втором случае предполагается назначение альтернативных лишению свободы наказаний под предлогом «перенаселенности» исправительных учреждений при фактическом игнорировании обстоятельств конкретного дела. Таким образом, «гуманизация» условий отбывания наказания достигалась бы за счет искусственного сдерживания числа осужденных к лишению свободы.

Во-вторых, сформулированные тактические задачи предполагают друг друга и не могут быть ориентиром в определении качественно однородных, но в то же время различных направлений деятельности ФСИН России. Нельзя не учитывать, что гуманизация условий отбывания наказаний (третья тактическая задача) в значи-

тельной степени зависит от степени гарантированности прав и свобод осужденных (вторая тактическая задача) и, можно сказать, является ее отражением.

В заключение отметим, что исследование правового порядка может дать ощутимые результаты не только для юридической науки, но и для практики. Методологический потенциал, заключенный в этой категории, до конца еще не раскрыт, а следовательно, актуальность научных исследований сохраняет свою остроту.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В числе первых работ можно назвать следующие: Борисов В.В. Социалистическая законность и правопорядок советского общества. Саратов, 1962; Котляревский Г.С. Правопорядок в советском социалистическом обществе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966; Строгович М.С. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. М., 1966; Явич Л.С. Государство и социалистический правовой порядок. Л., 1967.

² См., напр.: Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. Саратов, 1977; Виссаров А.В. Правопорядок и субъекты его обеспечения (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Духно Н.А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка: Дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2000; Казаков В.Н. Правовой порядок в юридической теории и практике: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; Кузнецов И.А. Охрана социалистического правопорядка, социалистической собственности, прав и свобод граждан как функция Советского общественного государства: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1986; Мураметс О.Ф. Правопорядок в развитом социалистическом обществе. М., 1979; Назаров П.С. Правопорядок в условиях формирования правового государства: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005; Рябова Е.В. Функция обеспечения правопорядка в период формирования правового российского государства: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005; Шамба Т.М. Советская демократия и правопорядок. М., 1985; Явич Л.С. Социалистический правопорядок. Л., 1976.

³ См.: Назаров П.С. Правопорядок в условиях формирования правового государства. С. 55–58.

⁴ См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 180–181.

⁵ См.: Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М., 1979. С. 321; Байтин М.И. Сущность права (современное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 420; Котляревский Г.С. Правопорядок в советском обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 5; Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 522.

⁶ См.: Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. С. 56; Назаров П.С. Правопорядок в условиях формирования правового государства. С. 13; Сырых В.М. Теория государства и права: Учеб. для вузов. М., 2005. С. 372; Шамба Т.М. Советская демократия и правопорядок. С. 45.

⁷ См.: <http://www.council.gov.ru/files/journalsf/tem/20090916101939.pdf>

⁸ См.: Стенограмма выступления первого заместителя председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 г. http://www.rost.ru/official/2008/02/150000_12893.shtml

⁹ См.: Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

¹⁰ См.: <http://www.minjust.ru/common/img/uploaded/docs/activity/doclad.doc>

¹¹ См.: http://www.minjust.ru/common/img/uploaded/docs/Doklad_pervaya_chast.doc

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Эволюция системы НКВД–МВД СССР (1934–1956 гг.)

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматривается процесс развития и функционирования системы органов внутренних дел советского государства в середине 1930-х – середине 1950-х гг. Особое внимание при этом уделено структуре, полномочиям и кадровому составу органов НКВД–МВД, их месту и роли в развитии советского государства. В рамках системы НКВД–МВД показан процесс эволюции учреждений, исполнявших уголовные наказания.

Ключевые слова: органы внутренних дел; государственная безопасность; милиция; уголовно-исполнительная система; репрессии.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. система органов внутренних дел становится одной из базовых опор формирующегося тоталитарного политического режима. В организации управления правоохранительными органами в указанный период наблюдается заметное усиление централистских начал. Логическим завершением мероприятий по организации единой системы органов внутренних дел явилось учреждение постановлением Центрального исполнительного комитета СССР от 10 июля 1934 г. Народного комиссариата внутренних дел СССР. Постановлением на НКВД СССР возлагались следующие задачи: обеспечение общественного порядка и государственной безопасности, охрана общественной (социалистической) собственности, запись актов гражданского состояния, пограничная охрана и ряд других функций. В соответствии с этим в составе НКВД СССР были образованы: Главное управление государственной безопасности, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное управление пограничной и внутренней охраны, Главное управление пожарной охраны, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, Административно-хозяйственное управление¹. На момент образования НКВД СССР в штатах центрального аппарата числилось 8211 чел. Народным комиссаром внутренних дел был назначен Г.Г. Ягода.

Приказом НКВД № 001 от 13 июля 1934 г. «Об организации органов НКВД на местах» во всех союзных республиках, кроме РСФСР, создавались республиканские НКВД, в автономных республиках, краях и областях – краевые и областные УНКВД. Согласно Положению об НКВД от

24 августа 1934 г. в административных центрах, имеющих городские Советы, подчиненные непосредственно краю (области) или республике, организовывались городские отделы народного комиссариата внутренних дел. В административных центрах, имеющих одновременно городские и районные Советы, самостоятельно подчиненные непосредственно краю (области) или республике, формировались горрайотделы НКВД. Наконец, в самых низовых административно-территориальных единицах (районах) учреждались районные отделы (отделения) НКВД.

Если республиканские, краевые и областные НКВД–УНКВД подчинялись непосредственно НКВД СССР, то горотделы, горрайотделы и районные отделения – вышестоящему управлению НКВД. Начальники республиканских, краевых и областных НКВД–УНКВД назначались наркомом внутренних дел СССР, начальники горотделов, горрайотделов и райотделений – вышестоящими начальниками УНКВД².

Территориальные управления внутренних дел имели структуру, аналогичную центральному аппарату НКВД СССР. Согласно приказу НКВД № 0044 от 21 августа 1934 г. в их состав входили: управление государственной безопасности (УГБ), инспекция войск внутренней охраны, управление милиции, инспекция резервов, инспекция противопожарной охраны, отдел актов гражданского состояния, отдел связи, хозяйственный отдел, отдел кадров (ОК), финансовое отделение, секретариат. В некоторых УНКВД также предусматривались отделы (отделения) трудовых поселений³. Органам НКВД предоставлялось право проведения обысков, арестов,

следственных мероприятий, осведомления и розыска, регистрации лиц, уличенных или заподозренных в преступной деятельности, а также специального надзора за ними.

В июле 1934 г. при НКВД СССР было создано Особое совещание, которому предоставлялось право применять ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет и высылку за пределы СССР. Для предварительного рассмотрения дел, передаваемых на Особое совещание, на уровне союзных, автономных республик, краев и областей были образованы «тройки» НКВД–УНКВД. В них входили начальник УНКВД или его заместитель, начальник управления милиции или начальник соответствующего отдела, представляющего материал на рассмотрение «тройки», а также местный прокурор. Как правило, решение «тройки» приводилось в исполнение немедленно, а протокол направлялся на утверждение Особого совещания НКВД СССР⁴.

В сентябре 1936 г. в связи с ужесточением репрессивной политики советского государства происходят кадровые перестановки в высшем руководстве НКВД СССР. Наркомом внутренних дел назначается Н.И. Ежов – доверенное лицо И.В. Сталина.

В феврале–марте 1937 г. состоялся очередной Пленум ЦК ВКП(б). Участники пленума, выслушав доклад Н.И. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», поддержали резолюцию, в которой говорилось: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал по крайней мере на 4 года». Выступивший на пленуме И.В. Сталин призвал «беспоощадно громить и корчевать изменников – нынешних вредителей и диверсантов, каким бы флагом они ни прикрывались»⁵. В конце марта 1937 г. постановление Пленума ЦК ВКП(б) и приказ наркома об активизации оперативной работы были разосланы в территориальные органы.

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, предусматривающее, что наиболее враждебно настроенные «бывшие кулаки и уголовники» должны быть немедленно арестованы и расстреляны, а «менее враждебные» – высланы. Во исполнение данного постановления НКВД СССР был разработан проект специального приказа. Наркоматом был расширен круг лиц, подлежащих репрессиям: дополнительно в их число включались «члены антисоветских партий», «антисоветские элементы» и др. Все репрессируемые разбивались на две категории. Отнесенные к первой подлежали расстрелу, ко второй – заключению в лагерь. Число потенциальных жертв определялось «лимитами», спускаемыми сверху в каждую республику, край, область. На основании данных приказов в 1937–1938 гг. из 1 млн 575 тыс. арестованных органами НКВД 681 тыс. была приговорена к расстрелу⁶.

25 ноября 1938 г. Н.И. Ежов был освобожден от должности наркома внутренних дел. На эту должность назначается Л.П. Берия. Первоначально перед новым наркомом ставилась задача ликвидировать «ежовщину», приостановить маховик репрессий, принявших ужасающий размах. 9 ноября 1939 г. НКВД СССР издает приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», в котором предписывалось освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране, установить строгий контроль за соблюдением уголовно-процессуальных норм.

Со временем Л.П. Берия значительно усовершенствовал методы репрессий. Наивысшего размаха в годы его руководства НКВД СССР достигает система исправительно-трудовых учреждений. В первой половине 1940 г. в системе ГУЛАГа функционировали 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных, 172 контрагентских, 50 колоний для несовершеннолетних⁷. В начале 1941 г. в местах лишения свободы содержалось 2350 тыс. чел.⁸

Во второй половине 1930-х гг. структура Наркомата внутренних дел СССР и его территориальных подразделений постепенно усложнялась, расширялся круг их функциональных обязанностей. В 1939 г. в структуру НКВД СССР входили: Главное управление государственной безопасности с отделами: а) охраны руководящих партийных и советских работников; б) секретно-политическим; в) контрразведывательным; г) особым; д) иностранным; е) шифровальным; Главное экономическое управление; Главное транспортное управление. Кроме того, в составе НКВД имелись Главное управление пограничных и внутренних войск, Главное архивное управление, Главное управление пожарной охраны, Главное управление шоссейных дорог, Главное управление лагерей, Главное тюремное управление, Центральный отдел актов гражданского состояния, Управление коменданта Московского Кремля, Управление по делам военнопленных и интернированных, Главное управление рабоче-крестьянской милиции⁹. Штат центрального аппарата в 1940 г. составлял 32 642 чел., увеличившись с 1934 г. почти в 4 раза.

В мае 1935 г. на милицию была возложена обязанность по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, для чего при милицеских подразделениях были сформированы специальные детские комнаты. В июле 1936 г. в ведение НКВД передается Государственная автомобильная инспекция (ГАИ). В марте 1937 г. создается Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС). Одновременно аппараты ОБХСС учреждаются в республиканских и местных органах милиции. В середине 1937 г. в местах расположения управлений железных дорог создаются отделы железнодорожной милиции. Для руководства местными органами железнодорожной милиции в ГУРКМ НКВД СССР был создан специальный отдел.

В сентябре 1939 г. в связи с принятием закона о всеобщей воинской повинности на органы милиции возлагается обязанность по осуществлению учета военнообязанных и призывников. Во всех городских, районных и поселковых отделениях милиции создаются военно-учетные столы. В этом же году в целях активизации борьбы с пьянством вытрезвители передаются из системы Наркомата здравоохранения в систему НКВД и структурно входят в органы милиции.

В условиях роста международной напряженности в конце 1930-х гг. советское правительство возлагает на НКВД ряд задач, направленных на укрепление обороноспособности страны. В 1939 г. при НКВД СССР организуется Особое техническое бюро, состоящее из семи производственных групп. За каждой из них закреплялось конкретное направление деятельности: самолетостроение, дизелестроение, судостроение, проектирование артиллерийских систем, производство броневых сталей, взрывчатых и отравляющих веществ. В указанном учреждении работало более 300 специалистов, арестованных органами НКВД в 1937–1938 гг. по обвинению в проведении антисоветской работы¹⁰.

Охрана лесов, золотого запаса, добыча алмазов, нефти и угля, строительство военных аэродромов, железных и шоссейных дорог, прокладка новых каналов, обеспечение безопасности высокопоставленных государственных работников также входили в компетенцию органов НКВД. К тому списку можно добавить такие предприятия, как Главное управление по строительству горно-металлургических предприятий, Главгидрострой, Дальстрой и ряд не менее крупных ведомств, которые выполняли важнейшие государственные задачи, осваивая новые регионы страны. Таким образом, к началу 1940-х гг. НКВД СССР являлся комиссариатом, сосредоточившим в своих руках беспрецедентный объем административно-политических и социально-экономических функций государства. Представляя из себя карательный орган партийно-государственного механизма, беспрекословно выполняя директивные указания властных структур, органы внутренних дел обеспечивали реализацию важнейших стратегических направлений внутренней политики сталинского руководства.

Сосредоточение множества функций в одних руках делало деятельность ведомства громоздкой и трудноуправляемой. Именно поэтому 3 февраля 1941 г. принимается решение о разделении Наркомата внутренних дел СССР на два самостоятельных ведомства: Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ). К числу основных направлений деятельности НКГБ СССР были отнесены: осуществление разведывательной работы за границей, ведение борьбы со шпионажем, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок внутри СССР; оперативная разработка и ликвидация остатков антисовет-

ских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР, обеспечение охраны партийно-советского руководства. Аналогичные структурные преобразования проводятся в органах внутренних дел союзных и автономных республик, краев и областей. Органы милиции передаются в ведение НКВД СССР.

Начавшаяся Великая Отечественная война самым непосредственным образом повлияла на систему органов внутренних дел, организацию ее деятельности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» в местностях, объявленных на военном положении, функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где они отсутствовали, – высшему командованию войсковых соединений. В соответствии с этим в местностях, объявленных на военном положении, органы внутренних дел переходили в полное подчинение военному командованию.

24 июня 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», возложив его исполнение на НКВД СССР. Во исполнение этого Постановления приказом НКВД СССР № 00804 от 24 июня 1941 г. для обеспечения своевременной борьбы с парашютными десантами и диверсантами при НКВД СССР организуется штаб, а при УНКВД – оперативные группы, которым поручалось в течение суток организовать при городских и районных отделах (отделениях) НКВД истребительные батальоны по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника. Их командный состав комплектовался в основном за счет личного состава войск НКВД и органов милиции¹¹.

6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». К функциям органов внутренних дел прибавились такие, как борьба с паникерами, распространителями провокационных слухов и измышлений. За годы Великой Отечественной войны территориальными органами внутренних дел и государственной безопасности было обезврежено около 2 тыс. немецких агентов и диверсантов.

Для лучшего взаимодействия всех специальных и правоохранительных органов в борьбе с врагом указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ вновь были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел. Наркомом внутренних дел остался Л.П. Берия, бывший нарком госбезопасности В.Н. Меркулов стал его первым заместителем. Приказом НКВД № 00983 от 31 июля 1941 г. была объявлена новая структура аппарата НКВД, включающая 47 управлений, отделов и групп.

Дальнейшие изменения структуры центрального аппарата НКВД и его местных органов зависели от обстановки на фронте и в стране.

Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 22 октября 1941 г. во всех крупных городах прифронтовой полосы образовывались городские комитеты обороны, в состав которых входили и начальники местных органов милиции. Эти комитеты наряду с решением других важнейших вопросов руководили деятельностью милиции по охране общественного порядка.

В августе 1941 г. на плечи НКВД легли дополнительные обязанности по переселению лиц немецкой и других национальностей, воюющих с СССР стран. Это обуславливалось целым рядом причин, среди которых были и многочисленные факты пособничества представителей этих национальностей немецким войскам. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ № 21-60 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В связи с этим в составе НКВД в тот же день был образован Отдел спецпереселений. В сентябре–декабре 1941 г. из Поволжья, Крыма, Саратовский, Сталинградской и ряда других областей в Казахстан, Сибирь и на Европейский Север СССР было выселено 799 459 немцев, для чего понадобилось 344 эшелона¹².

Новой и очень важной задачей советской милиции в годы Великой Отечественной войны явилась работа по розыску утерянных родителями детей при эвакуации и других обстоятельствах военного времени. Данная функция была возложена на органы милиции постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В составе Главного управления милиции НКВД СССР был создан центральный адресный стол, а при республиканских, областных, районных и городских органах милиции – справочные и адресные детские столы. Эти органы вели работу по выявлению детей, оставшихся без родителей, и размещению их в приемниках-распределителях для последующего устройства.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. территориальным управлениям НКВД поручалась работа по обеспечению надлежащих условий для учебы и быта детей-сирот. В этих целях в регионах открывались дома ребенка, приемники-распределители, специальные профтехучилища. 17 ноября 1943 г. вышел приказ НКВД СССР № 686 «Об организации специальных трудовых колоний НКВД СССР». Воспитанники данных учреждений получали увеличенные нормы питания и вещевое довольствие, осваивали школьную программу, получали производственную квалификацию¹³.

Органы милиции за годы войны провели большую работу по охране государственной и общественной собственности. 22 января 1943 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление «Об усилении борьбы с хище-

ниями и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», выполнение которого главным образом поручалось органам милиции. Аппараты БХСС проводили мероприятия по пресечению злоупотреблений в торговых организациях, выявляли и разоблачали воров и спекулянтов. Об эффективности этой работы свидетельствует следующий факт; если за преступления, совершенные в сфере продовольственного снабжения, в 1942 г. милицией г. Ленинграда было привлечено к уголовной ответственности 1248 чел., то в 1943 г. – всего 126 чел.¹⁴

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны обусловил реорганизацию органов внутренних дел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 г. происходит новое разделение НКВД СССР на два наркомата – НКВД СССР и НКГБ СССР. 19 апреля 1943 г. постановлением СНК № 915-138сс учреждается Главное управление контрразведки СМЕРШ, образованное на базе Управления особых отделов НКВД. Органы военной контрразведки занимались разоблачением вражеских агентов, их диверсионной и подрывной деятельности в районах боевых действий на освобожденных территориях, а также осуществляли проверку благонадежности советских военнослужащих, бежавших из плена, вышедших из окружения и оказавшихся на оккупированной немецкими войсками территории.

В справке о ходе проверки бывших окруженцев и бывших военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г., представленной Л.П. Берии заместителем наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышовым, указывалось, что через спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена (образованы решением ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г.), прошло 354 592 чел., в том числе 50 441 офицер. Из этого числа было проверено и передано в Красную армию 249 416 чел., в промышленности по постановлениям ГКО – 30 749 чел., на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей – 5924 чел., арестовано органами СМЕРШ – 11 556 чел., убыло по разным причинам за все время в госпитали, лазареты и умерло – 5347 чел. Еще 51 601 чел. проходил проверку в спецлагерях НКВД¹⁵.

Важным направлением деятельности органов милиции была борьба с преступностью, характер которой в годы войны заметно изменился. Появился ряд особо опасных преступлений, таких как дезертирство, мародерство, активизировались мошенники и фальшивомонетчики. О масштабах работы, проводившейся милицией Ленинграда по борьбе с преступностью, говорят следующие цифры: за 1944 г. у преступников было изъято 6 561 238 руб., 3393 американских доллара, 15 232 руб. в золотой монете царской чеканки, 254 шт. золотых часов и 15 кг золота. За этот же период было разыскано и возвращено потерпевшим имущества и иных ценностей на

сумму 20 710 тыс. руб. Всего, таким образом, за год милиция города изъяла у преступников ценностей на общую сумму 42 750 тыс. руб.¹⁶

В новых условиях работала и пожарная охрана. Пожарные команды городов и крупных объектов промышленности были переведены на военизированное положение. Особое значение приобретали вопросы ликвидации пожаров во время налетов вражеской авиации, повышения боевой готовности команд, проведения профилактической работы по предупреждению пожаров. В соответствии с нуждами войны была перестроена деятельность ГАИ, аппараты которых на местах проводили мобилизацию автотранспорта для нужд Красной армии, обеспечивали проверку его технического состояния.

Вместе с другими органами НКВД СССР на военный лад перестраивали деятельность местные исправительно-трудовые учреждения. В первый же день войны НКВД СССР издал указание наркомам внутренних дел союзных республик, краев и областей перевести охрану лагерей и колоний на военное положение. Деятельность этих учреждений была направлена на усиление изоляции осужденных и борьбу с антисоветскими проявлениями в их среде; сохранение физического состояния контингента для полного трудового использования; комплектование из них рабочей силы для оборонных строителств и предприятий; всемерное усиление производства боеприпасов и другой необходимой продукции; расширение собственной производственной базы.

В годы Великой Отечественной войны НКВД превратился в крупнейшее военно-строительное ведомство. К 1944 г. 640 предприятий пользовались трудом осужденных. По подсчетам М.Ю. Морюкова, спецконтингент составлял 55% от числа всех рабочих, занятых на производстве в ключевых оборонных наркоматах. За 1941–1945 гг. руками заключенных было построено 842 аэродрома, проложено 3573 км железных и 5 тыс. км шоссейных дорог, 1 тыс. км нефтепроводов, добыто 315 т золота, 14 398 т концентрата олова, 8924 т угля, 407 тыс. т нефти, произведено 25 млн ручных гранат, 14 млн противотанковых и противопехотных мин и множество наименований другой военной продукции¹⁷. Большой вклад в это производство внесли исправительно-трудовые учреждения, подчиненные территориальным управлениям НКВД.

Роль наркомата внутренних дел в укреплении обороноспособности страны была отмечена 30 сентября 1943 г., когда указом ПВС СССР за особые заслуги в деле увеличения производства вооружения и боеприпасов наркому внутренних дел Л.П. Берии было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Верный сталинский нарком всеми силами старался оправдать почетное звание. Последние месяцы 1943 г. и первая половина 1944 г. стали периодом проведения целой серии специальных операций по выселению народов, обвиненных

сталинским руководством в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами. В результате проведенных операций было выселено 362 тыс. чеченцев, 134 тыс. ингушей, 68 тыс. карачаевцев, 37 тыс. балкарцев, 92 тыс. калмыков, 228 тыс. крымских татар, греков и армян¹⁸.

В период войны на базе исправительных учреждений в большинстве регионов СССР создаются лагеря для военнопленных, подчиненные НКВД СССР, но организационно выделенные в рамках этого наркомата. Увеличение численности обезоруженных неприятельских солдат и офицеров повлекло за собой постепенную перестройку органов по делам военнопленных. Летом 1943 г. лагеря было решено подчинить по территориальности областным, краевым и республиканским УНКВД. В составе местных УНКВД формируются отделения по руководству лагерями и спецгоспиталями военнопленных, а также спецлагерями для содержания бывших красноармейцев, побывавших в немецком плену или окружении. Кроме того, в начале 1943 г. при управлении войск НКВД по охране тыла фронтов создаются отделения по делам военнопленных, на которые возлагались задачи по организации приемных пунктов и отправке военнопленных из прифронтовой полосы в тыловые лагеря.

В целях улучшения руководства работой лагерей военнопленных и интернированных, число которых в стране достигло 200 единиц, нарком внутренних дел Л.П. Берия приказом № 0014 от 11 января 1945 г. реорганизовал Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) в Главное управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). Одновременно в состав управлений областных НКВД вводятся отделы по делам военнопленных и интернированных¹⁹.

Благодаря победному завершению войны с фашистской Германией и Японией Советский Союз вошел в число сверхдержав. Для того чтобы закрепить за страной этот статус, И.В. Сталину нужна была атомная бомба, которая в то время имелась только у США. В начале 1945 г. в составе НКВД появляется Спецуправление, которое занимается организацией разведки добычи и переработки урана. В июне 1945 г. его переименовывают в 9-е управление НКВД. В это же время НКВД координирует разведывательную деятельность по добычанию сведений о ядерном оружии²⁰.

С августа 1945 г. Л.П. Берия возглавил Спецкомитет по руководству всеми работами, связанными с использованием ядерной энергии, а поэтому 29 декабря 1945 г. он был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел. В этот же день указом ПВС СССР новым наркомом был назначен С.Н. Круглов.

15 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет министров СССР, в свою очередь наркоматы СССР были переименованы в министерства СССР. В соответствии с

этим законом НКВД СССР был переименован в МВД СССР.

Главной задачей, поставленной перед МВД СССР, являлось преодоление разгула преступности, вызванного чрезвычайными условиями военного времени. Опубликованные в последние годы архивные документы позволяют говорить о том, что в большинстве регионов СССР в конце 1945 г. сложилась чрезвычайная обстановка. В городах орудовали шайки бандитов и хулиганов, буквально терроризировавшие население. С наступлением темноты люди боялись выходить на улицу, посещать общественные места. По данным прокуратуры СССР, за 11 месяцев 1946 г. к судебной ответственности было привлечено за квартирные кражи более 162 600 чел., за разбой и уличные грабежи – свыше 34 600 чел. Кроме того, за это же время было предано суду 13 800 чел. за бандитизм, 9650 чел. за убийства и более 66 500 чел. за хулиганство²¹.

Для усиления борьбы с криминалом приказом МВД СССР № 00691 от 13 июля 1946 г. отдел уголовного розыска Главного управления милиции МВД был преобразован в Управление уголовного розыска (УУР) ГУМ МВД СССР. На управление была возложена задача борьбы со всеми видами уголовных преступлений²². Об успешном выполнении этой задачи свидетельствует докладная записка министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова И.В. Сталину о состоянии уголовной преступности в СССР за 1947 г. В ней отмечалось: «По сравнению с 1946 годом уголовная преступность в 1947 году уменьшилась на 93 110 случаев, или на 17%. Если в течение 1946 года было зарегистрировано всего 546 275 уголовных преступлений, то в 1947 году – 453 165 уголовных преступлений. По сравнению с 1940 годом уголовная преступность уменьшилась на 800 782 преступления, или почти в три раза»²³.

Не менее важными задачами, вставшими перед страной в послевоенный период, было восстановление разрушенной войной социально-экономической инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства, путей сообщения, обеспечение населения минимальным набором товаров и услуг первой необходимости. Для этого следовало использовать все ресурсы, в том числе ресурсы силовых ведомств.

Министерство внутренних дел было активно задействовано в выполнении грандиозных планов четвертой сталинской пятилетки (1946–1950 гг.). Сократившаяся за годы войны сеть исправительно-трудовых учреждений начиная с 1946 г. вновь стала разрастаться. Если на 1 января 1946 г. в стране действовало 44 исправительно-трудовых лагеря, то к концу 1948 г. их число достигает 79²⁴. Так, 10 ноября 1947 г. был издан приказ МВД СССР «Об организации Главного управления лагерей гидротехнического строительства». В подчинение вновь созданного главка были переданы строительство Волго-Балтийского водного пути, Москворецкой водной системы, Широковской гидроэлектростанции, Опоковского гидроузла²⁵.

Наглядное представление о колоссальных масштабах хозяйственной деятельности МВД СССР дают данные о работе одного из крупнейших главков – Дальстроя МВД СССР. В докладной записке С.Н. Круглова, направленной на имя Л.П. Берии и Г.М. Маленкова 1 сентября 1949 г., отмечалось: «Дальстрой осуществляет задачи промышленного, энергетического, дорожного и культурно-бытового освоения районов Крайнего Севера в бассейнах рек Колымы и Индигирки, на Чукотском полуострове и на Арктическом побережье. Территория деятельности Дальстроя составляет свыше 2,5 млн. квадратных километров. Основным содержанием хозяйственной деятельности Дальстроя МВД СССР является добыча полезных ископаемых: золота, олова, вольфрама, кобальта и каменного угля.

В системе Дальстроя МВД СССР имеется 7 горно-промышленных управлений, в составе которых 55 приисков, 15 рудников, 19 обогатительных фабрик, 7 мощных электростанций, узкоколейных железных дорог протяженностью в 150 километров и ряда других подсобных предприятий. Сеть автодорожных магистралей на территории Дальстроя превышает 2500 километров.

Флот Дальстроя представлен морскими судами общим тоннажем 24 тысячи тонн и речными судами – 45 тысяч тонн. Дальстрой располагает крупными морскими портами: Нагаево, Ванино, Находка. Общий грузовой поток Дальстроя достигает 700 000 тонн. Кроме того, в Дальстрое имеется собственный воздушный флот, осуществляющий перевозки грузов и людей...

Научно-исследовательскую работу в Дальстрое ведет Всесоюзный Магаданский научно-исследовательский институт.

Штатная численность главного управления, отраслевых управлений и производственных предприятий Дальстроя составляет 131 500 человек, в том числе офицерского состава 7000 человек, сержантского и рядового состава – 9500 и вольнонаемных, в том числе рабочих, 115 000 человек»²⁶.

Таким образом, МВД к началу 1950-х гг. превратилось в огромное промышленно-пенитенциарное ведомство.

Ориентация МВД СССР на первоочередное решение народнохозяйственных задач привела к постепенному перетеканию функций по охране общественного порядка в руки другого ведомства – Министерства государственной безопасности. В ноябре 1946 г. в составе последнего было образовано Особое совещание. В январе 1947 г. из МВД в МГБ были переданы внутренние войска и транспортная милиция, в апреле 1948 г. – войска по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог, в апреле 1949 г. – Государственное хранилище ценностей, в октябре 1949 г. – органы милиции и пограничные войска, в 1950 г. – Главное управление по борьбе с бандитизмом и Отдел спецпоселений.

В августе 1950 г. МГБ СССР осуществило реорганизацию Главного управления милиции. В со-

ставе ГУМ МГБ СССР было образовано три управления: Управление милицейской службы (охрана общественной безопасности и порядка в стране, проведение административных мероприятий по исполнению законов и распоряжений центральных и местных органов власти, регулирующих управление в области охраны общественного порядка и борьбы с преступностью); Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией; Управление уголовного сыска. Соответствующим образом менялась и структура управлений милиции на нижестоящем уровне.

Концентрация силовых ресурсов в МГБ объясняется, с одной стороны, процветающим карьеризмом и амбициозностью руководства органов госбезопасности во главе с В.С. Абакумовым, пользовавшимся особым доверием советского вождя. С другой стороны, роль органов госбезопасности повышалась в связи с усилением политического контроля над обществом в послевоенные годы, ростом оппозиционных настроений среди советских граждан²⁷.

В марте 1953 г., после смерти И.В. Сталина, процесс централизации правоохранительной системы достиг апогея – Министерство внутренних дел и Министерство государственной безопасности слились в одно министерство (МВД СССР), которое вновь возглавил Л.П. Берия, одновременно назначенный первым заместителем председателя Совета министров. В ответ политические противники Л.П. Берии, представлявшие собой КПСС и армию, объединили усилия с целью вывести из политической борьбы своего опасного конкурента. На июльском пленуме ЦК КПСС (1953 г.) был рассмотрен вопрос о деятельности лидера правоохранительной системы, в результате чего он был снят со всех занимаемых должностей и предан суду. На пленуме говорилось о необходимости усиления контроля партии за работой всех организаций и ведомств. «Необходимо, в этом числе, взять под систематический и неослабный контроль деятельность органов Министерства внутренних дел. Это не только право, но и прямая обязанность партийных организаций»²⁸.

Одновременно ряд крупных хозяйственных подразделений МВД СССР передается в другие министерства и ведомства. Так, Министерству металлургической промышленности передаются Дальстрой, Енисейстрой, Министерству электростанций и электропромышленности – Гидропроект, Куйбышевгидрострой, Сталинградгидрострой, Министерству нефтяной промышленности – Главспецнефтьстрой, Министерству сельского хозяйства и заготовок – Средазгидрострой, Министерству промышленности строительных материалов – Главасбест и Главслюда, Министерству лесной и бумажной промышленности – Главное управление лагерей лесной промышленности, Министерству водного и речного флота СССР – Главгидровологбалтстрой²⁹.

Переподчинение этих объектов диктовалось еще одним важным обстоятельством. 27 марта 1953 г. ПВС СССР издал указ «Об амнистии»,

который обязывал МВД СССР освободить из лагерей ряд категорий заключенных, «совершивших преступления, не представляющие большой опасности для государства, и своим добросовестным отношением к труду доказавших, что они могут вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами общества»³⁰. В число амнистируемых попадали, во-первых, лица, осужденные на срок до 5 лет включительно, во-вторых, лица, осужденные за должностные, хозяйственные и воинские преступления, в-третьих, женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет, в-четвертых, несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, в-пятых, мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, в-шестых, осужденные, страдавшие тяжелым неизлечимым недугом. Амнистия не применялась в отношении лиц, осужденных на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство.

1 сентября 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ об упразднении органа внесудебной репрессии – Особого совещания при министре внутренних дел СССР. Прекращение массовых политических репрессий в стране привело к реорганизации уголовно-исполнительной системы. 28 марта 1953 г. ГУЛАГ передается из МВД СССР в Министерство юстиции. В составе МВД остаются только особые лагеря, в которых отбывают наказание особо опасные государственные преступники³¹.

Массовое освобождение из лагерей заключенных привело к заметному росту преступности в СССР, что, впрочем, было вполне предсказуемо. В 1953 г. по сравнению с предыдущим годом уголовная преступность увеличилась более чем в два раза: с 153 199 преступлений в 1952 г. до 347 134 в 1953 г.³² 27 августа 1953 г. Совет министров СССР издал постановление «О мерах по укреплению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью». Особое внимание в нем было уделено укреплению законности в деятельности МВД, профилактике преступлений, повышению качества ведения следствия по уголовным делам.

В январе 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата». Руководствуясь этим постановлением, МВД СССР приняло решение пересмотреть штаты органов милиции по различным регионам с учетом перемен в численности населения и оперативной обстановке. В результате управленческий штат был сокращен на 12%. Спустя два месяца МВД СССР издало директиву «О работе среди населения», которая поставила задачу укрепления связи органов милиции с трудящимися и общественными организациями.

В марте 1954 г. при Совете министров СССР был образован союзно-республиканский Комитет государственной безопасности, в результате чего органы госбезопасности вывелись из системы МВД. В рамках курса на ослабление централизма и расширение прав республик в

апреле 1955 г. было организовано Министерство внутренних дел РСФСР. Министром внутренних дел РСФСР стал заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант Н.П. Стаханов.

Постановлением Совета министров РСФСР № 680-106с от 21 мая 1955 г. устанавливалась структура центрального аппарата МВД РСФСР. В состав МВД РСФСР вошли следующие подразделения: Управление милиции (штат 240 чел.), УИТЛК (120 чел.), Управление пожарной охраны (63 чел.), Управление службы МПВО (35 чел.), Управление кадров (41 чел.), Архивное управление (30 чел.), Хозяйственное управление (92 чел.), Тюремное управление (25 чел.), Отдел детских трудовых и воспитательных колоний (29 чел.), 1-й спецотдел (17 чел.), 4-й спецотдел (23 чел.), Отдел фельдсвязи (29 чел.), Финансовый отдел (32 чел.), 5-е спецотделение (5 чел.), Контрольная инспекция (5 чел.), Секретариат МВД РСФСР (29 чел.).³³

1956 г. стал для МВД СССР годом коренных преобразований. 31 января 1956 г. Указом ПВС СССР С.Н. Круглов был освобожден от обязанностей министра. Новым министром внутренних дел был назначен Н.П. Дудоров, работавший до того заведующим отделом строительства ЦК КПСС. Впервые за 20 лет на должность силового министра был назначен гражданский человек, непрофессионал, всю свою жизнь занимавшийся хозяйственной и партийной работой.

25 октября 1956 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР», в соответствии с которым принимались меры по улучшению деятельности органов МВД для дальнейшего укрепления законности и общественного порядка в стране. В частности, были реорганизованы управления МВД и управления милиции в краях и областях в единые управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, а отделы (отделения) милиции в городах и районах были преобразованы в отделы (отделения) милиции исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся. Этими мерами был восстановлен принцип двойного подчинения милиции – местным Советам и вышестоящим учреждениям МВД. Начальники отделов теперь должны были отчетываться на заседаниях исполкомов и на коллегии областного управления внутренних дел. Основным направлением правоохранительной политики отныне стало привлечение общественности к борьбе с преступностью.³⁴

Изучая историю органов внутренних дел сталинского периода, можно прийти к выводу, что объем функций, возлагаемых на органы охраны правопорядка, помогает понять сущность того или иного политического режима. Так, наделение НКВД–МВД СССР в середине 1930-х – начале 1950-х гг. максимально возможным объемом административно-политических и экономических прерогатив свидетельствовало о формировании в стране тоталитарного режима. И наоборот, изъятие из полномочий МВД после смерти

И.В. Сталина не характерных для него функций явилось свидетельством постепенной демократизации режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 203.

² См.: Министерство внутренних дел. 1902–2002. М., 2004. С. 233.

³ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941 гг.: Справочник. М., 1999. С. 32.

⁴ См.: Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М., 2005. С. 193–194.

⁵ См.: Воронцов С.А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов н/Д, 1999. С. 199–200.

⁶ См.: Верт Н. История Советского государства. М., 2006. С. 259.

⁷ См.: Детков М.Г. Тюрем, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 253.

⁸ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 48.

⁹ См.: Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 143–144.

¹⁰ См.: Министерство внутренних дел. 1902–2002. С. 241.

¹¹ См.: Моруков Ю.Н. История органов правопорядка России в точных датах: Хронологический справочник. М., 2007. С. 103.

¹² См.: Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 299, 369–370.

¹³ См.: Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002. С. 396–397.

¹⁴ См.: Белозеров Б.П. Фронт без границ. 1941–1945. СПб., 2001. С. 187.

¹⁵ См.: Бичехов А.Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке: Сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 70–71.

¹⁶ См.: Советская милиция: история и современность. М., 1987. С. 168.

¹⁷ См.: Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 159–162; Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М., 2005. С. 238; Белозеров Б.П. Фронт без границ. 1941–1945. СПб., 2001. С. 199.

¹⁸ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005. С. 105, 107.

¹⁹ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М., 2000. С. 120–122.

²⁰ См. подр.: Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М., 2005. С. 362–440.

²¹ См.: Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 189, 202.

²² См.: Моруков Ю.Н. История органов правопорядка России в точных датах. С. 121.

²³ Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 207.

²⁴ См.: Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере. 1919–1953 гг. Архангельск, 2004. С. 113.

²⁵ См.: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М., 2005. С. 13.

²⁶ Там же. С. 399.

²⁷ См. подр.: Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М., 2006.

²⁸ См.: Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 256–257.

²⁹ См.: Министерство внутренних дел. 1902–2002. М., 2004. С. 408–409.

³⁰ Архив Управления внутренних дел по Вологодской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 596. Л. 12.

³¹ Однако уже в январе 1954 г. ГУЛАГ был вновь возвращен в МВД.

³² См.: Полиция и милиция России: страницы истории. С. 257.

³³ См.: Министерство внутренних дел. 1902–2002. С. 412.

³⁴ См. подр.: Пыжиков А.В. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103–110.

Основные направления преобразования системы органов милиции в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

В.А. ГУСАК – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Челябинского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье исследуются тенденции и закономерности организации и деятельности милиции в военный период. Автор выделяет два направления преобразования централизованной системы органов милиции: во-первых, были созданы новые подразделения вследствие расширения в военный период объема функций милиции, во-вторых, произошла активизация ряда направлений деятельности милиции, в первую очередь связанных с организованной эвакуацией. Основное внимание уделяется второму направлению, акцентируется внимание на деятельности железнодорожной милиции, борьбе с хищениями, пресечении детской беспризорности и безнадзорности, справочной деятельности милиции. Отмечается, что принятые меры организационного и функционального характера были обусловлены особенностями военной обстановки. В сложившихся условиях функции милиции, направленные на обеспечение общественного порядка, бесперебойной и эффективной работы тыла, существенно расширились, при этом органы милиции выполняли многоплановые задачи, которые охватывали целый спектр проблем мобилизационного, организационного, контрольного и уголовно-правового характера.

Ключевые слова: государственные органы; правоохранительные органы; система органов милиции; железнодорожная милиция; борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью; борьба с хищениями; справочная деятельность милиции; обеспечение функционирования тыла.

Современные методы теории государства и права позволяют с юридической точки зрения проанализировать исторический опыт деятельности милиции в период Великой Отечественной войны. Исследование тенденций и закономерностей организации и деятельности милиции, ее положения в системе государственных органов, организационного преобразования системы органов милиции в военный период позволяет раскрыть некоторые исторические и юридические аспекты политической и социально-экономической обстановки военного периода.

Начало Великой Отечественной войны потребовало изменения деятельности всех государственных органов, преобразования их структуры и организационно-правовых форм работы. Цель проведенных преобразований в системе органов милиции заключалась в наиболее эффективной организации ее деятельности в соответствии с закономерным процессом выдвижения на первый план функции обороны страны. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., которую Р.С. Мулукаев называет программным документом перестройки жизни страны в условиях военного времени¹, утверждались основные принципы преобразований: «Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану

заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи»². Милиция являлась тем органом, который, непосредственно и постоянно взаимодействуя с населением, обеспечивал укрепление правопорядка, общественной дисциплины, борьбу с преступностью, то есть осуществлял функции, которые в военный период рассматривались как необходимые условия победы³. Деятельность органов милиции необходимо было подчинить интересам фронта и укреплению тыла, цели обеспечения его нормального функционирования⁴.

Можно выделить два направления преобразования централизованной системы органов милиции: во-первых, были созданы новые подразделения вследствие расширения в военный период объема функций милиции, во-вторых, произошла активизация ряда направлений деятельности милиции, в первую очередь связанных с организованной эвакуацией.

Как и до начала войны, высшим органом милиции было Главное управление милиции НКВД СССР. Ему подчинялись управления милиции НКВД союзных и автономных республик, начальники этих управлений одновременно являлись и заместителями наркомов внутренних дел по милиции. Управления милиции также входили в состав УНКВД краев и областей. Начальники управлений милиции краев и областей являлись заместителями начальников УНКВД. В городах, районных центрах, поселках действо-

вали отделы милиции, входившие в состав горрайотделов НКВД.

Второе направление предполагало обусловленную военной обстановкой активизацию 1) деятельности железнодорожной милиции, 2) борьбы с хищениями, 3) пресечения детской беспризорности и безнадзорности, 4) справочной деятельности милиции. Логика дальнейшего изложения будет построена на последовательном анализе изменений деятельности милиции в указанных сферах, при этом основной акцент будет сделан на взаимодействии милиции с другими государственными органами.

Процесс организованной эвакуации и приема эвакуированного населения, эвакуации предприятий, учреждений и организаций, военных и иных грузов, промышленных объектов, оборудования, сырья, ресурсов сельского хозяйства, техники, культурных ценностей, который в начале войны приобрел массовый характер, являлся одной из наиболее сложных задач начального периода войны. Всего во второй половине 1941 г. было перебазировано в восточные районы страны более 2743 предприятий. В этот период в тыл было эвакуировано по железным дорогам свыше 10 млн чел. и водным транспортом – 2 млн чел.⁵

Работа железнодорожной милиции была перестроена с учетом условий военного времени. Весь личный состав был переведен на казарменное положение, сотрудники перешли на усиленный вариант несения службы. В краткий срок произошли существенные изменения работы подразделений и управленческого аппарата. Так, наружная служба вместо трех смен в сутки по восемь часов стала выставлять две смены по двенадцать часов. Рабочий день других сотрудников дорожного отдела был установлен до часа ночи⁶.

На железнодорожную милицию были возложены обязанности по обеспечению безопасности эвакуированных граждан, поддержанию правопорядка в местах их временного пребывания. Функции по охране стратегически значимого промышленного оборудования, в том числе оборонного назначения, эвакуированного продовольствия, культурных ценностей от преступных посягательств осуществлялись совместно с органами государственной безопасности.

В непосредственной близости к районам военных действий железнодорожная милиция обеспечивала точное выполнение приказов военного командования и Наркомата путей сообщения в отношении воинских перевозок, а также информировала о появлении вражеских войск и парашютистов в местах эвакуации, контролировала вопросы отвода железнодорожного состава в тыл страны. Железнодорожная милиция оказывала содействие уполномоченным СНК СССР в организации погрузки, встречи и выгрузки эвакуированного имущества и населения.

Функции железнодорожной милиции, обу-

словленные военной обстановкой, такие как выявление вражеского и уголовного элемента, изъятие незаконно хранимого оружия, борьба с мародерством, военным и трудовым дезертирством, уклонением от призыва, распространением панических слухов, осуществлялись совместно с территориальными органами милиции. Для этих целей на крупных станциях были созданы оперативные заслоны, усилены милицейские посты, действовали специальные оперативные группы, которые сопровождали пригородные поезда. Так, в ноябре 1943 г. в Казани силами шести оперативных групп было задержано 5 подозреваемых в дезертирстве из Красной армии, 4 подозреваемых в дезертирстве с оборонных предприятий и не имеющих документов, 20 подозреваемых в совершении краж, 1 чел. за хулиганство, 39 беспризорных и безнадзорных детей, 207 нарушителей постановлений НКПС⁷.

Для приема и проверки прибывающих лиц были организованы специальные приемные пункты, где сотрудники паспортных столов милиции и уголовного розыска осуществляли проверку документов и выяснение обстоятельств прибытия эвакуированных граждан, изъятие незаконно хранимого оружия⁸.

В целом, по данным Государственного архива Российской Федерации, во второй половине 1941 г. органами транспортной милиции было задержано 32 526 дезертиров, в 1942 г. – 31 183, в 1943 г. – 52 847, из них 29 760 были арестованы и переданы в органы НКВД и НКГБ, 23 087 чел. переданы начальникам гарнизонов, в 1944 г. было задержано 107 602 чел., из них были арестованы и переданы в органы НКВД и НКГБ 32 722 чел., переданы начальникам гарнизонов 74 880 чел.⁹

Вторая сфера деятельности милиции, в которой произошли преобразования, связана с необходимостью усиления борьбы с хищениями. Общественная опасность хищений продовольствия и продовольственных карточек в военный период возрастала в связи с тем, что хищения могли привести к массовым нарушениям общественного порядка и дестабилизации обстановки в тылу. Отделы борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС) были созданы в органах милиции еще в марте 1937 г. Для усиления борьбы с хищениями социалистической собственности в 1941 г. была увеличена штатная численность аппаратов БХСС в целом по стране на 30,7%¹⁰, что позволило организовать в республиканских и областных управлениях милиции отделы БХСС, а в их составе создать специализированные отделения, сделать их работу более эффективной.

Перемещение значительных материальных ценностей в процессе эвакуации также требовало активизации деятельности по предупреждению и пресечению хищений, особенно со стороны организованных преступных групп. В

соответствии с приказом НКВД СССР от 30 сентября 1941 г. на базе отдела по борьбе с бандитизмом Главного управления милиции НКВД СССР был создан отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ) НКВД СССР, что способствовало усилению борьбы с этим наиболее опасным видом преступлений. Сотрудники ОББ НКВД предотвращали факты массового бандитизма, а также побеги и беспорядки в среде спецпоселенцев¹¹.

Выделение ОББ НКВД СССР в самостоятельное подразделение не означало освобождения органов милиции от участия в борьбе с организованными преступными группами. В подразделениях уголовного розыска сохранялись должности оперативных уполномоченных по борьбе с бандитизмом. В целях улучшения работы милиции по предупреждению и раскрытию данных преступлений в республиканских и областных управлениях милиции были организованы оперативные отделы (отделения) для осуществления мероприятий по заданиям отделов уголовного розыска и БХСС, научно-технической экспертизы, а также для контроля за соблюдением установленного режима на объектах разрешительной системы.

В военный период детская беспризорность и безнадзорность приобрела массовый характер. Сфера деятельности милиции, связанная с пресечением этих негативных социальных явлений, также потребовала существенных преобразований. Согласно директиве НКВД СССР от 11 февраля 1942 г. на органы милиции были возложены обязанности выявления всех оставшихся без родителей детей и направления их в приемники-распределители НКВД¹². Непосредственная реализация этих функций была возложена на детские комнаты милиции, в которые направляли детей, обнаруженных на вокзалах, улицах и в других общественных местах. До 1942 г. такие комнаты действовали не во всех областных и городских центрах, а на железнодорожных станциях их создание вообще, не было предусмотрено. Борьбой с беспризорностью на транспорте занимались поездные бригады, кроме того, действовали заградительные посты для предупреждения проезда беспризорных детей.

В течение всего военного периода сеть детских комнат постоянно расширялась. К концу войны в стране их имелось свыше тысячи по сравнению с 260 в 1941 г.¹³ Для повышения роли детских комнат в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью НКВД СССР 28 июня 1944 г. издал нормативный акт, регулировавший их деятельность, определявший порядок их организации и финансирования¹⁴.

В числе значимых структурных изменений военного периода следует отметить организованный в соответствии с директивой НКВД от 24 июля 1943 г. отдел НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и создание сети таких же подразделений на местах. В отделах территориальной и

транспортной милиции начали действовать отделения (группы) по борьбе с детской преступностью¹⁵. Отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБД ББ НКВД) координировали деятельность всех служб НКВД по борьбе с беспризорностью, осуществляли руководство приемниками-распределителями и трудовыми колониями НКВД для подростков и обеспечивали трудоустройство несовершеннолетних. В то же время детские комнаты милиции организационно не были подчинены отделам по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и в течение всего военного периода продолжали оставаться непосредственно действующим органом, осуществляющим основные функции в этой области.

Еще одна сфера активизации деятельности милиции была связана с тем, что в военный период в процессе эвакуации многие граждане потеряли связь со своими родственниками или близкими. Для учета эвакуированного населения в составе паспортного отдела Главного управления милиции НКВД СССР было создано центральное справочное бюро. Аналогичные органы создавались при паспортных отделах управлений милиции республик, краев и областей. При центральном справочном бюро, а также в других управлениях милиции республик, краев, областей и крупных городов действовали детские справочные столы для розыска детей, утративших связь с родителями в процессе эвакуации или по другим причинам, связанным с военной обстановкой.

Справочные аппараты на местах финансировались за счет местных бюджетов и были немногочисленными. К примеру, в соответствии со штатным расписанием справочное адресное бюро по розыску эвакуированных при Управлении милиции Свердловской области состояло из четырех человек. На учет ими были взяты сотни тысяч эвакуированных граждан, установлены и сообщены десятки тысяч адресов лиц, с которыми в ходе эвакуации была утрачена связь¹⁶.

Наряду с работой по розыску людей и выдачей необходимой информации по индивидуальным запросам паспортные аппараты обеспечивали информацией государственные органы. В 1944 г. кустовыми адресными бюро было выдано 6 183 164 справки органам НКВД СССР, НКГБ СССР, Наркомату обороны СССР, прокуратуре и Наркомату финансов СССР, в 1945 г. – 5 691 983 справки, другим организациям и гражданам – соответственно 1 880 051 и 1 500 680. Кроме того, через систему кустовых адресных бюро в 1945 г. было выявлено свыше 46 тыс. лиц, совершивших преступления¹⁷.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что принятые меры организационного и функционального характера были обусловлены особенностями военной обстановки. Функции милиции, направленные на обеспече-

ние общественного порядка, бесперебойной и эффективной работы тыла, существенно расширились. Органы милиции выполняли многоплановые задачи, которые охватывали целый спектр проблем мобилизационного, организационного, контрольного и уголовно-правового характера. Широкий круг полномочий милиции, ее централизация, организованность и оперативность, координация деятельности милиции с другими государственными органами обеспечивали эффективное функционирование всей системы государственной власти. Преобразования организации и деятельности милиции в области обеспечения организованного процесса эвакуации, борьбы с хищениями, пресечения детской беспризорности и безнадзорности, а также активизация справочной деятельности милиции во многом отражали социально-экономические и правовые особенности военного периода.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мулукаев Р.С. Милиция России (1917–1993 гг.): Историко-правовой очерк. Орел, 1995. С. 128.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 19.

³ См.: Улицкий С.Я. Борьба с преступностью в период Отечественной войны: Учеб. пособие. Владивосток, 2000.

⁴ См.: Сальников В.П. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С. 110; Скилягин А.Т. Советская милиция в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних

дел в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. Л., 1976. С. 153.

⁵ См.: Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1986. С. 408.

⁶ См.: Забайкальская транспортная. Штрихи к истории забайкальской транспортной милиции / В.Г. Прудников, Э.О. Хавкин, В.С. Карасев и др. Чита, 1999. С. 68.

⁷ См.: Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Оп. 5. Д. 831. Л. 95–95об.

⁸ См.: Деятельность милиции Алтайского края в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Учеб. пособие / В.М. Семенов, С.П. Шатилов и др. Барнаул, 2001. С. 6.

⁹ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9478. Оп. 1. Ед. хр. 493. Л. 4, 5.

¹⁰ См.: Григуть А.Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 129.

¹¹ См.: Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 86.

¹² См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 40. Т. 1. Л. 42.

¹³ См.: История советской милиции: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 75.

¹⁴ См.: Смирнова Н.В. Деятельность органов НКВД–МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области. 1941–1949 гг. (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 55.

¹⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 30. Л. 63–69.

¹⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5077. Л. 88.

¹⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1417. Л. 33, 16.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы реализации конституционных прав и свобод осужденных к различным видам наказаний

С.А. СОФРОНОВА – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Кафедрой государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России в 2009 г. завершено исследование по теме «Проблемы реализации конституционных прав и свобод осужденных к различным видам наказания», которое проводилось по заявке Правового управления ФСИН России от 20.12.2005.

Целью исследования являлись анализ содержания конституционных прав и свобод осужденных к различным видам наказания, выявление проблем, возникающих в процессе их реализации, а также выработка рекомендаций по обеспечению соблюдения и реализации прав осужденных в деятельности уголовно-исполнительной системы.

Исследование осуществлялось сотрудниками кафедры совместно с представителями органов и учреждений ФСИН России Вологодской, Архангельской, Мурманской и Ленинградской областей, Карелии, Республики Коми, НИИ ФСИН России.

По результатам проведенного исследования были подготовлены:

- учебное пособие «Реализация неотъемлемых прав и свобод личности в местах лишения свободы»;
- учебно-практическое пособие «Проблемы реализации конституционных прав осужденных к лишению свободы»;
- аналитические материалы «Проблемы реализации принципов международного права при исполнении различных видов наказаний»;
- аналитический обзор практики «Проблемы реализации конституционных прав лиц, осужденных к различным видам наказания (в зарубежных странах)»
- описание опыта «Опыт организации работы помощника начальника территориальных управлений ФСИН России по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе (на примере УФСИН России по Мурманской области, УФСИН России по Вологодской области,

ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области)»;

- описание опыта «Аналитическое обеспечение мониторинга состояния прав осужденных, осуществляемых ФСИН России (на примере УФСИН России по Мурманской области, УФСИН России по Вологодской области)»;

- методические материалы «Вопросы реализации конституционных прав свобод осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы»;

- сборники статей: «Проблемы реализации принципов международного права при исполнении наказания в виде лишения свободы»; «Проблемы реализации конституционных прав лиц, осужденных к различным видам наказания (в зарубежных странах)»; «Проблемы реализации прав и свобод осужденных к лишению свободы»; «Актуальные проблемы назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества».

За период с 2006 по 2009 гг. кафедрой было проведено три научно-практических семинара, посвященных проблемам реализации прав осужденных к различным видам наказания, по итогам которых опубликованы сборники статей.

Теоретическое и методологическое значение проведенного исследования заключается в комплексном подходе к изучению проблем нормативного обеспечения и реализации прав, свобод и законных интересов осужденных к различным видам наказания и выработке на его основе предложений по совершенствованию практики исполнения наказаний в Российской Федерации с учетом требования соблюдения и обеспечения конституционных прав осужденных.

Результаты научно-исследовательских разработок используются в работе органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, иных правоохранительных органов, при организации служебной подготовки сотрудников, а также профессорско-преподавательским составом

высших учебных заведений ФСИН России при проведении учебных занятий по дисциплинам «Конституционное право России», «Международное право», «Права человека в УИС», «Уголовно-исполнительное право».

В частности, учебно-практическое пособие «Проблемы реализации конституционных прав осужденных к лишению свободы» активно используется в учебных центрах ФСИН России в рамках начальной подготовки сотрудников. Обсуждение на учебных занятиях практических заданий, включенных в пособие и подготовленных на основе анализа судебной практики российских судов и Европейского Суда по правам человека, позволяет сформировать необходимые сотрудникам в их практической деятельности компетенции в области прав осужденных.

В ходе проведения исследования кафедрой накоплен богатый фактический материал по вопросам содержания и обеспечения прав осужденных, который был использован при разработке программы правового образования осужденных по курсу «Жизненные умения» в рамках российско-норвежского проекта «Тюрьмы-побратимы» в 2007 г.

Сотрудниками кафедры разработана программа спецкурса «Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы», в основе которой лежат теоретические и практические результаты исследования по вопросам участия общества в выявлении и

пресечении нарушений в области прав осужденных.

Изучение передового опыта деятельности помощников начальников территориальных управлений ФСИН России по соблюдению прав человека в УИС, а также выявленные в ходе исследования проблемы реализации прав осужденных стали основой для разработки на кафедре модели рабочего учебного места помощника начальника учреждения по соблюдению прав человека в УИС. Использование данного рабочего учебного места позволит в дальнейшем внедрить практико-ориентированные методики в процесс преподавания таких дисциплин, как «Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы», «Конституционное право Российской Федерации».

Изучение российского и зарубежного опыта реализации конституционных прав и свобод осужденных к различным видам наказания показало, что одной из основных причин нарушений является недостаточный уровень правовых знаний и правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы. В связи с этим кафедра государственно-правовых дисциплин в 2010 г. инициировала проведение исследования по вопросам содержания и формирования профессиональной правовой культуры, правового образования сотрудников в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы.

Исследование проблем развития и совершенствования альтернативных лишению свободы видов наказаний

А.М. ПОТАПОВ – заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В соответствии с заявкой Правового управления ФСИН России от 20 декабря 2005 г. кафедрой уголовно-исполнительного права в период с 2006 г. по 2009 г. проводилось научное исследование по теме «Проблемы развития и совершенствования альтернативных лишению свободы видов наказаний».

Актуальность данной темы обусловлена тенденциями развития уголовной и уголовно-исполнительной политики, которая направлена на расширение практики применения действующих уголовных наказаний, альтернативных ли-

шению свободы, а также введение новых видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Целью исследования определено изучение проблем развития и совершенствования альтернативных лишению свободы видов наказаний. В ходе работы были выявлены следующие проблемы:

- низкий удельный вес применения наказания в виде штрафа
- возникновение организационных вопросов, связанных с штатной численностью уголовно-

исполнительных инспекций, при применении наказаний в виде исправительных и обязательных работ;

- сохраняется тенденция к росту уровня повторной преступности среди осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. В 2008 г. он составил 0,8% от числа осужденных, прошедших по учетам (более 9 тыс. чел.);

- отсутствие положительной динамики в отношении рецидивной преступности несовершеннолетних. Так, в 2008 г., как и в 2006 г., осуждены за совершение преступлений около 600 подростков, что составляет 0,75% от числа прошедших по учетам; 3 тыс. несовершеннолетних осужденных как нарушители условий и порядка отбывания наказания направлены в места лишения свободы;

- недостаточным является и уровень информационного взаимодействия с органами внутренних дел в части проведения регулярных проверок осужденных по базам данных региональных информационных центров;

- существуют проблемы в нормативно-правовой сфере. В частности, это вопросы, связанные с назначением штрафа несовершеннолетним, не имеющим собственного имущества и источника дохода, выбором формы штрафа, заменой штрафа иным видом наказания в случае злостного уклонения осужденного от его выплаты, взаимодействием уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел и органами местного самоуправления, заменой наказания другими видами наказаний и др.

Объектом исследования стали уголовно-исполнительные правоотношения в сфере исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы.

В качестве предмета исследования выступали: уголовно-исполнительное законодательство, регулирующее исполнение наказаний без изоляции от общества в Российской Федерации, практика применения данных наказаний, результаты научных исследований в данной области, научная литература.

Результаты исследования были реализованы в следующих научных продуктах:

- научный доклад «Уголовное наказание в виде штрафа: практика применения и перспективы развития»;

- аналитический обзор «Организационно-правовые проблемы применения наказания в виде штрафа»;

- лекция «Исполнение наказания в виде штрафа»;

- сборник материалов межведомственного научно-практического семинара «Актуальные вопросы применения уголовного наказания в виде штрафа»;

- научный доклад «Современное состояние и перспективы развития наказаний без изоляции осужденных от общества»;

- практические рекомендации «Исполнение наказаний в виде исправительных и обязательных работ»;

- аналитический обзор «Анализ практики применения наказания в виде обязательных работ»;

- учебно-практическое пособие «Проблемы развития и совершенствования альтернативных лишению свободы видов наказаний».

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Статистические показатели работы уголовно-исполнительных инспекций свидетельствуют о том, что наказания в виде исправительных и обязательных работ постепенно приобретают все большее значение в борьбе с преступлениями небольшой и средней тяжести. В то же время, несмотря на ряд неоспоримых преимуществ, доля наказания в виде штрафа в правоприменительной практике России продолжает оставаться незначительной, что косвенно свидетельствует о его низкой эффективности.

2. Тенденция расширения применения наказаний, альтернативных лишению свободы, обусловила повышение внимания к проблемам организации деятельности службы судебных приставов и уголовно-исполнительных инспекций со стороны руководства ФССП и ФСИН России и иных органов государственной власти.

3. Уголовные наказания, не связанные с лишением свободы, как институт уголовного и уголовно-исполнительного права, а также как средство противодействия преступности постепенно находят свое отражение в правовом сознании рядовых граждан, что создает предпосылки для дальнейшего совершенствования их применения.

4. За истекшие четыре года предприняты значительные меры, направленные на повышение уровня технического оснащения службы судебных приставов и уголовно-исполнительных инспекций, их финансирования и решения кадровых проблем. Имеющиеся данные об их состоянии наглядно демонстрируют улучшение ситуации.

5. Несмотря на улучшение ситуации в сфере организации и ресурсного обеспечения, назначения и исполнения наказаний в виде штрафа, исправительных и обязательных работ, нерешенными остаются вопросы их нормативно-правового регулирования (касающиеся порядка принудительного взыскания, определения места работы, осуществления функций контроля за отбыванием наказаний и т.д.).

6. В целях обеспечения исполнения штрафа необходимо изучение вопроса о возможности принудительного трудоустройства осужденных, имеющих дополнительное наказание в виде штрафа, освобождающихся от отбывания лишения свободы. Представляется целесообразным обеспечение принудительного трудоустройства освобождающихся.

7. Требуется также изучения вопрос о трудовой занятости в период отбывания лишения свободы осужденных, которым в качестве дополнительного наказания назначен штраф.

8. Нерешенным остаются вопросы ответственности несовершеннолетних осужденных за уклонение от отбывания наказания в виде исправительных и обязательных работ и возможности их замены другими видами наказания.

9. Требуется нормативно-правового и организационного обеспечения такое направление деятельности службы судебных приставов и уголовно-исполнительных инспекций, как розыск лиц, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, исправительных и обязательных работ. Предлагается внесение изменений в ч. 4 ст. 32 УИК РФ с указанием конкретного органа, на который возлагается обязанность по розыску. В качестве вариантов предлагается создание в структуре ФССП подразделения по розыску с обязательным наделением его сотрудников правом ведения оперативно-розыскной деятельности в полном соответствии с действующим федеральным и ведомственным законодательством. В связи с этим необходимы соответствующие изменения и дополнения в федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

10. Актуальным остается вопрос информационного взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел в сфере контроля за поведением осужденных к исправительным и обязательным работам.

11. Важным представляется выработка критериев оценки эффективности деятельности ФССП в сфере исполнения уголовного наказания в виде штрафа. Необходим выбор дополнительных критериев, используемых для определения рейтинговых показателей деятельности ФССП за отчетный период, а также увеличение их количества, что позволит обеспечить большую объективность и достоверность.

26–30 апреля 2010 г. в институте прошла очередная, ставшая уже традиционной, Неделя науки – комплекс мероприятий научного характера, включающий в себя научные и научно-практические семинары, круглые столы, олимпиады по разным дисциплинам, научные и научно-практические конференции. Неделя науки объединила в 22 научных мероприятиях свыше 250 участников, в том числе представителей Академии ФСИН России, Владимирского и Псковского юридических институтов ФСИН России, студентов и аспирантов вологодских вузов. Заочное участие в приняли адъюнкты, курсанты и слушатели Академии Комитета УИС Министерства юстиции Республики Казахстан.

Все мероприятия прошли на высоком организационно-научном уровне, а их участники продемонстрировали хорошую теоретическую подготовку в различных областях знаний.

Важным мероприятием в преддверии празднования 65-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне стала межфакультетская викторина «Шаги Великой Победы», которая была проведена на кафедре философии и истории.

Другим актуальным научным мероприятием являлась межвузовская викторина по вопросам реформирования УИС. Ее участники смогли проверить свои знания в самых сложных вопросах, связанных с подготовкой и реализацией реформы отечественной пенитенциарной системы.

Центральным событием Недели науки стала межвузовская научно-практическая конференция адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей «Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования». В ходе конференции были обсуждены основные тенденции реформирования деятельности УИС в современных условиях, рассмотрены инновации, реализуемые в современной уголовно-исполнительной практике, обсуждены направления совершенствования пенитенциарной работы и профессионального образования специалистов УИС. По каждому направлению были внесены предложения в итоговую резолюцию конференции.

30 апреля состоялось подведение итогов Недели науки. Наиболее активные участники форума были поощрены денежными премиями, дипломами и благодарностями. Кроме того, были официально объявлены итоги и вручены призы победителям внутривузовского конкурса научных работ, проходившего в институте в январе–апреле текущего года.

НАШИ АВТОРЫ

Сергей Алексеевич Старостин – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Старостин Сергей Алексеевич родился 4 сентября 1952 г. в г. Алексине Тульской области, где в 1970 г. окончил среднюю школу г. Алексина. С 1970 по 1976 гг. обучался в Тульском техническом университете на факультете «Системы автоматического управления» по специальности «инженер». По окончании университета с 1976 по 1984 гг. работал на Комбинате производственных предприятий г. Электросталь Московской области, где прошел путь от инженера до начальника цеха.

В 1984 г. С.А. Старостин был назначен на должность заместителя начальника УВД г. Электросталь Московской области, в которой прослужил шесть лет. В этом же году поступил в Академию МВД СССР, где обучался до 1988 г. и получил специальность «юрист-правовед».

1990 г. стал для Сергея Алексеевича годом начала научно-педагогической деятельности. С 1990 по 1993 гг. он прошел обучение в адъюнктуре Академии управления МВД России, подготовил и в 1993 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Управление органами внутренних дел при массовых беспорядках – правовой и организационный аспекты» (специальность 05.13.10 – управление в социальных и экономических системах (юридические науки)). С 1993 по 2002 гг. С.А. Старостин работал на преподавательских и руководящих должностях в Академии управления МВД России (кафедра управления ОВД в особых условиях; кафедра управления органами внутренних дел). В 1996 г. ему было присуждено ученое звание доцента.

Примечательным фактом в профессиональной деятельности С.А. Старостина является работа депутатом Московской областной думы в

период с 1990 по 1993 гг. Не обошли стороной Сергея Алексеевича и спортивные достижения (является мастером спорта по спортивной гимнастике).

С 1998 по 2000 гг. С.А. Старостин обучался в докторантуре Академии управления МВД России. В 2000 г. ему была присуждена ученая степень доктора юридических наук. Тема докторской диссертации – «Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях» (специальность 12.00.13 – управление в социальных и экономических системах (юридические аспекты); правовая информатика; применение математических методов и вычислительной техники в юридической деятельности). В 2003 г. Сергею Алексеевичу присуждено ученое звание профессора.

В 2002 г. С.А. Старостин был назначен заместителем начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, где прослужил до 2007 г. и вышел в отставку в звании полковника милиции.

С 2007 г. С.А. Старостин работает в Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в должности профессора кафедры административного права. В МГЮА им. О.Е. Кутафина С.А. Старостин подготовил и читает курсы лекций по административному праву (128 ч), административной юрисдикции (64 ч), государственной службе (136 ч).

Сергей Алексеевич продолжает работать в Академии управления МВД России, где читает лекции по спецкурсам «Управление органами внутренних дел», «Управление ОВД в чрезвычайных ситуациях». С 2003 г. является профессором кафедры административно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, где им подготовлен и читается курс лекций «Организация правоохранительной деятельности», проводятся научные исследования по проблемам совершенствования управления органами и учреждениями ФСИН России, осуществляется научное руководство адъюнктами.

Состоит в двух докторских диссертационных советах: при ВНИИ МВД России – заместитель председателя совета (специальности 12.00.08, 12.00.09, 12.00.14), при Академии ФСИН России (специальность 12.00.11).

Под научным руководством С.А. Старостина защищены 2 диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук и 20 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. В настоящее время Сергей Алексеевич осуществляет научное руководство по подготовке 7 кандидатских диссертаций и научное консультирование по 5 докторским диссертациям. Все они посвящены проблемам административного права и управлению в социальных системах. В целом результаты проводимых под руководством С.А. Старостина научных исследований, особенности научного подхода его учеников позволяют судить о наличии самостоятельной научной школы в сфере знания о функционировании органов внутренних дел, ор-

ганов исполнительной власти в условиях чрезвычайных ситуаций, административного права.

С.А. Старостиным опубликовано 88 научных и научно-методических трудов, из них 2 монографии («Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях», «МВД России в системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»), 3 курса лекций («Организация управления в органах внутренних дел», «Административное право», «Административное право России»), 2 учебных пособия, 12 лекций, комментариев к федеральному конституционному закону «О чрезвычайном положении» (в соавторстве).

В Государственной Думе 3 созыва (2000–2003 гг.) С.А. Старостин являлся экспертом комитета по безопасности. Непосредственно участвовал в подготовке и прохождении ряда федеральных законов в области безопасности, в том числе федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении».

Профессор Старостин является одним из авторов Концепции развития ОВД и ВВ России на период 1996–2005 гг. В 2003 г. приказом министра внутренних дел Российской Федерации был включен в межведомственную группу по взаимодействию с полномочным представителем России в Европейском суде по правам человека. В марте 2010 г. включен в состав комиссии МВД России по подготовке концепции федерального закона «О милиции». С.А. Старостин является членом Общественного совета при ФСИН России.

Участвовал в многочисленных международных научно-практических конференциях, в том числе в Германии, Швеции, Украине, Киргизии, Нидерландах.

Профессор Старостин является автором научной статьи «Административная реформа в Российской Федерации: окончание или только начало?», опубликованной в третьем номере научно-практического журнала «Вестник института: преступление, наказание, исправление» (2008 г.).

Во втором квартале 2010 г. сотрудниками института защищена 1 диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератом диссертации можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре в библиотеке института.

Филипова Елена Евгеньевна, преподаватель кафедры информатики и математики.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по специальности 01.01.06 – Математическая логика, алгебра и теория чисел (научный руководитель – д-р физ.-мат. наук, профессор Мухин В.В.) состоялась в диссертационном совете при Санкт-Петербургском государственном университете 12 мая 2010 года. **Тема: «Непрерывность операций на полугруппах и их обобщениях».**

Целью диссертационного исследования являлось исследование взаимосвязи алгебраической и топологической структур на полугруппах и n -полугруппах, установление условий, при которых полугрупповая операция на полугруппе, n -полугруппе становится непрерывной по совокупности аргументов.

Диссертация носит теоретический характер. Результаты диссертации могут быть использованы при изучении топологических групп и полугрупп, n -групп и n -полугрупп, с теоретических исследованиях в области топологической алгебры, теории функций, функциональном анализе, а также при разработке спецкурсов по алгебре для студентов.

РЕЦЕНЗИИ

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемая часть которой – проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

Рецензия на учебное пособие «Уголовно-исполнительное право. Особенная часть»

С.В. ИЗОСИМОВ – начальник кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Представленное для рецензирования учебное пособие «Уголовно-исполнительное право.

Особенная часть» подготовлено авторским коллективом кафедры уголовно-исполнительного права Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Оно представляет собой самостоятельную, емкую работу по изучению вопросов исполнения уголовных наказаний, а также применения иных мер уголовно-правового характера.

Предлагаемое учебное пособие выгодно отличается от иных работ, посвященных проблемам Особенной части уголовно-исполнительного права, прежде всего, своей структурой. При подготовке его глав авторами использовалась достаточно содержательная с точки зрения характера правоограничений классификация видов наказания на следующие группы: оказывающие в основном морально-психологическое воздействие на осужденного, ограничивающие его трудовую правоспособность, ограничивающие право собственности осужденного и ограничивающие его личную свободу.

Помимо рассмотрения вопросов исполнения различных видов уголовных наказаний, в учебном пособии содержатся главы, посвященные освобождению от отбывания наказания и контролю за условно осужденными, применению иных мер уголовно-правового характера, а также особенностям исполнения уголовных наказаний в зарубежных государствах.

Рецензируемый труд отличается не только по структуре, но и по содержанию и форме изложения материала. Авторский коллектив стремился облегчить студентам усвоение излагаемого материала, с тем чтобы было как можно доступнее восприятие и понимание положений уголовно-исполнительного права. Так, каждая глава работы дополняется списком рекомендованных источников, а также перечнем контрольных вопросов и заданий. Учтена была и двоякая сущность учебного издания: с одной стороны в нем невозможно обойтись без изложения элементарных положений, азов уголовно-правовых знаний, с другой – обучающиеся должны видеть и знать существующие в пенитенциарной науке и практике проблемы. Поэтому излагаемому материалу авторы вполне справедливо придали проблемный характер. Это, несомненно, будет способствовать активизации мыслительного процесса студентов, нацеливать их на размышления, ориентировать на поиск самостоятельных решений проблемных ситуаций.

Следует отметить, что авторы не обошли вниманием то обстоятельство, что принятое в 1997 г. уголовно-исполнительное законодательство зафиксировало немало нового, ценного, что было наработано теорией и практикой. В то же время действующий Уголовно-исполнительный кодекс небезгрешен и со стороны содержания, и со стороны формы (соответствия уровню законодательной техники). Об этом, в частности, свидетельствуют последовавшие вскоре после начала действия УИК РФ изменения и дополнения в него.

Данная работа может быть полезна для курсантов, слушателей и студентов образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов, а также для аспирантов (адъюнктов), преподавателей и научных сотрудников.

Полагаю, что рецензируемое пособие соответствует всем требованиям, предъявляемым к подобного рода учебным изданиям, и может быть рекомендовано к опубликованию.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Соболев Н.Г. Адаптация выпускников высших образовательных учреждений ФСИН России к службе в уголовно-исполнительной системе: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 129 с. – ISBN 978-5-94991-139-6.

В монографии рассматриваются подходы к исследованию адаптации молодых специалистов в новой профессиональной среде, принятые в зарубежной и отечественной психологии. Основное внимание уделяется особенностям адаптации выпускников вузов ФСИН России в практических органах и учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Автором рассмотрены также современные требования, предъявляемые к молодым специалистам в УИС, на основе анализа научной литературы и данных ведомственной статистики предложены классификация детерминант адаптации выпускников к новой профессиональной среде, комплекс мероприятий, способствующих их успешной адаптации к службе в уголовно-исполнительной системе.

Монография предназначена для курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России, пенитенциарных психологов, практических работников, адъюнктов и соискателей.

Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника уголовно-исполнительной системы: Монография / А.М. Сысоев, И.И. Соколов, С.В. Горностаев, А.В. Салатин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 151 с. – ISBN 978-5-94991-143-3.

В работе отражены особенности возникновения и развития профессиональной дефор-

мации у сотрудников учреждений и органов исполнения наказаний, общие направления профилактики изучаемого явления и специальные меры, направленные на предотвращение конкретных негативных последствий профессиональной деформации среди персонала УИС.

Монография предназначена для научных и практических работников ФСИН России, психологов и сотрудников службы по работе с личным составом органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, курсантов и слушателей, преподавателей образовательных учреждений ФСИН России.

Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 26–27 ноября 2009 г.) / Отв. ред. начальник ВИПЭ ФСИН России канд. юрид. наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации В.В. Попов, начальник Научно-исследовательского института ФСИН России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации В.И. Селиверстов: В 2 ч. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – Ч. 2. – 357 с. – ISBN 978-5-94991-140-2.

В сборнике материалов международной научно-практической конференции основное внимание уделено вопросам сокращения количества осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, в том числе воспитательных колониях; расширения применения в отношении несовершеннолетних наказаний и иных уголовно-правовых мер, альтернативных лишению свободы; повышения эффективности деятельности органов и учреждений ФСИН России; создания и функционирования воспитательных домов для несовершеннолетних осужденных; совершенствования форм и методов воспитательной, психологической и социальной работы с данной категорией лиц; оптимизации структуры и повышения качества подготовки специалистов в образовательных учреждениях ФСИН России. Иностранцами участниками конференции был представлен зарубежный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Уголовно-исполнительная система в условиях модернизации России во второй половине XIX – начале XXI веков: Сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 17 апреля 2009 г.) / Отв. ред. А.Л. Кузьминых. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 116 с.

В сборник включены статьи, освещающие историю становления и развития отечественной уголовно-исполнительной системы в условиях модернизации России во второй половине XIX – начале XXI вв.

Данное издание, подготовленное в соответствии с п. 1.7 Плана НИОКД института на 2009 г. и перспективу, предназначено для курсантов, изучающих историю уголовно-исполнительной системы России, а также преподавателей, адъюнктов, практических работников исправительных учреждений.

Материалы сборника могут быть использованы в рамках служебной подготовки сотрудников ФСИН России.

Проблемы функционирования производственно-хозяйственных подразделений УИС: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. канд. тех. наук, доцент М.М. Андропова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 91 с.

Сборник материалов семинара содержит статьи и краткие тексты выступлений его участников – руководителей и сотрудников инженерно-экономического и психологического факультетов ВИПЭ ФСИН России, руководителей и сотрудников ФСИН России.

Материалы отражают актуальные проблемы реформирования производственно-хозяйственной деятельности УИС, в том числе применительно к учреждениям вологодского УФСИН и УФСИН России по Республике Коми, дают представление о научных интересах профилирующих кафедр инженерно-экономического и психологического факультетов института, содержат некоторые практические решения и рекомендации по совершенствованию производственного сектора УИС. Ряд материалов отражает проблемы повышения уровня образования осужденных к лишению свободы несовершеннолетних и взрослых лиц. Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава родственных кафедр вузов, а также для практических работников учреждений УИС.

Издание подготовлено в соответствии с п. 6.5 Плана НИОКД института на 2008/2009 учебный год и перспективу.

Психолого-педагогические аспекты социализации личности: Сборник материалов международного научно-практического семинара (г. Вологда, 19 февраля 2009 г.) / Под общ. ред. канд. пед. наук, доцента О.Б. Пановой, канд. пед. наук Е.В. Храбровой. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 247 с.

В сборнике рассматриваются теоретические и прикладные вопросы, связанные с процессом социализации личности. Данный процесс представлен в двух аспектах: социальной адаптации, предполагающей активное приспособление индивида к условиям среды, и социальной автономизации, обеспечивающей реализацию совокупности установок на себя, устойчивость в поведении и отношениях. В качестве особой проблемы выделена

специфика ресоциализации лиц, осужденных за совершение преступлений и отбывающих наказание в исправительных учреждениях или состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Сборник подготовлен в соответствии с п. 6.10 Плана НИОКД института 2008/2009 учебный год и перспективу

Трусов В.А., Чурина Т.Н. Расчет производительности деревообрабатывающего оборудования: Учебное пособие для направления 250300 – «Технология и оборудование лесозаготовительного и деревообрабатывающего производства». – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 67 с. – ISBN 978-5-94991-137-2.

В учебном пособии приведены основные положения теории производительности, рассмотрены общий метод расчета производительности рабочих машин, методики расчета производительности цикловых рабочих машин и рабочих машин проходного типа. Отдельные разделы посвящены проверке расчетных формул производительности и анализу производительности рабочей машины.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по направлению 250300 – «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств».

Уголовно-исполнительное право. Особенная часть: Учебное пособие / Под ред. А.Л. Санташова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 164 с. – ISBN 978-5-94991-141-9.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с действующим законодательством, Государственным образовательным стандартом по специальности 030501 – «Юриспруденция», в частности программой курса уголовно-исполнительного права.

Каждая глава дополняется библиографическим списком, а также перечнем контрольных вопросов и заданий.

Данное пособие предназначено для курсантов, слушателей и студентов образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов, а также аспирантов (адъюнктов), преподавателей и научных сотрудников.

Моторова Н.В. Конституционное правосудие в России: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 136 с. – ISBN 978-5-94991-142-6.

В учебном пособии в соответствии с действующим законодательством рассматриваются основные институты конституционного судебного права и процесса. Читатель получает знания о природе Конституционного Суда Российской Федерации, его месте в системе органов государственной власти, организационных основах деятельности органа конституционного контроля, статусе судей Конституционного Суда и конституционной

юрисдикции. В пособии также характеризуются основные стадии конституционного судебного процесса, дается общее представление об организации конституционно-уставного судопроизводства в субъектах Российской Федерации.

Пособие предназначено для курсантов, студентов и слушателей, обучающихся по специальности 030501 – «Юриспруденция», а также для всех, кто интересуется проблемами судебного конституционного контроля.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

2–3 декабря 2010 г. по решению директора ФСИН России в Вологодском институте права и экономики состоится международная научно-практическая конференция «Воспитательный центр для содержания несовершеннолетних осужденных: актуальные проблемы реализации концептуальной модели»

Идея проведения конференции

Исследование теоретических, социально-правовых и организационных вопросов реализации концептуальной модели воспитательного центра для содержания несовершеннолетних осужденных в свете предстоящего реформирования уголовно-исполнительной системы России и преобразования воспитательных колоний.

Цель проведения конференции

Определение социально-правовых и организационных возможностей и направлений реализации концептуальной модели воспитательного центра для содержания несовершеннолетних осужденных с учетом отечественного и зарубежного опыта в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы.

Задачи конференции

1. Анализ международных стандартов, отечественного и зарубежного законодательства в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних.

2. Анализ практики исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних в России и за рубежом.

3. Изучение состояния и причин преступности несовершеннолетних в России и за рубежом.

4. Выявление основных недостатков законодательства и иных факторов, негативно влияющих на деятельность воспитательных колоний.

5. Анализ первых результатов эксперимента по созданию воспитательных центров на базе Брянской ВК УФСИН России по Брянской области и Алексинской ВК УФСИН России по Тульской области.

6. Выработка предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство, направленных на реализацию концептуальной модели воспитательного центра для содержания несовершеннолетних правонарушителей.

7. Выработка предложений по организации отдельных направлений деятельности воспитательных центров для содержания несовершеннолетних правонарушителей, изменению форм и методов работы с осужденными.

8. Рассмотрение вопросов, касающихся подготовки кадров для воспитательных центров.

Участники конференции

В работе конференции планируется участие представителей центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России, зарубежных пенитенциарных и образовательных учреждений, ведущих ученых образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры и Минобрнауки России, работников органов государственной власти и местного самоуправления Вологодской области, представителей общественных организаций.

Содержание дискуссии

Основным предметом обсуждения на научно-практической конференции являются теоретические, социально-правовые и организационные вопросы реализации концептуальной модели воспитательного центра для содержания несовершеннолетних осужденных в свете предстоящего реформирования уголовно-исполнительной системы России и преобразования воспитательных колоний. В ходе работы конференции предполагается рассмотреть отечественный и зарубежный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, опыт организации различных направлений деятельности воспитательных колоний и на основе этого выработать конкретные предложения по созданию и организации деятельности воспитательных центров для несовершеннолетних.

Теоретическая и практическая значимость проведения конференции

Выводы и предложения, полученные в ходе работы конференции, будут служить теоретической и эмпирической основой для проведения дальнейших исследований проблем исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Рекомендации, принятые по итогам конференции, могут быть использо-

ваны в процессе непосредственной реализации концептуальной модели воспитательного центра, в том числе в закреплении правовых основ и организации отдельных направлений деятельности подобных учреждений.

По итогам работы научно-практической конференции предполагается выпустить сборник материалов, предназначенных для использования в образовательном процессе учебных заведений ФСИН России и других юридических вузов, в том числе в процессе подготовки кадров для будущих воспитательных центров.

Актуальность проведения конференции обусловлена теоретической и прикладной значимостью проблем в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, необходимостью совершенствования деятельности воспитательных колоний, решения правовых и организационных вопросов в процессе их преобразования в исправительные учреждения нового типа – воспитательные центры с обычным и усиленным наблюдением.

Необходимость совершенствования деятельности воспитательных колоний обусловлена недостатками в правовом регулировании и организации их работы, что негативно отражается на воспитательной, социальной, психологической и иной работе, осуществляемой с несовершеннолетними осужденными в процессе их исправления.

В настоящее время законодательством закреплены ограниченные возможности для дифференциации исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных (п. 9 ст. 74 УИК РФ). Изменения, внесенные в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, упразднили существовавшие ранее общий и усиленный режимы в воспитательных колониях для несовершеннолетних преступников. Данное нововведение объяснялось существованием на территории Российской Федерации всего лишь 4 воспитательных колоний усиленного режима, в которых на начало 2001 г. содержалось около 500 несовершеннолетних. Новелла нанесла серьезный ущерб принципу дифференциации исполнения наказания. Упразднение градации воспитательных колоний по видам режимов фактически привело к объединению во время отбывания наказания несовершеннолетних осужденных с различной степенью криминализации. Сегодня в воспитательных колониях совместно содержатся лица, впервые осужденные к лишению свободы и ранее отбывавшие данный вид наказания, несовершеннолетние, осужденные за совершение преступлений различной степени тяжести. В результате этого отрицательно характеризующиеся осужденные имеют возможность оказывать негативное влияние на остальных осужденных, содержащихся в воспитательной

колонии. Все большее распространение среди несовершеннолетних осужденных приобретают элементы криминальной субкультуры.

Все это усугубляется тем, что воспитательные колонии не отделены от общей системы пенитенциарных учреждений. Несовершеннолетние в большинстве случаев поступают в воспитательные колонии из следственных изоляторов, а достигнув совершеннолетия, переводятся для отбытия оставшегося срока наказания в исправительные колонии общего режима. Данные обстоятельства в значительной степени обуславливают сложную криминогенную обстановку, которая сохраняется во многих воспитательных колониях, и, в конечном счете, существенно снижают возможности воспитательных колоний в достижении целей исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений. О недостаточной эффективности применяемых к несовершеннолетним видов наказаний, в первую очередь лишения свободы, свидетельствует, в частности, постоянное увеличение доли несовершеннолетних осужденных, имеющих неснятую и непогашенную судимость (с 9% в 2002 г. до 25% в 2009 г.), в том числе ранее осужденных к лишению свободы (с 5% в 2002 г. до 18% в 2009 г.).

К несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы, в соответствии с действующим законодательством (гл. 12, 14 УИК РФ) применяются те же средства исправления, что и к взрослым осужденным. Вместе с тем их применение к осужденным в воспитательных колониях не в полной мере учитывает психолого-педагогические особенности несовершеннолетних, что снижает эффективность социально-реабилитационной работы с ними. Во многом это связано и с тем, что установленные законом различия между условиями содержания осужденных, существующими в воспитательной колонии, и условиями содержания в других исправительных учреждениях не являются существенными (гл. 17 УИК РФ).

В соответствии с перечнем поручений Президента России от 25 февраля 2009 г. и перечнем поручений Правительства Российской Федерации от 10 марта 2009 г., принятыми по итогам заседания Президиума Государственного Совета Российской Федерации 11 февраля 2009 г. в г. Вологде, Министерством юстиции Российской Федерации и Федеральной службой исполнения наказаний разработан проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2020 г. Данный документ предусматривает преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры с обычным и усиленным наблюдением. Подобные преобразования обусловлены изменениями уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, новыми взглядами на ее цели и средства, последовательным развитием уголовно-исполни-

тельной системы по пути гуманизации процесса исполнения наказаний, достижения международных стандартов содержания осужденных в исправительных учреждениях, развитием системы ювенальной юстиции в России. При этом на передний план выдвигаются задачи, связанные с реализацией целей исправления и ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Всего на базе существующих 62 воспитательных колоний предполагается создание 33 воспитательных центров двух видов: с обычным наблюдением (для несовершеннолетних, впервые осужденных к лишению свободы) и усиленным наблюдением (для несовершеннолетних, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы; несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений). Подобные преобразования обусловлены изменениями уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, новыми взглядами на ее цели и средства, последовательным развитием уголовно-исполнительной системы по пути гуманизации процесса исполнения наказаний, достижения международных стандартов содержания осужденных в исправительных учреждениях, развитием системы ювенальной юстиции в России. При этом на передний план выдвигаются задачи, связанные с реализацией целей исправления и ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры имеет целый ряд преимуществ, поскольку предусматривает:

- создание структуры воспитательного центра, позволяющей обеспечить непрерывность и преемственность социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними с момента заключения их под стражу и до момента освобождения, оградить несовершеннолетних от влияния со стороны взрослых преступников, воспрепятствовать распространению криминальной субкультуры (за счет включения в структуру воспитательного центра помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора – ПФРСИ; участка для содержания несовершеннолетних осужденных, а также положительно характеризующихся осужденных в возрасте до 19 лет; изолированного участка, функционирующего в режиме исправительной колонии (тюрьмы) общего режима; социально-реабилитационного центра);

- обеспечение отдельного содержания несовершеннолетних осужденных, имеющих наибольшую степень криминальной зараженности, и остальной части воспитанников (за счет создания воспитательных центров с обычным и усиленным наблюдением);

- оптимизацию численности несовершеннолетних осужденных в коллективах, создание мультидисциплинарных групп осужденных

(вместо отрядов), что позволит обеспечить индивидуализацию процесса исправительного воздействия, приоритет в работе психолого-педагогических и социальных методов и форм воздействия на осужденных;

- обеспечение условий отбывания наказания, позволяющих стимулировать правопослушное поведение осужденных путем последовательного снижения уровня правоограничений (система «социального лифта»);

- создание целостной эффективной системы подготовки осужденных к освобождению посредством включения в структуру воспитательного центра соответствующего подразделения – социально-реабилитационного центра;

- минимизацию в работе воспитательных центров элементов, характерных для тюремного учреждения;

- наличие в штатах воспитательного центра значительно большей численности сотрудников, осуществляющих функции социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными, а также функции медицинского обслуживания (с одновременной их специализацией в зависимости от категорий осужденных, участка воспитательного центра, этапа отбывания наказания);

- специализированную подготовку основных категорий сотрудников по работе с несовершеннолетними осужденными, в том числе на базе высших образовательных учреждений ФСИН России.

По поручению директора ФСИН России Вологодский институт права и экономики ФСИН России принял участие в разработке проекта концептуальной модели воспитательного центра с обычным и усиленным наблюдением. В ходе работы авторскому коллективу пришлось решить ряд сложных вопросов, связанных с организационным построением воспитательных центров и определением основных направлений их деятельности. По многим из этих вопросов нет единого мнения ни у практических работников, ни среди ученых, что обуславливает необходимость их тщательного изучения и рассмотрения с участием широкого круга специалистов в данной области. Наиболее дискуссионными являются вопросы, касающиеся уровня охраны и открытости воспитательных центров, правового статуса участка воспитательного центра для содержания несовершеннолетних осужденных, условий, которые должны быть обеспечены в каждом из участков, раздельного содержания различных категорий правонарушителей, закрепления элементов прогрессивной системы исполнения наказания в условиях сложной организационной структуры воспитательных центров, изменения форм и методов работы с воспитанниками.

В настоящее время к числу наиболее актуальных относятся вопросы практической реализации

разработанной модели воспитательного центра с обычным и усиленным наблюдением. Существует необходимость научного обсуждения первых результатов ее апробации на базе Алексинской и Брянской воспитательных колоний.

Таким образом, вопросы практической реализации модели воспитательного центра с обычным и с усиленным наблюдением имеют большое значение и требуют пристального внимания и широкого обсуждения как в связи с предстоящим реформированием уголовно-исполнительной системы России, так и в связи с созданием полноценной системы ювенальной юстиции в нашей стране. Рассмотрение данных вопросов в ходе научно-практической конференции позволит повысить эффективность осуществляемых преобразований, сформировать научно-методическую базу для создания воспитательных центров на территории Российской Федерации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алауханов Е.О., заведующий кафедрой судебной власти и уголовного процесса Казахского национального университета им. Аль-Фараби, член научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор. Тел. +770011118828.

Андропова М.М., начальник кафедры технологии и оборудования лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Бабкин А.А., начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Гаврилов Б.Я., заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: prof-gavrilov@ya.ru

Голодов П.В., начальник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Гусак В.А., доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Челябинского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. Тел. (351) 263-47-24.

Денисова Т.Н., заведующая кафедрой практической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: tnd@mail.ru

Истомина М.В., соискатель кафедр уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: istommarina@mail.ru

Калашник Н.Г., заместитель председателя Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний. E-mail: NGK2001@rambler.ru

Козаченко Е.Б., судья судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда, кандидат юридических наук. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Козаченко И.Я., заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Косоногова С.В., начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Кошко О.В., доктор экономических наук, профессор Вологодского государственного технического университета. E-mail: streamant@yandex.ru

Крюкова Д.Ю., аспирант Вологодского государственного технического университета. E-mail: magnyi@list.ru

Кузьминых А.Л., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. Email: alk@inarnet.ru

Лапшин В.Ф., начальник кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Малинин В.Б., профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: lbs1958@yandex.ru

Малкова Л.Л., доцент кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Новиков Я.О., аспирант Российской академии правосудия. E-mail: 11081975@list.ru

Попов В.В., начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Потапов А.М., заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права, кандидат юридических наук. Email: potapov_35@list.ru

Савельева В.А., доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат химических наук. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Санташов А.Л., начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Свинин Е.В., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: evsvinin@yandex.ru

Смирнов Л.Б., профессор кафедры уголовного права Северо-Западной академии государственной службы (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: lbs1958@yandex.ru

Собчук С.О., аспирант Московского нового юридического института. E-mail: zubarevsm@rambler.ru

Софронова С.А., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kafedra_gpd@mail.ru

Сысоев Д.А., аспирант кафедры бухгалтерского учета и аудита Вологодского государственного технического университета. E-mail: sysoev@severgazbank.ru

Шаталова Т.В., соискатель Академии правосудия при Верховном Суде Российской Федерации. E-mail: asshatalov@rambler.ru

Янчук И.А., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права, кандидат юридических наук. E-mail: igor35.82@mail.ru

ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS

Alauhanov Y.O., the head of the Judicial Power and Criminal process department of Kazakhstan national university named after Al-Faraby, a member of scientific and consultant union at the Supreme Court in Kazakhstan Republic, Doctor of Law, professor. Tel. +770011118828.

The problems of national criminal law of correlation with international criminal law.

Each state faces the problem of international law norms implementation. The priority of international law over national law is admitted by any legal state. That leads towards unjustified formalization of issues in the country's normative acts and doesn't always meet its demands. The

article concerns both the questions of overcoming in criminal legislation the unification implemented on the basis of international law norms and analyses the experience of solving this problem by separate states – representatives of roman and german and anglo-saxon law systems.

Key words: international law, national criminal legal system, coincidence of criminal legal systems, roman and german and anglo-saxon law systems, unification.

Andronova M.M., the head of the technology and logging equipment and woodworking production department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia, candidate of technical sciences, associate professor;

Savelyeva V.A., an associate professor of the computer science and mathematics department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia, Candidate of Chemistry. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

On the issue of the estimate of ecological efficiency of special establishments

The basic approaches to the estimate of ecological efficiency of organization are considered with a view to the possibility of management decision making in the field of environmental protection. The criteria of environmental activity appraisal are given. The authors determine the main principles which are necessary to be used in choosing the environmental indicator system.

Key words: environmental protection, environmental impact assessment, ecological efficiency, ecological aspects of organization, environment management systems, environmental indicators.

Babkin A.A., the head of the Computer Science and Mathematics department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of pedagogical sciences. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru; **Kryukova D.Y.**, the Vologda Technical University post-graduate. E-mail: magnyi@list.ru

Using of educational, particularly, remote technologies in correctional institutions

The article gives an idea of educational, namely, remote technologies using in correctional institutions. Data base, electronic libraries, laws and regulations of penitentiary institutions informatization, providing with computer equipment as well are paid particular attention to.

Key words: reforming of correctional system; information technology; remote education; "Criminon"; electronic library; information legal service.

Denisova T.N., the head of the Practical Psychology department of the Vologda Pedagogical University, candidate of Psychology, associate professor. E-mail: tnd@mail.ru

Secured and deviant juveniles' time concept

The findings of empirical study about secured and deviant juveniles' time concept are given in the article. The research results are interpreted by means of the original three-level time concept suggested by the author. Here it is shown that the

subject's capacities for solving time problems are one of the basic requirements for socialization and low time facilities correlate with low social integration and propensity to abnormal behavior.

Key words: psychological time; time perspective; abnormal behavior; adolescence psychology; semantic time universals; time facilities; time concept; point like, periodic and global time.

Gavrilov B.Ya., the head of the department of management of crime investigating bodies of the Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, professor. E-mail: prof-gavrilov@ya.ru

The arraignment: current status and law enforcement problems (theses)

The review of institution of arraignment in present-day procedural criminal law legislature is made in the article. The author investigates some historical and legal context of arraignment as well and suggests removing the institution of arraignment while using the standard procedure of notice a person about the suspicion toward him or her in a criminal case.

Key words: institution of arraignment, procedural criminal law legislature, inquest and preliminary investigation.

Golodov P.V., the head of Scientific division of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law sciences; **Malkova L.L.**, associate professor, the head of Economics and Management department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of economic sciences, associate professor. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Controlling mechanisms for prisoners' labor adaptation in correctional institutions

In the article the concept and structure of controlling mechanisms for prisoners' in correctional institutions are given consideration to. The issues of prisoners' labor adaptation techniques and keeping its structural controlling mechanisms, the contents of labor adaptation programs are considered. The main ways for improvement of mechanism for labor adaptation are outlined.

Key words: prisoners' labor adaptation; control model; controlling mechanism; programs of labor adaptation; the center of prisoners' labor adaptation; social protection community.

Gusak V.A., a candidate of law sciences, docent, the Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Tel. (351) 263-47-24.

The main reform trends of the law enforcement system during the Great Patriotic war (1941-1945)

The trends and mechanism of militia organization and its activity during the war period are studied in the article. The author marks out two reform trends of the centralized law enforcement system: first, some new subdivisions were established as a result of increasing in number of militia functions, second, some militia functions became more intense, first of all those ones concerning the evacuation. The great attention is paid to the second direction; the author focuses on the activity of railway militia,

the fight against embezzlements, child neglect, reference and information services of militia. It is mentioned that the organizational measures taken were determined by the war conditions. As a result such militia functions as maintaining public order, continuous and effective home front work became more intense; the law enforcement agencies accomplished multidimensional tasks that covered the problems of mobilization, organization, control and the problems of criminal and legal character.

Key words: state authorities, law enforcement agencies, the system of militia agencies, railway militia, fight against child neglect, fight against embezzlements, reference and information services of militia, home front work provision.

Istomina M.V., applicant of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System. E-mail: istommarina@mail.ru

Guilt as the attribute of the subjective aspect of forcible takeover: criminal – legal and civil – legal aspects.

The scientific article is devoted to the problem of distinction of criminally punishable actions connected with forcible takeover and civil – legal delicts. The author discusses the problem of correlation between criminal – legal principle of guilt and civil – legal category of guiltiness in the aspect of inter-field difference of responsibility for forcible takeover.

Key words: forcible takeover; raiding crimes; civil – legal delict; illegal property takeover; good faith; guilt; subjective aspect of offence; elements of crime.

Kalashnik V.G., the deputy chair of the Ukraine state department in penal issues. E-mail: NGK2001@rambler.ru

Some aspects of the Ukraine penitentiary system reformation

The article covers the problems of the criminal justice policy, criminal punishment experience and the activity of the Ukraine penal institutions. Some issues of the effective functioning of the criminal justice system in the present-day situation including the reforming measures are considered in the article.

Key words: state criminal executive service, criminal executive inspection, close-type institutions, correctional centers, pre-trial detention centers, convicts.

Kosonogova S.V., the head of the administrative and law disciplines department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law sciences. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

The state financial control in the penal system: the problems of legal regulation

The main problems of legal regulation of financial control in the penal system are investigated and the ways of their solution are offered in the article. The author defines the departmental financial control in the penal system in a detailed way and the subjects of control as well.

Much attention is paid to the problem of legal effect of some departmental statutory acts regulating the financial control procedure in the penal system. Moreover, some suggestions concerning the development of legal regulation in this sphere are made.

Key words: penal system, financial control.

Kozachenko I.Ya., the head of the criminal law department of the Ural State Law Academy, honoured scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, professor; **Kozachenko E.B.**, a judge on criminal cases of the Sverdlovsk regional court, candidate of law sciences. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

The criminal – legal calculation of the aim of criminal punishment.

This article is devoted to the questions of achievement of the aim of some criminal punishment. In fact, particular aims, mentioned in the part 2 of the Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, cannot be achieved by application of any kind of punishment. Moreover, in some cases punishment provokes the convicted to commit new, more socially dangerous crimes.

Key words: measure of criminal responsibility; compulsory and stimulating components; aims of punishment; common and special prevention; correction of the convicted; restoration of the violated rights of victim; fairness of punishment.

Kuzminykh A.L., an assistant professor of philosophy and history department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of history sciences. E-mail: alk@inarnet.ru

People's Commissariat of Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs of USSR (1934-1956) development

In the article the author examines the process of development and functioning of the system of internal affairs bodies in the Soviet Union in the middle of 1930 – in the middle of 1950. Special attention should be paid to the structure, authorities and cadres of People's Commissariat of Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs apparatus, their place and role in the development of soviet state. Within the framework of People's Commissariat of Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs system the process of correctional institutions development is shown.

Key words: Internal Affairs bodies; national security; militia; penal system; repressions.

Lapshin V.F., the head of the chair of criminal law and criminalistics, the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System, candidate of law sciences, docent. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

The improvement of the criminal law in terms of liberalization of the Russian criminal policy.

Liberalization of the criminal policy has got different ways of its realization – from decriminalization of felonious behavior to minor reduction of punishment period for committing a

particular crime. This article contains deep analysis of different ways of liberalization of the modern Russian criminal policy. Then it presents information about the foreign experience of crime prevention and reduction of number of the persons sentenced for imprisonment. Suggestions on changing of the modern criminal law are formed according to social and legal factors in Russia.

Key words: punishment; criminal policy; humanization, liberalization; concept of the Russian Penal System reforming; sanction; decriminalization; conviction.

Malinin V.B., Doctor of law, professor, a professor of the Criminal law and Criminology department of the Vologda Institute of law and economics of the Federal Penal Service of Russia; **Smirnov L.B.**, Doctor of law, professor, a professor of the Criminal law department of the Northwestern Academy of public service (St. Petersburg). E-mail: lbs1958@yandex.ru

Penitentiary System of Russia in the context of coming reforms in the criminal and criminal executive legislature

The author tries to analyze the problems of the criminal and criminal executive state policy, the activity of penal bodies in the coming period of radical reforms. The object of analysis is the problems of effectiveness of the Penal system in the present-day situation, the prospective reform measures of the criminal punishment system and penitentiary system and the possible ways of their solution.

Key words: Penal system, correctional colonies, settled colony, prison, group of convicts, execution of punishment.

Novikov Ya.O., a post-graduate student of the Russian Academy of Justice. E-mail: 11081975@list.ru

Some qualification issues of slave labour in the Criminal law of Russia.

The analysis of corpus delicti structure envisaged by the article 127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and its practice is being made in the article. Some defects in statutory regulation of the crime are defined. The author classifies the main criteria pointing to the fact that man's labour is qualified as the slave one.

Key words: slave labour, consent of a victim, outsourcing, o- peer.

Popov V.V., the chief of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System, candidate of law sciences, docent, the honoured lawyer of the Russian Federation. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Educational centre as a new type of correctional institution for juvenile offenders.

The article reveals some actual questions of transformation of educational colonies into educational centers with common and intensive supervision in terms of the Russian Penal System reforming. The analysis of activity of educational colonies nowadays helps to determine some

perspectives of their further development and transformation. The author mentions that many aspects concerning the formation of educational centers are debatable. In the author's opinion these aspects demand to be thoroughly studied and practically proved.

Key words: educational colony; educational center; juvenile offenders; imprisonment; correction; correctional institution; resocialization; differentiation and peculiarity of the sentence.

Santashov A.L., the head of the Criminal Executive Law department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law sciences, docent. E-mail: santashov@list.ru; **Yanchuk I.A.**, a senior lecturer of the Criminal Executive Law department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law sciences. E-mail: igor35.82@mail.ru

About the development of the article 113 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation

The article is devoted to the review of the Federal law dated from April, 5, 2010 # 46-FL "About the Amendments to the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the Article 22 of the Russian Federation Law "About the Penal Bodies and Institutions". The authors define the reasons of the alterations to the article 113 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and evaluate them. The conclusion is that such a legislative decision is quite reasonable and proved scientifically but not developed logically. Thereupon the authors of the article suggest developing the article 113 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation in a legislative way.

Key words: reward measures, changes of imprisonment conditions, change of a kind of a penal institution, clemency, change of remanant by a minor kind of punishment.

Shatalova T.V., a post-graduate student of the Academy of Justice under the Supreme Court of the Russian Federation. E-mail: asshtalov@rambler.ru

The procedural authorities of a magistrate in a criminal case of private prosecution

The procedural authorities of a magistrate in a criminal case of private prosecution are studied in the article. The author defines the order of crime registration in cases of private prosecution, the information or data that must be given in a private accuser's petition, the order of assigning of judicial sitting.

Key words: a magistrate, criminal cases of private prosecution, a private accuser, private victim, inquest agencies, an investigator, a prosecutor, judicial sitting or trial.

Sobchuk S.O., a post-graduate of the Moscow new law institute. E-mail: zubarevsm@rambler.ru

Some theoretical aspects of anti-money laundering.

The author discusses questions concerning formation and modern notion of the term "anti-money laundering". There is comparison of many scientists' opinions concerning the essence of

such notion. The article contains analysis of norms of international legal documents and the Russian normative – legal acts containing the definition of “anti-money laundering” and establishing legal and criminal responsibility for such action. The author gives his own definition of this notion with the analysis of the given scientific information.

Key words: illegal profits; illegal means; legalization of illegal profits; criminal activity; anti-money laundering; process of legalization; criminal responsibility.

Svinin E.V., a docent of the state-legal branch of sciences of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law sciences. E-mail: E-mail: evsvinin@yandex.ru

Law order as a social phenomenon and common law category

In the article the author analyzes the law order as a category of conceptually-categorical series of common law theory and as a real social phenomenon simultaneously. The author pays attention to the weakness of law order perception as a category in the light of the category “course of law”. The nature of law is closely connected with the concept of the effectiveness of law actions. It is concerned with the capability of law to reach the definite positive social effect or in other words to ensure the social and economic development of the country. The measurement of law order level in the author’s opinion supposes the building of a strong system of figures characterizing on the one hand social adequacy and quality of legal norms and on the other hand – the effectiveness of state bodies’ functioning.

Key words: law; law order; course of law; public relations; legal relationship; quality of authorities and quality of law; effectiveness of government.

Sysoev D.A., a postgraduate student of the accounting and auditing department of the Vologda State Technical University. E-mail: sysoev@severgazbank.ru; **Koshko O.V.**, Doctor of Economics, professor of the Vologda State Technical University. E-mail: streamant@yandex.ru

The financial covenants as an innovation mechanism of discharge of credit obligation in Russia

The system of crediting as an element of financial intermediation is based on some fundamental principles. Taking into account the present crisis trends and using the experience of financial crisis in 1998 the authors develop a new system of priorities. They put the principle of credit security in the first place. The principle promotes the decrease of credit risk connected with the probability of default (improper discharge) on credit obligation.

The authors considered the ways of credit security which are new for the Russian practice. They are cross-default provision, negative pledge and any charge of asset and revenue, item about the maintenance of both some certain proportions of financial indices and restrictions on attraction of additional debt finance. The main targets of introducing the covenants are to reduce the credit risk by borrower and to determine a double liability for sustainable financial standing. Besides that the bank can exercise regular control over financial activity of the client.

Key words: finance, crediting, credit principles, credit risk, credit security, financial covenants, covenants, legal covenants, debt load coefficients, financial management, consolidated financial accountability, financial covenants monitoring, financial analysis, debt indicators, credit transaction.

Уважаемые подписчики!

С 1 апреля 2010 года проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» на второе полугодие по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в I томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Стоимость одного номера журнала составляет 170 рублей. Периодичность издания – 4 раза в год.